

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2023 № 11

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 11

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцев (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН,
Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 11

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China), S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan),
V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Леонида Леонидовича Фитуни	5
ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА	
<hr/>	
Рогожина Н.Г. Сможет ли Россия укрепить свои стратегические позиции в Юго-Восточной Азии?	6
Исаев Л.М. (Москва), Ильина А.М. (Санкт-Петербург). «Перестройка» по-нигерски: причины военного переворота 2023 г.	15
Воронина Н.А., Зеленова Д.А. Председательство ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка	23
Бочковская А.В. «Панджабский вопрос» и сикхская диаспора: призывы к сецессии в XXI веке	32
Чуванкова В.В. Частный бизнес в экономике КНР после XX съезда КПК	41
Подрезов М.А. Иран и Саудовская Аравия: новая разрядка?	48
Федоров Н.В. (Санкт-Петербург). Вьетнам и Южная Корея – новые партнеры в сфере обороны	56
ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА	
<hr/>	
Cheng Guo (КНР). The State Governance in the Coming Digital Age: Implications for China	63
Красова Е.В., Москальонова А.А. (Владивосток). Демографический кризис в Республике Корея: история, специфика, перспективы	71

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

**Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian
Science Citation Index на платформе Web of Science
и EBSCO Publishing.**

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

In memory of L.L. Fituni	5
POLITICS, ECONOMICS	
<hr/>	
Rogozhina N.G. Will Russia be Able to Strengthen Its Strategic Position in Southeast Asia?	6
Issaev L.M. (Moscow), Ilyina A.M. (St. Petersburg). “Perestroika” à la Nigérien: The Reasons for the Military Coup of 2023	15
Voronina N.A., Zelenova D.A. SA BRICS Chairship: From Emerging Partnership to a New World Order	23
Bochkovskaya A.V. The Punjab Issue and the Sikh Diaspora: Calls for Secession in the XXI Century	32
Chuvankova V.V. Private Business in the Chinese Economy after the 20th Congress of the CPC	41
Podrezov M.A. Iran and Saudi Arabia: A New Détente?	48
Fedorov N.V. (St. Petersburg). Vietnam and South Korea – New Partners in Defense Sphere	56
FOREIGN EXPERT VIEW	
<hr/>	
Cheng Guo (China). The State Governance in the Coming Digital Age: Implications for China	63
Krasova E.V., Moskalyonova A.A. (Vladivostok). Demographic Crisis in the Republic of Korea: History, Specifics, Perspectives	71

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

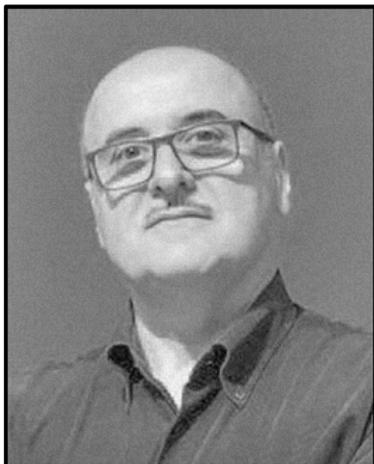
The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Памяти Леонида Леонидовича Фитуни (1953–2023)

После тяжелой болезни на 71-м году жизни скончался выдающийся ученый, заместитель директора Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Леонид Леонидович Фитуни.

Вся жизнь Л.Л.Фитуни была связана с Институтом Африки. Он пришел сюда, поступив в аспирантуру, выпускником Факультета международных экономических отношений МГИМО. Всего лишь через 3 года он защитил кандидатскую диссертацию, а вскоре появились и первые книги, посвященные Анголе и другим странам Африки.

Пройдет еще несколько лет, и его пылкий ум сосредоточивается на изучении наиболее острых проблем континента: экономической отсталости, голода, терроризма. Свободное владение иностранными языками позволило ему делиться своими взглядами, мыслями и идеями не только с российскими, но и с зарубежными читателями.

В своей научной деятельности Л.Л.Фитуни никогда не останавливался на достигнутом. Успешно защитив в 2001 г. докторскую диссертацию, он, благодаря своей блестящей эрудиции, глубоким знаниям и широкому кругозору, стал одним из ведущих российских специалистов в области глобального управления, геоэкономики, исследования проблем экономики и международных отношений развивающихся стран, изучения современных форм и методов неокOLONИализма. В числе первых отечественных ученых он начал системные исследования деструктивных последствий глобализации для мировой периферии.

Л.Л.Фитуни заслуженно принадлежит приоритет в исследовании экономики международного терроризма и ряда актуальных вопросов обеспечения экономической безопасности и суверенитета России и стран глобального Юга. Глубокий анализ всех этих важнейших проблем содержится в его монографиях «Вопросы современной африканистики и проблемы развития», «Африка: санкции, элиты и суверенное развитие», «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок», «Resource potential of Africa and Russia's national interests in the XXI century», «Экономика международного терроризма», «“Возникающие” и “несостоявшиеся” государства в мировой экономике и политике» и др., а также в многочисленных статьях в журналах и сборниках, изданных в нашей стране и за рубежом, в т.ч. в журнале «Азия и Африка сегодня», членом редколлегии которого он был многие годы.

Академическое сообщество по достоинству оценило научные достижения Л.Л.Фитуни, избрав его в 2016 г. членом-корреспондентом РАН.

Не менее впечатляющ и его рост как организатора научного процесса, руководителя авторских коллективов. В Институте Африки он возглавлял Сектор конфликтов и кризисов, Центр глобальных и стратегических исследований, а с 2011 г. был заместителем директора ИАФР РАН.

Желание и умение работать с талантливой молодежью проявилось в педагогической деятельности Л.Л.Фитуни в качестве профессора МГИМО МИД России, ИСАА МГУ, РУДН им. Патриса Лумумбы и ряда других вузов.

Ученый с мировым именем, широко известный в международном научном сообществе, Леонид Леонидович всегда оставался, прежде всего, российским исследователем, защищавшим историческую правду и интересы своей страны. И руководство страны высоко оценило его беззаветную преданность науке, весомое участие в разработке политики РФ на африканском направлении, в укреплении российско-африканских отношений, наградив Орденом дружбы, Благодарностью Президента Российской Федерации и другими знаками отличия.

От нас ушел истинный патриот, талантливый ученый, мудрый наставник, хороший друг, остроумный, добрый и отзывчивый человек. Таким он и останется в нашей памяти и в наших сердцах.

Дирекция Института Африки РАН
Редакция журнала «Азия и Африка сегодня»

DOI: 10.31857/S032150750028607-9

Сможет ли Россия укрепить свои стратегические позиции в Юго-Восточной Азии?

© Рогожина Н.Г.^а 2023

^а ИМЭМО имени Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9924-2493; ngrogozhina@mail.ru

Резюме. В статье анализируются перспективы взаимодействия России со странами Юго-Восточной Азии с учетом фактора проведения специальной военной операции на Украине. Это продиктовало необходимость рассмотрения позиций стран региона по СВО как новой реальности в их отношениях с Россией. Анализ этой проблематики показывает, что мнения стран ЮВА разделились и можно выделить три группы со схожими взглядами на новую ситуацию. Большинство стран сохраняют нейтралитет и не намерены вмешиваться в международный конфликт, чтобы не портить с Россией отношения. Эта официальная точка зрения отражает наличие пророссийских настроений в местных обществах, что дает России возможность развивать военно-техническое, экономическое и дипломатическое сотрудничество со странами ЮВА. В то же время решение этой задачи наталкивается на ряд препятствий, которые ограничивают перспективы расширения взаимодействия России со странами ЮВА. В этих условиях повышается значимость использования инструментов «мягкой силы» для повышения привлекательности России.

Ключевые слова: страны Юго-Восточной Азии, Россия, специальная военная операция, стратегические интересы, общественное мнение

Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Рогожина Н.Г. Сможет ли Россия укрепить свои стратегические позиции в Юго-Восточной Азии? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 6–14. DOI: 10.31857/S032150750028607-9

Will Russia be Able to Strengthen Its Strategic Position in Southeast Asia?

© Natalia G. Rogozhina^a, 2023

^a IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9924-2493; ngrogozhina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the prospects of Russia's interaction with the countries of Southeast Asia, taking into account the factor of conducting a special military operation in Ukraine. This dictates the need to consider the positions of the countries of the region towards the special military operation as a new reality in their relations with Russia. An analysis of this issue shows that the opinions of the Southeast Asian countries are divided and three groups with similar views on the new situation can be distinguished. Most countries remain neutral and do not intend to intervene in an international conflict so as not to spoil relations with Russia. This official point of view reflects the presence of pro-Russian sentiments in local societies, which gives Russia the opportunity to develop military-technical, economic and diplomatic cooperation with Southeast Asian countries. At the same time, the solution of this problem encounters a number of obstacles that limit the prospects for expanding Russia's cooperation with Southeast Asian countries. In these conditions, the importance of using "soft power" tools to increase the attractiveness of Russia is increasing.

Keywords: Southeast Asian countries, Russia, special military operation, strategic interests, public opinion

For citation: Rogozhina N.G. Will Russia be Able to Strengthen Its Strategic Position in Southeast Asia? *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 6–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028607-9

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в рамках проведения политики «поворота к Азии» Россия расширяет взаимодействие со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА), что встречает у них положительный отклик. Президент России В.Путин 28 октября 2021 г. провел виртуальную встречу с коллегами из стран ЮВА на 4-м саммите Россия – АСЕАН. По его итогам обе стороны приняли Всеобъемлющий план действий по укреплению партнерства и сотрудничества в широком спектре областей, включая сотрудничество в области политики, безопасности, социально-экономического развития. Участие В.Путина в саммите указывало на относительно высокий приоритет, который Россия отдает расширению своего присутствия в регионе [1]. Сегодня, когда проведение Россией СВО привело к конфронтации с коллективным Западом, поддержка её политики со стороны развивающихся стран приобретает стратегическое значение. Вопрос, однако, в том, каковы перспективы расширения взаимодействия России со странами ЮВА в новой геополитической реальности.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ СТРАН ЮВА ПО СВО

Первоначальная позиция стран ЮВА в отношении ситуации на Украине, продекларированная ими спустя два дня после начала СВО, была нейтральной и крайне осторожной. Министры иностранных дел стран АСЕАН заявили, что они «глубоко обеспокоены» и призвали «соответствующие стороны проявлять максимальную сдержанность», продолжать диалог и снижать напряженность. Такое отношение стран ЮВА к событиям на Украине объясняется несколькими факторами. *Во-первых*, в их традициях неукоснительное соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела других государств. *Во-вторых*, в сложившейся геополитической ситуации, когда страны региона оказались втянутыми в конфликт интересов супердержав, они стремятся избежать выбора сторон. *В-третьих*, несмотря на то, что торговый оборот России со странами ЮВА невелик – например, всего \$20 млрд в 2019 г. (для сравнения: торговый оборот АСЕАН с Австралией оценивался в \$93 млрд, с США – \$362 млрд, с КНР – \$644 млрд) [2], наша страна – крупный поставщик оружия для некоторых стран ЮВА, включая Вьетнам, Индонезию и Мьянму. По поставкам вооружения Россия занимает 1-е место в ЮВА [3]. Это объясняет, почему страны региона решили не выступать с резкой критикой действий России. И тем не менее 8 стран ЮВА – Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Бруней, Таиланд, Камбоджа и Мьянма¹ – поддержали резолюции ГА ООН, осуждавшие «российское вторжение» на Украину и призывавшие к немедленному прекращению огня (март 2022, октябрь 2022, февраль 2023). Вьетнам и Лаос воздержались при голосовании.

Несмотря на то, что большинство стран ЮВА выступило в поддержку резолюции ООН, риторика их заявлений по поводу событий на Украине и мнения расходятся. Наиболее жесткую позицию в отношении СВО занимает **Сингапур**, который называет Россию агрессором. Премьер-министр Ли Сянь Лун предупредил, что, если бы международные отношения основывались на принципе «сильный прав», то «мир был бы опасным местом для таких маленьких стран, как Сингапур» [4].

Сингапур поддержал введенные коллективным Западом санкции против России и принял решение о запрете на экспорт в страну продукции двойного назначения, а также на ряд финансовых операций с Россией. В то же время, как отметил бывший министр иностранных дел Сингапура Джордж Йео, «хотя город-государство ввел санкции против Москвы, масштабы остаются узкими» [5].

В отличие от Сингапура, остальные страны региона сохраняют нейтралитет, избегая резких суждений относительно СВО. Осторожность превалирует и в позиции **Вьетнама**, наиболее дружественной по отношению к России страны ЮВА. Несколько факторов определяют позицию Вьетнама.

Во-первых, Россия исторически была и остается его важным стратегическим партнером. Во-вторых, Россия принимает активное участие в его нефтяных проектах в Южно-Китайском море. В-третьих, на Россию приходится 84% вьетнамского импорта вооружений, что в значительной мере способствовало модернизации вьетнамской армии [3]. В-четвертых, реакция Вьетнама отражает и его интерес в под-

¹ От лица последней голосовал специальный посланник страны Чжо Мо Тун, назначенный на этот пост еще свергнутым в результате военного переворота 1 февраля 2021 г. гражданским правительством. ООН продолжает признавать его единственным посланником Мьянмы в ООН (*прим. авт.*).

держании необходимого баланса интересов между Россией и США, с которыми в последние годы налаживается тесное экономическое и стратегическое взаимодействие. Вьетнам рассматривает США и Россию как важных партнеров, когда речь идет о его отношениях с Китаем.

Как и в случае с Вьетнамом, **Лаос** также не хочет портить свои долгосрочные отношения с Россией, подвергая какой-либо критике российские действия на Украине, и поэтому воздержался от голосования в ГА ООН.

Реакция **Камбоджи** на события на Украине вызвала некоторое недоумение у экспертного сообщества, ожидавшего от этой страны, имеющей исторические связи с Россией и Китаем и являющейся объектом критики со стороны западных стран за ущемление гражданских свобод, если не поддержки России, то, по крайней мере, сохранения нейтралитета. Однако Камбоджа поддержала осуждающую действия России резолюцию ООН. 22 марта 2022 г. Хун Сен заявил, что «если Камбоджа не выступит против российского нападения на Украину, то кто поможет нам в случае, если на нас нападут в будущем?» [6]. По мнению Чарльза Данста, эксперта Центра стратегических и международных исследований США, готовность Хун Сена осудить Россию по причинам, которые выглядят как эмоциональные (его собственные воспоминания о войне и иностранной оккупации), является подтверждением того, что его режим единовластия склонен к непредсказуемости [6]. Вероятно, своими действиями Хун Сен дал понять конфликтующим сторонам, что намерен проводить независимый курс и улучшать отношения с Западом.

Исмаил Сабри Якоб, бывший в 2022 г. премьер-министром **Малайзии**, выразил «сожаление по поводу событий на Украине». Как член Совета по правам человека, Малайзия выступила, во-первых, за прекращение огня, во-вторых, за проведение переговоров. В то же время часть политического истеблишмента, в частности, парламентский Комитет по международным делам, призывал правительство занять более жесткую позицию в отношении России и начать с осуждения её действий на Украине.

Реакция **Таиланда** схожа с малайзийской. Была выражена «глубокая озабоченность» по поводу ситуации на Украине и поддержка мирного разрешения конфликта путем диалога. По мнению местных экспертов, Таиланд, который считается более дипломатически близкими к Китаю и России, чем к Западу, проголосовал «за», потому что рассматривал свое голосование, как «принципиальный вопрос и уважение суверенитета, международного права и Устава ООН, а не вопрос принятия стороны» [7]. Таиланд присоединился к 57 другим странам, которые воздержались при голосовании на ГА ООН, на которой рассматривался вопрос об отстранении России от участия в Совете ООН по правам человека.

Что касается **Индонезии**, то еще до начала военной операции она призвала Россию разрешить спор с Украиной мирным путем [8]. После некоторых изначально расплывчатых заявлений, в которых Россия не называлась по имени и не характеризовалась как агрессор, Индонезия проголосовала как за резолюцию ГА ООН, осуждающую российскую политику на Украине, так и за решение Верховного комиссара ООН по правам человека о создании независимой комиссии для расследования всех предполагаемых нарушений прав человека во время СВО. Индонезия настоятельно призывала к немедленному восстановлению мира на Украине путем диалога и дипломатии. В то же время она не намерена вводить санкции против России [9].

Индонезия в своей внешней политике придерживается нейтралитета, что продемонстрировал Джоко Видодо в ходе своего визита в Москву и Киев летом 2022 г. Руководство страны стремится сохранить хрупкое равновесие, балансируя между конфликтующими сторонами, и в то же время пытается поддержать свой международный имидж, возлагая на себя роль посредника и миротворца. На конференции по безопасности *Shangri-La Dialogue* в Сингапуре в 2023 г. министр обороны Индонезии и главный претендент на пост президента страны Прабово Субианто предложил мирный план урегулирования конфликта на Украине, вызвавший резкую критику со стороны Украины и некоторых западных стран, назвавших его «российским планом». Субианто призвал провести референдум под наблюдением ООН на «спорных территориях» Украины, чтобы определить их окончательный статус [10].

Министерство иностранных дел **Брунея** 26 февраля 2022 г. выступило с заявлением, осуждающим «любое нарушение суверенитета, независимости и территориальной целостности любой страны». Эта позиция отражает существующие в регионе опасения, что Китай, с которым не отрегулированы территориальные споры в Южно-Китайском море, может последовать примеру России.

Филиппины хранили молчание в начале военной операции на Украине и были больше озабочены эвакуацией своих граждан. Министр обороны страны Дельфин Лоренцана заявил, что Филиппины останутся нейтральными, потому что конфликт «не касается нас» [11]. Однако по мере обострения ситуа-

ции Филиппины стали выражать явное осуждение действий России на Украине [12]. Среди стран ЮВА Филиппины оказались единственными, кто проголосовал за резолюцию ООН о приостановке участия России в Совете по правам человека. Но в то же время они осудили «использование сепаратизма в качестве оружия дипломатии». Непоследовательность политики Филиппин в отношении СВО проявилась и в том, что, опасаясь введенных США санкций, они приняли решение отказаться от планов по покупке российского оружия.

Мьянма – единственный член АСЕАН, открыто поддержавший Россию. Военное руководство страны выступило в защиту действий России, заявив, что Россия работает над «укреплением своего суверенитета» и «показывает миру, что является могущественной державой в глобальном балансе во всем мире» [13]. У военной хунты есть стратегические причины встать на сторону России. Импорт российского оружия в Мьянму резко возрос в последние годы в попытке компенсировать сильную зависимость от Китая, которую многие высокопоставленные военные офицеры в стране рассматривали как угрозу национальному суверенитету.

За время после начала специальной военной операции России на Украине АСЕАН от имени 10 стран ЮВА приняла 3 разных заявления, в которых Россия не называется агрессором; блок просто выражает озабоченность вспышкой конфликта и призывает соответствующие стороны проявлять сдержанность. Сейчас страны ЮВА проявляют меньший интерес к событиям на Украине и меньше критикуют Россию по сравнению с началом проведения СВО. Они лидируют в мире по показателю апатичности в отношении ситуации на Украине. Подавляющее большинство населения Таиланда (60%), Малайзии (56%) и значительное число в Сингапуре (44%) и Индонезии (48%) считают, что война – это не их дело и что их государства не должны вмешиваться [14, p. 56].

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К СОБЫТИЯМ НА УКРАИНЕ

На сдержанную, осторожную политику властей в отношении России влияет во многом общественное мнение, настроенное пророссийски. Это, прежде всего, свойственно значительной части мусульманского населения Индонезии и Малайзии, если судить по откликам в социальных сетях [10].

Это объясняется, во-первых, сильными антиамериканскими и антизападными настроениями в обществе. Доминирующая тема индонезийских дискуссий о действиях России на Украине – лицемерие Америки и Запада [15]. Реакция мусульманского населения определяется не столько искренней поддержкой действий России, сколько презрением к Западу [16]. На это мнение также повлияли некоторые индонезийские ученые, которые изображают конфликт как ответ России на расширение НАТО в сферу её влияния.

Во-вторых, важным фактором, влияющим на реакцию индонезийского населения, является то, что общественность отдает предпочтение «сильным» лидерам. В.Путин уже был популярен в Индонезии до проведения СВО, поэтому многие индонезийцы были склонны принять его трактовку конфликта. Президента России изображали в СМИ как сверхмужественного, сильного лидера в отличие от президента Украины В.Зеленского, который был превращен в карикатуру, учитывая его прошлую профессию комика [17].

Третий фактор, который может помочь объяснить пророссийские взгляды индонезийской общественности, – это религия. Запад изображается антиисламским, в отличие от России, которая воспринимается как друг и союзник мусульман, что во многом связано с успехами российской мягкой дипломатии. С 2013 г. Россия использует финансируемый государством индонезийский веб-сайт *Russia Beyond the Headlines (RBTH)* и его популярные аккаунты в *Twitter*, *Instagram* и *Facebook*, чтобы улучшить общественное восприятие страны и представить её как происламскую. Эта задача ставится и перед Российским центром науки и культуры в Джакарте. А летом 2022 г. впервые в истории российско-индонезийских отношений Джакарту посетила делегация из мусульманских регионов России.

Малайзия. Позиция большинства мусульманского населения Малайзии схожа с индонезийской. Значительная часть пользователей социальных сетей назвала СВО позитивным актом, необходимым для «денацификации», а также ответом на «провокации НАТО». Россию поддерживают представители разных политических взглядов – от крайних правых до радикальных левых. Несмотря на существующие между ними политические разногласия, они едины в своем презрительном отношении к Западу, и особенно к США, и воспринимают Россию как альтернативную сверхдержаву, во главе которой стоит сильная личность – Владимир Путин, способный противостоять западным лидерам. Подобно индоне-

зийской общественности, благосклонное отношение к России со стороны малайзийцев также мотивируется их антиимпериалистическими настроениями и оценкой России как страны, близкой мусульманскому миру [18].

Антизападная позиция малайских мусульман выражается и в недоверии к средствам массовой информации, связанным с Западом. Многие пользователи социальных сетей называют сообщения из западных источников «пропагандой», «фальшивыми новостями». В то же время они активно используют связанные с Россией СМИ (в частности, *RT*) для аргументации своей позиции [19].

Однако, несмотря на преобладание пророссийских настроений среди малайских мусульман и их враждебность по отношению к коллективному Западу, они в большинстве своем выступают за сохранение нейтралитета, считая, что Малайзия не должна вмешиваться в конфликт.

Вьетнам. Контролируемые государством новостные агентства, как правило, придерживаются нейтрального тона и воздерживаются от освещения украинского кризиса. Главным образом обсуждаются вопросы, связанные с экономическими последствиями СВО для Вьетнама и мира в целом: рост цен на нефть, положение вьетнамцев, оказавшихся в зоне конфликта. Большое внимание уделяется политике Китая.

Что касается общественного мнения относительно СВО, то отношение к ней вьетнамцев во многом определяется их политическими предпочтениями и эмоциональным восприятием. В киберпространстве доминируют пророссийские настроения, которые проявляются в оправдании военных действий России на Украине и демонизации Украины. Наиболее активными защитниками политики России являются представители старшего поколения, многие из которых учились, работали и жили в России и сохранили теплые воспоминания о ней. Они создали свои сайты в Интернете.

Им свойственны антиамериканизм и антизападничество, Россия же воспринимается как дружественная держава. Они активно распространяют позитивную информацию о России, опираясь на различные российские источники, включая заявления В.Путина и членов правительства, министерства обороны, ТАСС, РИА Новости, Первый канал России, *RT* и Россия-24. Знание ими русского языка играет важную роль в доступе к российским информационным ресурсам.

Эти пользователи социальных сетей расценивают СВО как необходимый шаг в ответ на западный (главным образом американский) политический, идеологический и военный вызов Москве. Они критикуют Америку и Запад за то, что втянули Украину в конфликт обещанием приема в НАТО. Они также осуждают западные санкции, которые, по их мнению, символизируют гегемонию Запада в мировой финансовой системе и информационной сфере. В целом они рассматривают действия России как законный ответ на существование «неонацистского» украинского правительства, «пресмыкающегося перед США и Западом» и полностью поддерживают российскую позицию.

Вьетнам, пожалуй, – единственная страна ЮВА, где мягкая сила России всё еще имеет привлекательность, поскольку многие вьетнамские профессионалы и интеллектуалы хорошо знакомы с русской литературой и культурой и открыты для российской пропаганды [20].

Международный опрос *Gallup* о восприятии мировых лидеров, проведенный в 2017 г., показал, что 89% вьетнамцев одобряли руководство В.Путина. Вьетнамцы поддерживают его не только потому, что видят в нем сильного лидера, способного вернуть России былое величие, но и потому, что он способствовал возрождению вьетнамско-российских отношений после более чем десятилетнего спада при Б.Ельцине [20].

Однако было бы ошибочным говорить о том, что все вьетнамское общество едино в своем восприятии событий на Украине и в выражении пророссийских настроений. На некоторых сайтах в Интернете высказывается прямо противоположное мнение, которое, как правило, отражает позицию либерально настроенной части общества – представителей творческой интеллигенции, молодежи, более осведомленных о международных событиях и получающих информации не из государственных источников. Они в целом придерживаются антироссийских взглядов и сочувственно относятся к Украине.

Таиланд. Реакция на СВО внутри Таиланда отражает крайне поляризованную внутривнутриполитическую ситуацию в самой стране. Общественное мнение формируется в зависимости от поддержки демократии или авторитаризма в Таиланде. Консервативные политические силы, которые считают Россию давним другом, ссылаясь на то, что она помогла Сиаму более 100 лет назад противостоять колониальному давлению, выступают на стороне России. В.Путина ценят за его сильный стиль управления. Это мнение, как правило, свойственно старшему поколению. Однако многие молодые люди, которые выступают за

демократические реформы у себя дома, сплотились вокруг Украины, что не исключает их критику политики Запада.

Касит Пиромья, бывший министр иностранных дел Таиланда и посол в России, считает, что как либеральные, так и более консервативные голоса в Таиланде критикуют Запад за его роль в кризисе. По его мнению, США долгое время не воспринимали всерьез опасения России по поводу безопасности. И Джо Байдену, и Украине следовало бы начать параллельные переговоры с Путиным на более ранней стадии [21]. И даже среди либерально настроенной части общества нет единого мнения относительно того, как должен реагировать Таиланд на украинский кризис. По мнению одного из лидеров демократического движения Пиабутра Сенгканокула, «некоторые комментарии о войне звучат так, как будто они основаны на сюжете голливудского фильма, где Россия – “вечный плохой парень”» [21]. Позже он уточнил, что осуждает СВО, назвав её нарушением международного права. Однако большинство склонно считать, что Таиланду лучше не выбирать чью-либо сторону, а бывший премьер-министр Таиланда Прают чан-Оча призвал средства массовой информации избегать слишком глубокого анализа событий.

Опрос, проведенный сингапурским Институтом по изучению стран Юго-Восточной Азии («Состояние Юго-Восточной Азии в 2023 г.»), показал, что большинство респондентов считают рост цен на энергоносители и продовольствие наиболее серьезным последствием российского вторжения на Украину для ЮВА (58,3%). Обеспокоенность по поводу разрушения основанного на правилах порядка и нарушения национального суверенитета выразили 25,9% респондентов².

Несмотря на различия в оценке действий России на Украине, все страны Юго-Восточной Азии хотят прекращения военных действий, поскольку обеспокоены их последствиями, которые негативно скажутся на экономике и безопасности региона.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЮВА

Безусловно, нейтралитет, который демонстрируют страны ЮВА в отношении России, открывает ей возможности для поддержания и даже укрепления военно-технического, экономического и дипломатического сотрудничества со странами ЮВА (за исключением Сингапура), что является главным условием для продвижения её стратегических интересов в регионе. Следует учитывать и стратегические интересы самих стран ЮВА, заключающиеся в сохранении контактов с Россией, поскольку в условиях усиления китайского и американского присутствия в регионе Россия рассматривается как противовес Китаю и США.

Позиция многих государств ЮВА в отношении России по-прежнему основывается на исторически сложившемся её образе как антипода Западу или скорее как альтернативы западному влиянию. Государства ЮВА идентифицируют себя как часть глобального Юга и, как таковые, в большей степени принимают российскую точку зрения о самозащите от агрессивной политики коллективного Запада.

К тому же значительная часть населения занимает пророссийскую позицию. Согласно опросам, проведенным в 2022 г., 73% индонезийцев выступили за продолжение индонезийско-российских связей, а респонденты в Малайзии и Таиланде продемонстрировали аналогичный уровень поддержки [14, р. 59]. Однако эти возможности ограничены, прежде всего, параметрами военно-технического взаимодействия со странами ЮВА. Но и оно осложнено целым рядом факторов.

Во-первых, у стран ЮВА имеются опасения по поводу выполнения Россией своих долгосрочных обязательств по поставкам вооружений и возникших логистических сложностей и трудностей в осуществлении финансовых транзакций в связи с введенными Западом санкциями. Поэтому нельзя исключать, что поставки вооружения в страны ЮВА будут сокращаться. Во-вторых, опасаясь американских санкций в случае закупки российского вооружения, Индонезия и Филиппины отказались от намеченных военных сделок с Россией в пользу военного сотрудничества со странами Запада, что, безусловно, ударяет по позициям России в этих странах. В то же время сами они никаких санкций против России вводить не намерены, поддерживая с ней стабильные дипломатические отношения и выступая против её политической изоляции на международной арене.

Что касается Вьетнама, основного покупателя российского оружия, нельзя исключать того, что США могут использовать украинский кризис, чтобы оказать давление на Ханой с целью заставить его

² The State of Southeast Asia 2023. Survey Report. ISEAS-Yusof Ishak Institute 2023.

заменить свой военный импорт из России импортом из США. Однако потребуются годы, чтобы это намерение США реализовалось, хотя во Вьетнаме возникла озабоченность в связи с возможными проблемами при поставках в страну российских вооружений. При этом не исключаются задержки по срокам поставок и частичное сокращение номенклатуры импортируемого вооружения по заключенным контрактам. Это может побудить Вьетнам ускорить диверсификацию поставок вооружения. По данным SIPRI, в период 1995–2014 гг. на Россию приходилось 90% закупок вооружения Вьетнамом, а в 2015–2021 гг. этот показатель снизился до 68,4% [22].

Тем не менее руководство страны осознает, что отказ от российского вооружения поставит под угрозу безопасность страны, поскольку Вьетнам столкнется с большими трудностями при закупке военной техники у других стран. Вьетнам будет зависеть от России в отношении боеприпасов, запасных частей, технического обслуживания и модернизации по крайней мере в течение следующих двух десятилетий.

Можно согласиться с мнением вьетнамского специалиста Хоанг Тхи Ха из сингапурского Института изучения стран Юго-Восточной Азии (*ISEAS-Yusof Ishak Institute*), что из всех стран ЮВА Вьетнам, пожалуй, оказывается в самом сложном положении, находясь перед трудным выбором между сохранением фундаментального принципа уважения независимости и территориальной целостности суверенного государства и поддержанием хороших отношений с Россией [23].

Учитывая особые исторические связи Вьетнама с Россией и его постоянно улучшающиеся экономические отношения с Западом, можно предположить, что страна, вероятно, сохранит нынешний статус-кво, чтобы не вызвать недовольство ни одной из сторон.

Что касается расчета на расширение экономического взаимодействия со странами ЮВА, то он может не оправдаться, за исключением Мьянмы, которая крайне заинтересована не только в закупке российского вооружения, но и в привлечении российских инвестиций в энергетическую отрасль и в развитии торгового сотрудничества. На активизации экономического сотрудничества с Вьетнамом отрицательно сказались западные санкции против России, которые намного увеличили транспортные расходы и осложнили финансовые трансакции, что привело к сокращению экспорта из России [24]. В большинстве других странах ЮВА экономические проекты с Россией заморожены. Тем не менее Ханой хочет сохранить свои возможности открытыми.

Таким образом, экономическая привлекательность России для стран ЮВА снижается, и ей самой предстоит приложить большие усилия для повышения заинтересованности региона в расширении экономического взаимодействия, что для России имеет большое значение в условиях западных санкций и нарушения цепочек поставок. В исследовании «Состояние Юго-Восточной Азии 2020 г.», проведенном сингапурским институтом *ISEAS*, Россия заняла последнее место по экономическому влиянию и второе с конца место по стратегическому и политическому влиянию в регионе, значительно уступая Китаю, США, Японии и европейским странам [25].

При оценке перспектив укрепления позиций России в регионе нельзя сбрасывать со счетов и её сближение с Китаем, что в условиях сохранения напряженных отношений стран ЮВА с КНР по вопросу Южно-Китайского моря и распространения антикитайских настроений в обществе снижает доверие к России как к «третьей силе», каковой она традиционно виделась в регионе.

В этих условиях, как представляется, возрастает значение «мягкой силы» как инструмента дипломатии, что, принимая во внимание наличие значительного сегмента общества, настроенного пророссийски, способно создать благоприятный образ России, гарантирующий ей продвижение своих стратегических интересов и завоевание поддержки стран ЮВА. Тогда она сможет свободно развивать коммерческие связи со странами ЮВА, не опасаясь колебаний их внешнеполитического курса.

Для России страны ЮВА, где проживает более 660 млн человек, представляют особый интерес, поскольку важно заручиться их поддержкой, чтобы продемонстрировать всему миру, что далеко не все страны и народы мира осуждают её внешнюю политику. Поэтому завоевание их умов и сердец имеет для России стратегическое значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Страны ЮВА в своей внешней политике, как правило, руководствуются принципом нейтралитета, предпочитая не выбирать ни одну из сторон в возникающих международных конфликтах. Это нашло

отражение и в их отношении к событиям на Украине, которые еще больше усугубили конфликт интересов в регионе. Мнения стран ЮВА относительно СВО разделились. На правом фланге оказался Сингапур, занявший наиболее жесткую позицию и поддерживавший введенные Западом санкции, на левом фланге – Мьянма. Хотя большинство стран ЮВА поддержало резолюции ООН, осуждающие действия России на Украине, однако их решение во многом объясняется тем, что они «ценят принцип национального суверенитета почти превыше всего остального» [2]. В то же время они не намерены его защищать, вмешиваясь в международный конфликт.

Это предопределило их осторожную и сдержанную позицию в отношении украинского кризиса, поскольку они считают, что подобные действия в наибольшей мере отвечают их национальным интересам, проявляющимся и в том, чтобы не портить с Россией отношения. Этим и должна воспользоваться Россия для укрепления своих стратегических позиций в регионе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Gubin A. 2022. Russia's blossoming ties with ASEAN. *East Asia Forum*. 5 February. <https://www.eastasiaforum.org/2022/02/05/russias-blossoming-ties-with-asean/> (accessed 01.08.2023)
- Hayton B. ASEAN is slowly finding its voice over Ukraine. *East Asia forum*. 05.03.2022 https://www.eastasiaforum.org/2022/05/21/the-ukraine-war-threatens-asias-regional-architecture/?utm_source=subscribe2&utm_medium=email&utm_campaign=postnotify&utm_id=892593&utm_title=The%20Ukraine%20war%20threatens%20Asia%26rsquo%3Bs%20regional%20architecture (accessed 01.08.2023)
- Storey I. Russia's Defense Diplomacy in Southeast Asia: A Tenuous Lead in Arms Sales but Lagging in Other Areas. *ISEAS Perspective*. № 33, 18.03.2021 (accessed 01.08.2023)
- Why do many in Indonesia, Southeast Asia support Russia's war in Ukraine? *Business Standard*. 17.03.2022. <https://www.business-standard.com/article/international/why-do-many-in-indonesia-southeast-asia-support-russia-s-war-in-ukraine-> (accessed 01.08.2023)
- Siow M. In war of narratives, where does Southeast Asia stand in Ukraine-Russia conflict? *South China Morning Post*. 18 Feb, 2023. <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3210641/war-narratives-where-does-southeast-asia-stand-ukraine-russia-conflict> (accessed 01.08.2023)
- Dunst Ch. History, Hun Sen, and Ukraine. Center for Strategic and International Studies. April 13, 2022. <https://www.csis.org/analysis/history-hun-sen-and-ukraine> (accessed 1.08.2023)
- Bhavan Jaipragas. In denouncing Russia's invasion of Ukraine, Singapore, Cambodia and Thailand show the beginning of an Asean spine. *South China Morning Post*. 4 Mar, 2022. <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3169119/denouncing-russias-invasion-ukraine-singapore-cambodia-and> (accessed 01.08.2023)
- Ehrlich R.S. Russia-Thailand ties remain strong despite Ukraine. *Asia Times*. 11.04.2022. <https://asiatimes.com/2022/04/russia-thailand-ties-remain-strong-despite-ukraine/> (accessed 01.08.2023)
- Yohanes Sulaiman. Indonesia is a fence sitter on the Russia-Ukraine crisis. *East Asia Forum*. 20 April 2022. <https://eastasiaforum.org/2022/04/20/indonesia-is-a-fence-sitter-on-the-russia-ukraine-crisis/> (accessed 01.08.2023)
- Ramani S. Indonesia's Ukraine Peace Plan Makes Sense – for Indonesia. *World Politics Review*, Jun 15, 2023. <https://www.worldpoliticsreview.com/indonesia-politics-foreign-policy-russia-war-ukraine/> (accessed 01.08.2023)
- Hamzah B.A. Ukraine is not ASEAN's cup of tea. *The New Straits Times*. 17.03.2022. <https://www.nst.com.my/> (accessed 01.08.2023)
- Zachary Abuza. Ukraine invasion 1 year on: Most Southeast Asian countries missing in action. *Radio Free Asia*. 24.02.2023. <https://www.rfa.org/english/commentaries/ukraine-southeastasia-02242023085831.html> (accessed 01.08.2023)
- Hutt D. and Bowie N. Ukraine puts ASEAN in 'with us or against us' bind. *Asia Times*, 02.03.2022. <https://asiatimes.com/2022/03/ukraine-puts-asean-in-with-us-or-against-us-bind/> (accessed 01.08.2023)
- Kassenova N., Baev P.K., Kristian Coates Ulrichsen, Rajesh Rajagopalan, Reeves J., Kroenig M. Starling Cl.G., Green M.J. (2023) Roundtable Regional Responses to the Russia-Ukraine War: What Lessons Have Been Learned? *ASIA Policy*, vol. 18, № 2. The National Bureau of Asian Research (accessed 01.08.2023)
- Interests, not values, underpin Asia's ambivalence about Russia. *The Economist*, 23.04.2022. <https://economist.com/asia/2022/04/23/interests-not-values-underpin-asias-ambivalence-about-russia> (accessed 01.08.2023)
- Indonesians support Russia's operation in Ukraine. 25.03.2022. <https://www.iol.co.za/news/world/indonesians-support-russias-operation-in-ukraine-e922ea46-c7de-527c-bc96-ecdc197c9675> (accessed 01.08.2023)
- Why are Indonesians on social media so supportive of Russia? Aljazeera, 09.03.2022. <https://www.aljazeera.com/news/2022/3/19/why-are-indonesians-on-social-media-so-supportive-of-russia> (accessed 01.08.2023)
- Zurairi A.R. Pew survey: Half of Malaysians view Russia positively, with six in 10 feeling Putin 'doing the right thing' in world affairs: *MalayMail*, 27.06.2022. <http://www.malaymail.com/news/malaysia/2022/06/27/pew-survey-half>

- of-malaysians-view-russia-positively-with-six-in-10-feeling-putin-doing-the-right-thing-in-world-affairs/14366 (accessed 01.08.2023)
19. Loh B.H and Mustaffa M. (2022). Social Media Discourse in Malaysia on the Russia-Ukraine Conflict: Rationales for Pro-Russia Sentiments. *ISEAS Perspective*, № 41. Yusof Ishak Institute, Singapore.
 20. Hoang Thi Ha and Dien Nguyen An Luong (2022). The Russia-Ukraine War: Unpacking Online Pro-Russia Narratives in Vietnam. *ISEAS Perspective*. № 44. Yusof Ishak Institute, Singapore.
 21. Ratcliffe R., Lapanunt A. In Thailand, the war in Ukraine divides the generations. *The Guardian*. 06.04.2022. <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/06/in-thailand-the-war-in-ukraine-divides-the-generations> (accessed 01.08.2023)
 22. Kurlantzick J. Russia's Ties to Southeast Asia and How They Affect the Ukraine War: Part 3, Singapore and Vietnam. *Council on Foreign Relations*. 07.04.2022. <https://www.cfr.org/blog/russias-ties-southeast-asia-and-how-they-affect-ukraine-war-part-3-singapore-and-vietnam> (accessed 01.08.2023)
 23. Russia says military drills planned with Vietnam. *Radio Free Asia*, 04.19.2022. <https://www.rfa.org/english/news/vietnam/russia-military-04192022132730.html> (accessed 01.08.2023)
 24. Heydarian J.R. US sanctions reversing Russian gains in SE Asia. *Asia Times*. 25.08.2022. <https://asiatimes.com/2022/08/us-sanctions-reversing-russian-gains-in-se-asia/> (accessed 01.08.2023)
 25. Hoang Thi Ha. Ukraine invasion: Asean should have called out Russia's attack, but it chose to stay mute. *South China Morning Post*. 01.03.2022. <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3168789/ukraine-invasion-asean-should-have-called-out-russias-attack-it> (accessed 01.08.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рогожина Наталья Григорьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации, ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Natalia G. Rogozhina, Dr.Sc. (Political Science), Principal Researcher, Department of Development and Modernization Problems, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 10.09.2023

DOI: 10.31857/S032150750028608-0

«Перестройка» по-нигерски: причины военного переворота 2023 г.

© Исаев Л.М.^{a,b,d}, Ильина А.М.^{c,e}, 2023

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b Институт Африки РАН, Москва, Россия

^c НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

^d ORCID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^e ORCID: 0009-0002-7615-1852; annetilina@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению событий июля 2023 г. в Нигере, в результате которых президент Мохамед Базум был свергнут собственной гвардией во главе с Абдурахманом Тчиани. В ней использованы материалы полевых исследований и интервью, собранных авторами в Нигере в 2021 и 2023 гг. Показано, что военный переворот стал следствием обострившегося внутриэлитного конфликта, который начал вырваться с момента избрания Мохамеда Базума на президентскую должность в 2021 г. В феврале 2021 г. оппозиция во главе с «Нигерским демократическим движением за африканскую федерацию» и Партией демократического и республиканского обновления заявила об их фальсификации. В марте 2021 г. перед инаугурацией в Нигере была предпринята неудачная попытка переворота.

К середине 2023 г. намечился конфликт внутри правящей Партии за демократию и социализм между Мохамедом Базумом и его предшественником Махамadou Иссуфу. Решающее слово сказали нигерские «силовики». Недовольство военных из-за ужесточения контроля над оборонными контрактами и активного присутствия в стране французского военного контингента также стало одной из важных причин свершившегося переворота.

Ключевые слова: военный переворот, Нигер, Мохамед Базум, внутриэлитный конфликт, ЭКОВАС

Благодарность. Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году при поддержке гранта РФФ (21-18-00123).

Для цитирования: Исаев Л.М., Ильина А.М. (Санкт-Петербург). «Перестройка» по-нигерски: причины военного переворота 2023 г. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 15–22. DOI: 10.31857/S032150750028608-0

“Perestroika” à la Nigérien: The Reasons for the Military Coup of 2023

© Leonid M. Issaev^{a,b,d}, Anna M. Ilyina^{c,e}, 2023

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

^c HSE University, St. Petersburg, Russia

^d ORCID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^e ORCID: 0009-0002-7615-1852; annetilina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the events that transpired in Niger in July 2023, which led to the overthrow of President Mohamed Bazum by members of his own guard, under the command of Abdrahman Tchiani.

The fieldwork and interview materials that the authors gathered in Niger in September 2023 are used in this article. It is demonstrated that an escalated intra-elite conflict that started to fester as soon as Mohamed Bazum was elected president in 2021 was the cause of the military coup. The opposition, led by the Democratic and Republican Renewal Party and the Niger Democratic Movement for an African Federation, immediately denounced the results of the February 2021 presidential election as being falsified and staged large-scale demonstrations.

Then, in March 2021, before the inauguration in Niger, an unsuccessful coup attempt was made. A disagreement between Mohamed Bazum and his predecessor, Mahamadou Issoufou, inside the ruling Party for Democracy and Socialism may have become apparent by the middle of 2023. The Nigerian security forces, led by Abdrahman Tchiani, the head of the Presidential Guard, and Salifou Modi, the former and current Chief of the General Staff, as well as Abdou Issa, who opposed the current president, spoke the final word.

Keywords: military coup, Niger, Mohamed Bazoum, elite conflict, ECOWAS

For citation: Issaev L.M., Ilyina A.M. (St. Petersburg). “Perestroika” à la Nigérien: The Reasons for the Military Coup of 2023. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 15–22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028608-0

ВВЕДЕНИЕ

Африка переживает новую моду на перевороты. После краха социалистического блока число военных переворотов в мире существенно сократилось из-за того, что такой способ смены власти более не считался легитимным [9]. Однако «арабская весна» стала переломным моментом. Фактически военный переворот в Египте в 2013 г. во главе с Абделем Фаттахом ас-Сиси, в ходе которого был свергнут демократически избранный президент Мухаммед Мурси, открыл ящик Пандоры. Сумев добиться легитимности как внутри страны, так и в глазах мирового сообщества, египетский режим стал примером для военных в других странах континента, которые также начали прибегать к силовым методам захвата власти. Подтверждением этому тезису стала волна военных переворотов, прокатившаяся по всей Африке в конце 2010-х – начале 2020-х гг.

Только за первые три года третьего десятилетия XXI в. в результате военных переворотов сменилась власть в Мали (2021 г.), Гвинее (2021 г.), дважды в Буркина Фасо (январь и октябрь 2022 г.). В результате боевых столкновений с повстанцами из Фронта перемен и согласия в 2021 г. был убит президент Чада Идрис Деби. Наконец, 26 июля 2023 г. Национальная гвардия Нигера под руководством генерала Абдурахмана Тчиани совершила военный переворот, отстранив от власти избранного в 2021 г. президента Мохамеда Базума.

Хотя для многих события в Нигере стали неожиданностью, два года президентства Мохамеда Базума давали все основания полагать, что риски силовой смены режима крайне велики (подробнее см.: [1]).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЯ

История независимого Нигера изобилует революционными процессами, причем как во времена авторитарного правления, так и после демократических преобразований начала 1990-х гг.

Уже первый президент Нигера Аmani Диори, с именем которого связано получение этой страной независимости в 1960 г., был свергнут в результате военного переворота 1974 г. под командованием Сейни Кунче [2]. В середине 1980-х гг. режим Кунче начал стремительно утрачивать свою силу, что вынудило руководство Нигера ослабить репрессии и взять курс на проведение частичных демократических преобразований [3].

Однако преемнику главы государства, генералу Али Саибу, всё же не удалось удержать власть в своих руках. В результате самых масштабных за всю историю независимого Нигера акций протеста в феврале 1990 г. была созвана Национальная конференция, результатом работы которой стало принятие новой конституции и проведение первых демократических выборов. Победу на них одержал Махаман Усман.

Переход к демократическому правлению не смог положить конец насильственной смене власти. После формирования новых органов управления в 1993 г. в Нигере наметился внутриэлитный конфликт между президентом М.Усманом и главой кабинета министров Хамой Амаду, закончившийся военным переворотом 1996 г. Усиливавшийся политический кризис и разногласия между представителями высших органов власти, по мнению военных, наносили ущерб государству, в результате чего по приказу генерала Ибрагима Маинассары президент и премьер-министр были арестованы.

Победа И.Маинассары на внеочередных президентских выборах сразу же вызвала массу нареканий со стороны оппозиции, многие лидеры которой во время голосования были помещены под арест [4]. Противодействие новому главе государства лишь нарастало и достигло своего пика в 1999 г., когда на региональных выборах победу одержали представители оппозиции. И хотя Верховный суд отменил нежелательные для власти результаты, действия властей лишь усугубили ситуацию и привели к очередным массовым протестам. Это стало концом недолгой эпохи правления Маинассары, который был убит главой собственной службы охраны [5].

В 1999 г. в Нигере вновь объявили внеочередные президентские выборы. Победу одержал Мамаду Танжа, возглавлявший «Национальное движение за лидерство в развитии». В отличие от своего предшественника, М.Танжа смог переизбраться на второй срок, но к тому времени недовольство его правлением стало нарастать.

В 2008 г. в Нигере началась кампания за конституционную реформу – «тазарче»¹, предусматривавшая обнуление президентского срока и предоставлявшая президенту возможность вновь баллотироваться на высший пост [1; 6]. Это привело к формированию широкого оппозиционного фронта во главе с Махамату Иссуфу, выступившего против попытки М.Танжа удержать власть в своих руках.

Несмотря на то, что референдум об изменении конституции был отменен решением Конституционного суда, М.Танжа всё-таки провел плебисцит, создал новое правительство и распустил Конституционный суд. Однако в стране начались массовые демонстрации против действующей власти, а Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) исключило Нигер из своего состава и существенно сократило экономическую помощь стране.

В конечном счете в дело вмешалась армия: в 2010 г. группа военных под командованием майора А.Харуна окружила президентский дворец и арестовала М.Танжа. Власть в Нигере перешла к Высшему совету по восстановлению демократии во главе с Салу Джибо, а на прошедших в 2010 г. президентских выборах победил лидер оппозиции М.Иссуфу [5].

СЛОЖНЫЕ ВЫБОРЫ

В 2020 г. завершился второй срок Махамату Иссуфу. Он отказался менять конституцию и объявил о своем уходе в отставку. Вместе с тем уходящий президент нашел себе преемника, которым стал М.Базум, занимавший тогда пост министра внутренних дел, общественной безопасности, децентрализации и религиозных дел и считавшийся правой рукой М.Иссуфу. Во втором туре выборов в феврале 2021 г. лидер Партии за демократию и социализм Мохамед Базум одержал победу, набрав 55,75% голосов. Его оппонентом был лидер Партии демократического и республиканского обновления М.Усман, который получил 44,25% голосов (другой оппозиционный кандидат – Хама Амаду, чья партия «Нигерское демократическое движение за африканскую федерацию» набрала большинство голосов на парламентских выборах, и вовсе был снят с выборов из-за наличия судимости). Однако оппозиция не признала результаты и обвинила М.Иссуфу и М.Базума в фальсификации выборов.

23 февраля 2021 г. М.Усман и Х.Амаду организовали массовые акции протеста, которые прокатились по всей стране. Однако в основном они затронули столицу Ниамей, большинство населения которой принадлежит к этнической группе *джерма*², симпатизирующей Х.Амаду. Во многом именно благодаря поддержке со стороны *джерма*, М.Усман смог получить большинство голосов в нигерской столице. Протестное движение не получило дальнейшего развития из-за того, что, как сказал в интервью с нами Махаман Усман (в октябре 2021 г.), он предпочел отстаивать свои позиции сначала в суде Нигера, а затем и в суде ЭКОВАС³.

Несмотря на то, что протесты в Нигере в феврале 2021 г. не увенчались успехом, они продемонстрировали уязвимость позиций М.Базума и его Партии за демократию и социализм. Более того, в глазах практически половины населения страны, и в особенности столицы, М.Базум не был легитимным президентом.

За два дня до инаугурации прозвучал еще один тревожный для Базума сигнал, когда была предпринята попытка переворота.

31 марта 2021 г. группа военных прибыла с расположенной неподалеку от аэропорта Ниамея военной базы и попыталась взять президентскую резиденцию штурмом⁴. Однако, благодаря вмешательству со стороны Президентской гвардии во главе с А.Тчиани, арест М.Базума удалось предотвратить. (Примечательно, что спустя два года именно А.Тчиани станет лидером нового переворота уже против самого М.Базума, который приведет к вынужденной отставке главы государства.) Как отмечали наши респонденты в Ниамее, после победы на президентских выборах 2021 г. М.Базум хотел заменить руководство Президентской гвардии, однако действия А.Тчиани по предотвращению военного переворота позволили генералу удержаться на своем посту⁵.

¹ В переводе с яз. хауса – продолжение.

² В Нигере наиболее многочисленны *хауса* – около 53% от общей численности населения (25 млн), 21% – *джерма* и *сонгаи*, по 10% составляют *туареги* и *фульбе* (см.: [1]).

³ Из интервью авторов с М.Усманом в Ниамее, 26.10.21.

⁴ Niger: Military officials who wanted to overthrow president-elect Bazoum. *APA news*. 2021. <http://apanews.net/en/pays/niger/news/niger-military-officials-who-wanted-to-overthrow-president-electbazoum> (accessed 10.10.2023)

⁵ Из интервью авторов с нигерскими офицерами в Ниамее. 08.09.23.

ФАТАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Оставшись у власти, М.Базум начал проводить изменения, которые не понравились ни его предшественнику и покровителю М.Иссуфу, ни военной элите страны. Более того, некоторые слова и действия нового президента также настроили против него военных разного уровня.

Правительство провело несколько громких расследований в оборонном секторе, выявив факты растраты бюджетных средств. Власти заговорили о необходимости усиления контроля над исполнением контрактов в области безопасности Нигера, в которой работают около 30 000 офицеров армии, жандармерии, Национальной гвардии и военно-воздушных сил⁶. Благодаря этим действиям удалось получить дополнительные средства для финансирования годового оборонного бюджета Нигера, который составляет \$243 млн, или 7,2% от всех государственных расходов страны⁷.

Несомненно, в первую очередь именно высшее армейское руководство было поставлено под удар, т.к. возможность проводить подобного рода махинации имела исключительно у него. Потеря источника дохода в виде закупки вооружения и прочих товаров для нужд в оборонной сфере и осознание, что чистки и расследования продолжатся, заставили военных чиновников волноваться о своем будущем при президентстве М.Базума.

Одновременно с этим в своем интервью крупному африканскому изданию *Jeune Afrique* в мае 2023 г., т.е. за несколько месяцев до свержения, М.Базум заявил, что «террористы являются более сильными, чем наши военные, более закаленными»⁸. В ходе интервью с представителями вооруженных сил Нигера отмечалось, что военные были крайне недовольны такой позицией президента страны, который ставит силу действующей армии под сомнение и говорит о террористах как о более опытных противниках⁹. Несомненно, такая критика подорвала авторитет М.Базума среди широкого круга силовиков, в т.ч. средних и низших чинов.

В этом контексте присутствие западных военных в стране, а также давление со стороны Франции стали дополнительной проблемой. До переворота в Мали и перемещения войск, задействованных в операции «Бархан», в Нигер в конце 2022 г. французы действовали в основном на севере страны, где они охраняли объекты по добыче урана [7]. Американцы разместили две базы для наблюдения за пустошами центральных районов Сахары, в то время как европейские силы предложили обучение и техническую помощь. Нигерцами такое обширное иностранное присутствие было расценено как слишком навязчивое, а М.Базум не смог объяснить населению и армии его необходимость. Правящая партия зачастую представляла критику своих действий как угрозу, исходившую от оппозиции, а не как привлечение внимания к требующим рассмотрения проблемам в стране, фактически игнорируя их.

Более того, Запад практически ничего не сделал для решения своей задачи по искоренению джихадистов [8]. Наоборот, он стал препятствием для коллективной безопасности после того, как военные перевороты в Мали и Буркина Фасо привели к смене власти (подробнее см.: [10; 11 12]). До этих событий эти страны вместе с Нигером, Чадом и Мавританией создали Сахельскую группу пяти (G5) с целью решения вопросов безопасности.

Мали и Буркина Фасо вышли из G5 в 2022 г. и ясно дали понять, что не будут сотрудничать с Нигером в вопросах секьюритизации, пока Нигер будет работать совместно с французами. Для официально Ниамея это означало необходимость определения дальнейшей стратегии контртеррористической борьбы, выбора между взаимодействием с Францией, либо с соседними Мали и Буркина Фасо.

М.Базум при этом не видел причин нарушать свои соглашения с Западом. Но военные считали, что сотрудничество с Мали и Буркина Фасо по вопросам коллективной безопасности важнее партнерства с западными державами. В начале 2023 г. начальник Генерального штаба Нигера Салифу Моду был направлен в Бамако для переговоров о мерах коллективной безопасности.

⁶ Ce que l'on sait des Forces armées nigériennes. *Sputnik Afrique*. 2023. <https://fr.sputniknews.africa/20230808/ce-que-lon-sait-des-forces-armees-nigeriennes-1061173909.html> (accessed 23.09.2023)

⁷ Atlas Mondial de données. *Knoema*. 2023. <https://knoema.fr/atlas/Niger/topics/Défense-nationale/Commerce-et-dépenses-militaires/Dépenses-militaires-comme-percent-des-dépenses-publiques> (accessed 23.09.2023)

⁸ Bazoum: Armer les civils pour combattre les terroristes est une tragique erreur. *Jeune Afrique*. 2023. <https://www.jeuneafrique.com/1444605/politique/mohamed-bazoum-armed-les-civils-pour-combattre-les-terroristes-est-une-tragique-erreur/> (accessed 10.10.2023)

⁹ Из интервью авторов с нигерскими офицерами в Ниаме. 08.09.23.

Однако вскоре С.Моди был отправлен в отставку¹⁰. Есть основания полагать, что М.Базум был недоволен ходом переговоров и расценил действия главы Генштаба как превышение должностных полномочий. В результате С.Моди был снят с должности начальника Генерального штаба и назначен послом в ОАЭ¹¹, при этом в официальном коммюнике не представили никаких официальных объяснений данного решения. В то же время в отставку ушел Верховный командующий Национальной жандармерии генерал-лейтенант Л.Коре¹².

Но эти изменения не спасли действующего президента. Ставший в результате переворота «вторым человеком» в Нигере, С.Моди сосредоточился на налаживании связей с Бамако и Уагадугу, что в конечном счете привело к формированию Альянса государств Сахеля. Более того, отставки стали тревожным сигналом для аппарата безопасности Нигера, ведь далее ожидалось еще одно крупное отстранение от должности, на этот раз А.Тчиани. Наши респонденты в Ниамее отмечали, что М.Базум планировал сменить главу Президентской гвардии сразу после избрания в президенты, однако действия А.Тчиани по предотвращению военного переворота в марте 2021 г. позволили ему сохранить свой пост¹³.

Во время интервью с бывшим президентом Нигера Махаманом Усманом наш собеседник заметил, что двухлетнее президентство М.Базума можно сравнить с периодом горбачевской перестройки в Советском Союзе¹⁴. Придя к власти, он начал проводить реформы на высшем уровне власти, в т.ч. в виде отставок военного руководства, которые были направлены на противодействие коррупции и повышение результативности борьбы с террористической угрозой, которые являются одними из основных проблем в Нигере. Такие решения президента были негативно расценены и его предшественником М.Иссуфу, и генералитетом. Военная и политическая элита страны в проводимых изменениях увидела угрозу своему благосостоянию и решила положить конец режиму М.Базума.

ПО МАЛИЙСКОМУ СЦЕНАРИЮ

Рано утром в среду, 26 июля 2023 г., окрестности президентской резиденции были заблокированы подразделениями Президентской гвардии. Изначальный план не предполагал насильственного отстранения президента от власти. По замыслу А.Тчиани и М.Иссуфу, М.Базуму предлагалось добровольно отказаться от должности¹⁵. Таким образом, согласно конституции Нигера, власть перешла бы к премьер-министру А.Махамату как временному главе государства до проведения внеочередных президентских выборов. При таком раскладе правящий режим не претерпел бы серьезных изменений и продолжил бы свое бесперебойное функционирование.

Однако данный план не увенчался успехом. М.Базум отказался подписывать документы о сложении своих полномочий, чем поставил в тупик А.Тчиани. Ведь насильственный, хоть и бескровный переворот – это другой сценарий, отличный от изначально предполагавшегося развития событий. Администрация президента выпустила сообщение, в котором говорилось, что «элементы Президентской гвардии начали движение с антиреспубликанскими настроениями и безуспешно пытались заручиться поддержкой национальных вооруженных сил»¹⁶.

Дело было начато, и возвращение к статус-кво означало бы признание, во-первых, провала плана, а, во-вторых, попытки измены родине. Кроме того, согласно наиболее широко разрекламированной вер-

¹⁰ Niger: le président Bazoum nomme un nouveau chef des armées. *Le Figaro*. <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/niger-le-president-bazoum-nomme-un-nouveau-chef-des-armees-20230401> (accessed 16.10.2023)

¹¹ Niger: l'ancien Chef d'Etat-major Salifou Mody nommé Ambassadeur auprès des Emirats Arabes Unis. *Agence Nigérienne de Presse*. 2023. <http://www.anp.ne/article/niger-l-ancien-chef-d-etat-major-salifou-mody-nomme-ambassadeur-aupres-des-emirats-arabes> (accessed 10.10.2023)

¹² Défense: le général Mahamadou Ibrahim Bagadoma prend les commandes de la Gendarmerie nationale. *ActuNiger*. <https://actu-niger.com/societe/19169-defense-le-general-mahamadou-ibrahim-bagadoma-prend-les-commandes-de-la-gendarmerie-nationale.html> (accessed 16.10.2023)

¹³ Из интервью авторов с нигерскими офицерами в Ниамее. 08.09.23.

¹⁴ Из интервью авторов с М.Усманом в Ниамее. 07.09.23.

¹⁵ Из интервью авторов с генеральным секретарем гражданской платформы «Альтернатива» Муссой Тчангари в Ниамее. 07.09.23.

¹⁶ Au Niger, tentative de coup d'État contre Mohamed Bazoum. *Jeune Afrique*. 2023. <https://jeuneafrique.com/1467056/politique/au-niger-tentative-de-coup-detat-contre-mohamed-bazoum/> (accessed 01.10.2023)

сии, генерал должен был быть отправлен в отставку. Сложившаяся ситуация играла против него, ведь теперь возможности удержаться у власти больше не осталось. Это вынудило А.Тчиани пойти ва-банк.

Начались переговоры между главой Президентской гвардии и начальником Генерального штаба Нигера генералом А.Иссой, «направленные на то, чтобы избежать конфронтации между задействованными членами президентской гвардии и остальной армией»¹⁶. Начальник Генштаба объявил о поддержке попытки путча якобы для предотвращения кровопролития (как в свое время и С.Моди, бывший начальник Генштаба, назначенный за месяц до этого послом Нигера в ОАЭ)¹⁷. Несмотря на новую должность, С.Моди имел большое влияние в нигерской армии, а также опыт участия в военных переворотах. В 2010 г. он был членом Высшего совета по восстановлению демократии, сформированного после свержения президента М.Танджа.

Вечером 26 июля 2023 г. путчисты опубликовали видеообращение к народу Нигера, объявив о сложении М.Базумом своих полномочий и передаче власти Национальному совету по защите Родины во главе с генералом А.Тчиани и пятью руководителями силовых ведомств. Официальный представитель нигерской армии А.Адраман призвал «положить конец режиму, который ассоциируется с падением уровня безопасности и недостойным правлением»¹⁸.

Сложившаяся ситуация привела к массовым демонстрациям, прокатившимся по всей стране. Большая часть людей вышла в поддержку действий путчистов. Протестующие подожгли штаб-квартиру Партии за демократию и социализм¹⁹. Президент отказался уйти в отставку и призвал нигерцев сопротивляться и защищать «с трудом завоеванные» демократические достижения страны¹⁸. Премьер-министр А.Махамату, министр иностранных дел Х.Массауду и другие высокопоставленные члены правительства поддержали призыв Базума. При этом демонстрации против захвата власти не носили столь массового характера и были жестоко подавлены.

ЭКОВАС, возглавляемое президентом Нигерии, решительно осудило государственный переворот и потребовало немедленного восстановления в должности президента. Оно приостановило отношения с Нигером, ввело финансовые санкции и пригрозило Ниамею военным вмешательством, если М.Базум не будет освобожден и не вернется к своим обязанностям в течение недели, к воскресенью 6 августа 2023 г.²⁰

9 августа 2023 г. было сформировано новое переходное правительство из 21 члена во главе с премьер-министром Али Зейном, гражданским экономистом, назначенным за два дня до этого, и генералами из нового военного руководящего совета, возглавляющими министерства обороны, внутренних дел и общественного здравоохранения. Министерства молодежи и спорта, транспорта и санитарии, а также охраны окружающей среды тоже возглавляли военнослужащие. Правительство оказалось примерно вдвое меньше предыдущего²¹.

Дальнейший ход событий в Нигере повторяет сценарий развития ситуации в других западноафриканских странах. Многие путчи были совершены полковниками, возглавляющими президентскую гвардию или подразделения спецназа, а не высшими военными руководителями. Эти элитные подразделения часто проходят специальную подготовку, получают оборудование и финансы для увеличения своих возможностей. Со временем эти подразделения становятся политизированными и привыкают к привилегированному месту, которое они занимают рядом с центром власти. Эта политизация подрывает разумную аполитичность вооруженных сил, позволяя им захватить власть для себя.

Участники переворотов, как правило, оправдывают свои действия предполагаемыми или реальными проблемами безопасности, социальными и политическими трудностями. Однако именно этот акцент, в свою очередь, приводит к затягиванию переходного периода, выборов в постоянно действующие орга-

¹⁷ Niger: le général Mody, figure de la nouvelle junte, reçu au Mali et au Burkina. *Le Figaro*. 2023. <https://lefigaro.fr/international/niger-le-general-mody-figure-de-la-nouvelle-junte-recu-au-mali-et-au-burkina-20230803> (accessed 10.10.2023)

¹⁸ Au Niger, tentative de coup d'État contre Mohamed Bazoum. *Jeune Afrique*. 2023. <https://jeuneafrique.com/1467056/politique/au-niger-tentative-de-coup-detat-contre-mohamed-bazoum/> (accessed 01.10.2023)

¹⁹ Niger: des manifestants brûlent le siège du parti de Mohamed Bazoum. *Anadolou Ajansi*. 2023. <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/niger-des-manifestants-br%C3%BBlent-le-si%C3%A8ge-du-parti-de-mohamed-bazoum/2955979> (accessed 05.10.2023)

²⁰ Coup d'État au Niger: bras de fer à distance entre Tiani et la Cedeao. *Jeune Afrique*. 2023. <https://jeuneafrique.com/1470115/politique/coup-detat-au-niger-bras-de-fer-a-distance-entre-tiani-et-la-cedeao/> (accessed 05.10.2023)

²¹ Niger: les putschistes ont formé un nouveau gouvernement. *Le Figaro*. 2023. <https://www.lefigaro.fr/international/niger-les-putschistes-ont-forme-un-nouveau-gouvernement-20230810> (accessed 14.10.2023)

ны власти. С большой долей вероятности Нигер будет развиваться по аналогичному сценарию. В стране создано временное правительство, обсуждается вопрос о формировании переходного законодательного органа власти. При этом переходный период может затянуться на неопределенный срок. Во многом его длительность будет зависеть от развития событий в соседних странах, на которые ориентируются новые нигерские власти.

Вместе с тем есть одно обстоятельство, которое отличает ситуацию в Нигере от его соседей. Если в Гвинее, Мали, Буркина Фасо военные перевороты были совершены молодыми офицерами среднего звена, то в июле 2023 г. инициатором путча стал нигерский генералитет. Его основным ориентиром является сохранение статус-кво, существующего распределения власти в стране среди избранных представителей политической и военной элиты. Этот факт может стать решающим как для развития политической ситуации в Нигере, так и для страны в целом, определяя приоритеты и дальнейшие действия верхи власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Нигера после получения независимости показала, что эта страна предрасположена к военным переворотам. Насильственная смена власти преследовала страну на протяжении всей её более чем полувековой современной истории. С момента победы на президентских выборах режим М.Базума сопровождала угроза его стабильности. В 2021 г. оппозиция отказалась признать результаты выборов.

В дальнейшем ситуация усугубилась нарастающим кризисом внутри правящей элиты. Выбрав М.Базума в качестве своего приемника, М.Иссуфу рассчитывал, что при новом президенте будет сохранен установившийся статус-кво. При этом его сын, Сани Иссуфу, занял пост министра нефти, считающийся наиболее профитабельным в Нигере. Таким образом, семья бывшего президента фактически оставалась в привилегированном положении даже при новом политическом лидере страны.

Вопреки ожиданиям, после прихода к власти М.Базум начал проводить более самостоятельную политику, что рано или поздно должно было привести к кадровым переменам среди высших должностных лиц. Наиболее тревожным сигналом для нигерской политической элиты стала попытка президента начать борьбу с коррупцией, которая ударила бы, в первую очередь, по ближайшему окружению М.Иссуфу и генералитету, тесно вовлеченным в экономические процессы в стране. Всё это привело к формированию единого фронта М.Иссуфу и военных во главе с его «воспитанником», главой Президентской гвардии А.Тчиани с целью воспрепятствовать планируемым реформам.

Тихий «дворцовый переворот» не увенчался успехом, путчистам пришлось прибегнуть к насильственному отстранению действующего президента от власти. Переворот вызвал массовые манифестации в поддержку военных, которые носили также яркий антифранцузский характер. Между тем сам М.Иссуфу не пользовался большой популярностью в стране из-за множества нерешенных проблем, которые тот оставил после своего президентского срока. В результате опасаясь нехватки легитимности и уличения в связях с непопулярным политическим лидером военные предпочли избавиться и от взаимоотношений с Иссуфу. С их стороны было принято решение не делиться властью с экс-президентом, а удержать её в своих руках. Из-за этого предложение посреднической миссии М.Иссуфу для нормализации отношений с ЭКОВАС и мировым сообществом было отклонено, а его сына поместили под домашний арест²².

Нигер стал очередным западноафриканским государством из числа бывших французских колоний, которое вступило в период политического транзита. Это, в свою очередь, еще больше сблизило страну с соседями, в связи с чем мы можем предположить, что дальнейшее политическое развитие Нигера будет происходить по тому же сценарию, что в Буркина Фасо или Мали.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Коротаяев А.В., Зинькина Ю.В., Ликумович Я.Б., Хохлова А.А. Революционные и квазиреволюционные процессы в Нигере. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Революционные процессы в аф-*

²² Там же.

- разийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* (отв. ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев, Д.А.Быканова). Волгоград. 2021. С. 416–450. ISBN 978-5-7057-6066-4
- Korotaev A.V., Zinkina Yu.V., Liokumovich Ya.B., Khokhlova A.A. 2021. Revolutionary and Kuazirevolutionary processes in Niger. *Systemic monitoring of global and regional risks. Revolutionary processes in Afro-Asian instability macro-zone and its global context*. Volgograd. Pp. 416–450. (In Russ.). ISBN 978-5-7057-6066-4
2. Ibrahim J. 1994. Political Exclusion, Democratization and Dynamics of Ethnicity in Niger. *Africa Today*. № 3. Pp. 15–39.
 3. Кривушин И.В. Сейни Кунче. *История Африки в биографиях*. М.: РГГУ, 2012. С. 566–568. Krivushin I.V. 2012. Seini Kunche. *History of Africa in biographies*. Moscow. Pp. 566–568. (In Russ.)
 4. Sotinel T. 1996. Un putschiste en campagne au Niger. *Le Monde*. https://www.lemonde.fr/archives/article/1996/07/07/un-putschiste-encampagne-au-niger_3539817_1819218.html#5Z0fpSZT5klfRvL4.99 (accessed 10.10.2023)
 5. Idrissa A., Decalo S. 2012. Historical dictionary of Niger. Lanham, MD: Scarecrow Press.
 6. Schmitt J. 2020. Janus-faced activists: the social and political embeddedness of civil society in Niger. *Africa*. № 2. Pp. 357–376.
 7. Ebode J., Njoya H. 2023. Défis et bilan de la lutte contre le djihadisme en Afrique. *Diplomatie*. № 122. Pp. 59–63.
 8. De Montelos M. 2022. La France au Sahel: les raisons d'une défaite. *Études: Revue de Culture Contemporaine*. № 6. Pp. 19–28.
 9. Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю. Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макроне нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков. М.: УРСС, 2021. ISBN 978-5-7057-5915-6
Korotaev A.V., Grinin L.E., Malkov S.Y. 2021. Socio-political destabilization in the countries of the afrasian macro zone of instability: quantitative analysis and risks forecasting. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-7057-5915-6
 10. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславленное завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8
Filippov V.R. Operation "Barkhan": An inglorious end? *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018297-8
 11. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: путч 2022 года. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750020974-3
Filippov V.R. Burkina Faso: Putsch 2022. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020974-3
 12. Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 65–73. DOI: 10.31857/S032150750025686-6
Filippov V.R. African Policy of France in 2017–2023. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 65–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025686-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Исаев Леонид Маркович, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора, Центр изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Leonid M. Issaev, PhD (Political Science), Associate Professor, Vice Director, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Senior Researcher, Centre for Civilisational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ильина Анна Михайловна, приглашенный преподаватель, департамент политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

Anna M. Ilyina, Visiting Lecturer, Department of Political Science and International Affairs, HSE University, St. Petersburg, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 19.10.2023

Председательство ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка

© Воронина Н.А.^{a,b}, Зеленова Д.А.^{a,c}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0003-4077-0942; natalis987@gmail.com

^c ORCID: 0000-0002-5237-4413; d.zelevova@gmail.com

Резюме. Статья посвящена председательству ЮАР в БРИКС в 2023 г. Календарный год председательства Южной Африки, ознаменовавшийся решением о принятии новых членов в объединение, а также принятием итоговой Йоханнесбургской декларации-II¹, демонстрирует меняющуюся роль и значение ЮАР и Африканского континента в блоке БРИКС.

С приходом новых африканских участников – Эфиопии и Египта – ЮАР, очевидно, теряет статус представителя всего Африканского континента, но вместе с тем укрепляет свое положение в группе через последовательное продвижение своей повестки, нашедшей отражение в Итоговой декларации. В статье авторы рассматривают конкретные действия ЮАР в рамках БРИКС в 2023 г. и указывают на её меняющуюся роль в блоке. Если на первом этапе существования БРИК сотрудничество между странами – участницами «клуба» носило скорее символический характер, то теперь мы наблюдаем, как результатом этого взаимодействия стало выстраивание более независимой международной повестки и создание новых финансовых институтов, что является маркером глобальных трансформаций мировой системы в сторону многополярности и инклюзии.

Ключевые слова: председательство ЮАР в БРИКС, расширение БРИКС, Новый банк развития БРИКС, инклюзивная многосторонность

Для цитирования: Воронина Н.А., Зеленова Д.А. Председательство ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 23–31. DOI: 10.31857/S032150750028609-1

SA BRICS Chairship: From Emerging Partnership to a New World Order

© Natalia A. Voronina^{a,b}, Daria A. Zelenova^{a,c}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

^b ORCID: 0000-0003-4077-0942; natalis987@gmail.com

^c ORCID: 0000-0002-5237-4413; d.zelevova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the results of South Africa's BRICS Chairship in 2023. The authors conclude that SA's presidency, which witnessed a decision to take on new members as well as with the adoption of the final Johannesburg Declaration-II, demonstrates an increasing importance of South Africa and Africa in BRICS. With new African countries, namely Ethiopia and Egypt, joining BRICS, South Africa obviously loses its status as the only representative of the entire African continent, but it further promotes its agenda, as reflected in the Final Declaration. The article reveals an increasing role of BRICS as a whole. While at the first stage, cooperation between the member-states of the BRIC "club" was rather symbolic, we can now see the emergence of a more independent international agenda and the creation of new financial institutions, which shows that the world system is transforming towards multipolarity and inclusion.

Keywords: SA BRICS Chairship, BRICS Expansion, BRICS New Development Bank, inclusive multilateralism

For citation: Voronina N.A., Zelenova D.A. SA BRICS Chairship: From Emerging Partnership to a New World Order. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 23–31. (In Russ.). DOI: DOI: 10.31857/S032150750028609-1

¹ Йоханнесбургская декларация-I была принята в 2018 г. в Йоханнесбурге на 10-м саммите БРИКС (прим. авт.).

ВВЕДЕНИЕ

Саммит БРИКС, прошедший в ЮАР в конце августа 2023 г., его результаты и внимание, прикованное к нему, свидетельствуют о тектонических сдвигах в мировой политической и экономической системе. Это подтверждается и тем, что целый ряд стран выразили желание присоединиться к группе БРИКС, а 6 из них (Аргентина, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовской Аравия и ОАЭ) станут членами объединения уже в январе 2024 г.

Вместе с тем нескрываемый оптимизм по поводу неизбежности трансформации мировой системы в сторону многополярности, озвученный, например, в ежегодном докладе Международного дискуссионного клуба Валдай, заставил некоторых политологов высказаться в более алармистском ключе. В частности, турецкий политолог Ильтер Туран предостерег коллег от излишнего оптимизма, отметив, что «пытаясь построить альтернативную копию нынешней системы через БРИКС-П, мы рискуем повторить её ошибки, создав параллельную систему, которая не сможет стать лидером в новом миропорядке» [1].

В статье авторы рассматривают деятельность БРИКС под председательством ЮАР с учетом глобальной повестки и освещают основные результаты работы ЮАР в блоке, показывая их значение для всей системы международных отношений.

ПУТЬ ЮАР В БРИКС

С чего начинался путь ЮАР в «клубе»?

Вопрос о принятии ЮАР обсуждался в рамках 2-го саммита объединения, который прошел в апреле 2010 г. в Бразилии. Уже в декабре 2010 г. ЮАР получила официальное приглашение присоединиться к группе (подробнее о вступлении ЮАР в БРИКС см. [2]). Так организация стала известна как «БРИКС» [3].

Несмотря на значимость расширения БРИКС по результатам Бразильского саммита, вступление ЮАР в организацию носило, по мнению скептически настроенных политологов, скорее символический характер: хотя экономика ЮАР не столь велика, как экономики других членов, теперь группа БРИКС представляла, кроме Латинской Америки, Азии и России, также и Африканский континент.

Большой разрыв в объеме экономик стран БРИКС остается главным предметом критики. Так, например, известный американский ученый Иммануил Валлерстайн критически высказывался о дисбалансе стран БРИКС, потенциале и реальных достижениях организации². Другой известный интеллектуал левого толка и политэкономист Патрик Бонд, работающий в Университете Витватерсранд в ЮАР, последовательно уже многие годы критикует БРИКС за «субимпериализм» – термин, который он использует для описания экономической стратегии крупных государств в БРИКС³. Сразу после вступления ЮАР в «клуб» британская газета «Гардиан» язвительно писала: «Как мог этот экономический карлик стать членом БРИКС, если Мексика, Южная Корея и Турция всё еще остаются в стороне? ВВП Южной Африки составляет лишь 1/16 объема производства Китая, население страны – чуть более 50 млн, а годовой рост едва превышает 3,5%, что значительно ниже, чем в Китае (10,3% в прошлом году)» [4].

Вопреки скептическим прогнозам, в последующие годы страны БРИКС постепенно наращивали сотрудничество по ряду направлений. Во время первого председательства ЮАР в БРИКС в 2013 г. был создан Деловой совет БРИКС для укрепления и развития экономических, торговых, деловых и инвестиционных связей между бизнес-сообществами стран-участниц. Уникальной особенностью БРИКС является создание в рамках организации Совета аналитических центров, Академического форума и с подачи ЮАР – форума Гражданского общества. Результатом взаимодействия академических кругов и гражданского общества являются независимые исследования и дискуссии, которые способствуют успешной работе БРИКС, а Академический форум дает рекомендации лидерам БРИКС.

² Wallerstein, I. The BRICS. A Fable of Our Time. Iwallerstein.com. 01.01.2016. <https://iwallerstein.com/the-brics-a-fable-for-our-time/> (accessed 20.07.2023).

³ Bond P. The BRICS' Centrifugal Geopolitical Economy. Vestnik RUDN. International Relations. 2018. Vol. 18. № 3. P. 535–549.

В 2014 г. страны БРИКС договорились об учреждении двух новых международных экономических структур – Нового банка развития (НБР) и Пула валютных резервов. Южная Африка получила от НБР финансирование в размере \$100 млрд на развитие нескольких инфраструктурных проектов в таких секторах, как дороги, водоснабжение, транспорт и энергетика⁴.

С самого начала Южная Африка рассматривала свою роль в БРИКС в том числе и как гаранта продвижения интересов всего Африканского континента. Анил Суклал, шерпа⁵ ЮАР в БРИКС, отмечал, что «участие ЮАР в БРИКС строится на четырех основах: в первую очередь – это следование национальным интересам, во вторую очередь – это продвижение интересов Африканского континента, в третьих, – это продвижение интересов всего Глобального юга и, наконец, совместная работа с участниками БРИКС над искоренением недостатков международной архитектуры в целом»⁶.

На протяжении 13 лет своего участия в БРИКС ЮАР стремилась проводить – хотя в какой-то степени декларативно – политику по продвижению интересов африканских стран в блоке. Во второй год своего председательства Южная Африка выдвинула на передний план приоритеты цели устойчивого развития (ЦУР). Главным реальным достижением стало включение 9 африканских стран как представителей региональных экономических сообществ континента в работу БРИКС.

Безусловно, для самой ЮАР ценность её участия в БРИКС определяется теми возможностями, которые дают ей страны объединения, – а это, прежде всего, трансфер передовых технологий и борьба с бедностью и неравенством. По заявлению правительства ЮАР, страна использует свое членство в БРИКС «для решения тройной проблемы – неравенства, бедности и безработицы – посредством увеличения торговли внутри БРИКС, инвестиций, туризма, наращивания потенциала, повышения квалификации и передачи технологий»⁷. Кроме очевидных экономических преимуществ, от участия в БРИКС ЮАР получает и технологические дивиденды. В рамках объединения ЮАР укрепила сотрудничество в таких стратегически важных секторах, как энергетика, информационные технологии, наука, технологии и инновации, сельское хозяйство и «зеленая» экономика. Все отрасли определены как стратегически важные в южноафриканском Плане экономической реконструкции и восстановления⁸.

С момента вступления ЮАР в БРИКС и до сих пор перед этой страной остро стоят задачи по радикальному и скорейшему снижению уровня бедности среди населения и по преодолению высокого неравенства в доходах. ЮАР выступала за продвижение более льготного финансирования инфраструктурных проектов для участников БРИКС и большей прозрачности кредитов [5].

В 2023 г., накануне 15-го саммита БРИКС в Йоханнесбурге, президент ЮАР Сирил Рамапоса в своем выступлении оценил комплекс преимуществ для своей страны от участия в БРИКС, выдвинув на передний план стратегические отношения с Китаем [4]. ЮАР является главным торговым партнером для Китая в Африке. Государственный визит лидера КНР Си Цзиньпина накануне саммита в Йоханнесбурге 22 августа подтвердил значимость стратегического партнерства между двумя странами и завершился рядом двусторонних соглашений. Особое отношение С.Рамапосы к Китаю выразилось и в том, что именно Си Цзиньпину было доверено совместное проведение круглого стола на саммите африканских лидеров, который проводился 24 августа на Саммите БРИКС в Йоханнесбурге⁹. Это мероприятие позиционировалось как «мини-ФОКАС», отсылая к постоянному Форуму китайско-африканского сотрудничества, в рамках которого китайский президент каждые 3 года встречается почти со всеми африканскими лидерами для проведения полноценного специального саммита.

⁴ Address by President Cyril Ramaphosa on South Africa's foreign policy. 20.08.2023. https://thepresidency.gov.za/speeches/address-president-cyril-ramaphosa-south-africa%27s-foreign-policy?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Africa%20Brief%20-%2008232023&utm_term=africa_brief (accessed 10.09.2023)

⁵ Шерпы – народность, проживающая в восточной части Непала, многие представители которой работают проводниками в горах, отчего слово «шерпа» стало синонимом проводника. Шерпами называют представителя той или иной страны в G20 и БРИКС (*прим. ред.*).

⁶ Из выступления Анила Суклала, шерпы БРИКС от ЮАР, на международной Апрельской конференции НИУ ВШЭ 07.04.2023 г., на которой присутствовал один из авторов статьи.

⁷ BRICS Benefits for South Africa. SA Government. 2023. <http://www.thedtic.gov.za/wp-content/uploads/BRICS-Benefits-to-South-Africa.pdf> (accessed 10.10.2023)

⁸ South African Economic Reconstruction and Recovery. SA Government. 2020. <https://www.gov.za/economy#> (accessed 10.10.2023)

⁹ Remarks by Chinese President Xi Jinping at the BRICS-Africa Outreach and BRICS Plus Dialogue. 25.08.2023. http://english.scio.gov.cn/topnews/2023-08/25/content_107444765.htm (accessed 10.09.2023)

Таким образом, стратегический интерес БРИКС к Африке укрепил позиции Южной Африки как ведущей региональной державы. ЮАР всегда рассматривалась как ворота на африканский рынок для других стран БРИКС. Сами страны БРИКС, в первую очередь Китай и Индия, укрепили свои позиции в Африке посредством масштабных инвестиций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО ЮАР в БРИКС в 2023 г.

Третий год председательства ЮАР в БРИКС пришелся на турбулентные времена как в самой ЮАР, так и в мире в целом. К 2023 г. в связи с тектоническими сдвигами в мировой политической и экономической системе скептические настроения в отношении БРИКС сменились на более восторженные или, наоборот, более настороженные – в зависимости от стороны.

С 15-м саммитом БРИКС в Йоханнесбурге были связаны большие ожидания. БРИКС сможет стать активным участником и непосредственным создателем нового мирового порядка лишь в том случае, если решения будет принимать самостоятельно, без оглядки на западные державы, стремящиеся сохранить устаревшее и несправедливое мироустройство [2].

Заявленная тема председательства ЮАР в объединении, как и две прошлые – в 2013 г. и 2018 г., была связана с Африкой [6], и это уже стало характерной особенностью всех трех председательств Южной Африки в блоке. Среди приоритетных направлений южноафриканцами были озвучены: переход к «зеленой» справедливой экономике; образовательные проекты; развитие Африканской зоны свободной торговли и социально-экономическое восстановление после пандемии *COVID-19*; реформа институтов глобального управления [7]. Все эти идеи нашли отражение в Йоханнесбургской декларации 2023.

ПЕРЕХОД К «ЗЕЛеноЙ» ЭНЕРГЕТИКЕ

Одним из приоритетных направлений БРИКС под председательством ЮАР в 2023 г. был обозначен переход к «зеленой» низкоуглеродной энергетике (*Just Transition*). В частности, со стороны БРИКС «зеленые» проекты могут быть поддержаны через НБР. В 2016 г. НБР уже выпустил в Китае «зеленые» облигации объемом 3 млрд юаней (\$409 млн) для финансирования экологических проектов. Благодаря собранному таким образом капиталу банк предоставил Китаю кредит на финансирование «зеленых» проектов [3]. Как следствие, на саммите БРИКС ожидалось решения, способствующие диверсификации энергопотребления и переходу к «зеленой» экономике в долгосрочной перспективе¹⁰.

Хотя в итоговых документах саммита-2023 не содержится конкретных мер по переходу к «зеленой» энергетике, его важность была отмечена в Декларации саммита БРИКС: «Мы подчеркиваем необходимость оказания развитыми государствами поддержки развивающимся странам в вопросе обеспечения доступа к существующим и разрабатываемым технологиям и решениям для снижения выбросов, которые позволят избежать, сократить и устранить парниковые газы, а также активизировать адаптационные меры в подходе к проблеме изменения климата» [6]. Принятые решения по переходу к низкоуглеродной экономике носят хоть и не конкретный, но стратегический и долгосрочный характер.

Вместе с тем отметим, что экономика членов БРИКС зависит от нефтяного сектора. Как следствие, реальный быстрый переход к «зеленой» экономике может не соответствовать их краткосрочным интересам. Он на данный момент под вопросом и в ЮАР, т.е. в стране, которая активно продвигала «зеленую» повестку в БРИКС. Напомним, что в 2023 г. энергетический кризис в ЮАР вышел на новый уровень, а веерные отключения электричества по всей стране, происходившие и ранее, участились. Учитывая, что около 80% электричества в ЮАР производится на угольных ТЭС, сокращение потребления твердого топлива в текущей ситуации энергетического кризиса вряд ли возможно.

Обратим внимание на те формулировки Декларации, которые связаны с энергетической безопасностью и энергетическим переходом. В п. 70 говорится о важности «эффективного использования *всех источников* энергии, а именно: возобновляемой энергии, включая биотопливо, гидроэнергетики, ископаемого топлива, ядерной энергии и водорода, производимого на основе технологий и процессов с ну-

¹⁰ South Africa Close to a Just Transition Framework which Prioritizes Economic Growth. *TV BRICS*. 11.05.2022. <https://tvbrics.com/en/news/south-africa-close-to-a-just-transition-framework-which-prioritises-economic-growth/> (accessed 21.07.2023)

левым и низким уровнем выбросов, что имеет решающее значение для перехода к более гибким, устойчивым и стабильным энергетическим системам»¹¹.

Таким образом, кроме развития возобновляемых источников энергии, есть потенциал для сотрудничества и по другим ИЭ и для совместных исследований по энергетической безопасности в рамках Платформы сотрудничества в области энергетических исследований БРИКС.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Ожидания от Саммита БРИКС 2023 г. в области образования так или иначе были связаны с Сетевым университетом БРИКС.

В декларации министров образования стран БРИКС, принятой в июле 2023 г., были выделены такие приоритеты, как развитие проектов в области образования и профессиональной подготовки, а также развитие предпринимательских навыков и навыков, требуемых в быстро меняющемся мире; взаимозачет дипломов; помощь при трудоустройстве; развитие детей в раннем возрасте и глобальный рейтинг университетов¹².

По результатам саммита уже 1 сентября 2023 г., в Москве в Евразийском международном университете президент международного форума БРИКС Пурнима Ананд и ректор Евразийского международного университета, председатель Совета по международному гуманитарному сотрудничеству и общественной дипломатии Константин Клименко подписали протокол о создании единой научно-образовательной системы. Проект предусматривает создание единой научно-образовательной сети стран БРИКС, в которую войдут университеты, институты и колледжи – всего около 1000 учебных заведений.

Новая образовательная структура призвана обеспечивать мобильность студентов и преподавателей – они смогут учиться и работать в разных странах. Хотя достигнутые договоренности в сфере образования еще только предстоит претворить в жизнь в полной мере, уже сейчас можно заявить о значительном прогрессе за последние несколько лет.

АФРИКАНСКАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИК СТРАН ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Председательство ЮАР в БРИКС также рассматривалось как возможность для страны продвигать интересы Африканского континента, а для БРИКС – расширить свое присутствие в африканских странах. Действенным инструментом в этой связи выступает Соглашение об Африканской континентальной зоне свободной торговли (АфКЗСТ) (*African Continental Free Trade Area, AfCFTA*), которое было подписано в 2018 г.¹³ Совместные инициативы БРИКС и АфКЗСТ могут стать как краткосрочным инструментом по восстановлению экономик стран после пандемии *COVID-19*, так и инструментом долгосрочного экономического роста.

Благодаря договоренностям между БРИКС и АфКЗСТ возможно снижение импортных пошлин и нетарифных барьеров для африканского экспорта. В некоторых странах БРИКС импортные пошлины на сельскохозяйственную продукцию достигают 35% [8], их снижение позволит нарастить торговый оборот между странами и повысить конкурентоспособность африканских стран. Таким образом, здесь в основном ожидалось договоренности или обязательства по увеличению инвестиций стран БРИКС, что, как представляется, должно быть полезно и для БРИКС, и для Африканского континента.

В итоговой Декларации не были прописаны конкретные шаги по развитию АфКЗСТ, но в п. 4 подчеркивается её значимость. В частности, отмечается, что она может создать «предсказуемую среду для инвестиций» и «предоставляет возможность установить синергетическое взаимодействие с партнерами по сотрудничеству, торговле и развитию на Африканском континенте». В п. 34 приветствуются усилия Африканского Союза по введению «в действие Африканской континентальной зоны свободной торгов-

¹¹ Там же.

¹² BRICS Ministers Commit to Education and Training Priorities. Independent Press. 15.07.2023. <https://independentpress.cc/brics-ministers-commit-to-education-and-training-priorities/2023/07/15/> (accessed 21.07.2023)

¹³ Leveraging South Africa's Chairship of BRICS to Fuel Growth. *BizNews*. 07.12.2022. <https://www.biznews.com/sponsored/2022/12/07/leveraging-south-africa-chairship-brics> (accessed 21.07.2023)

ли», а также подчеркивается, «что АфКЗСТ способна создать предсказуемую среду для инвестиций, особенно для инвестиций в развитие инфраструктуры, и предоставляет возможность установить синергетическое взаимодействие с партнерами по сотрудничеству, торговле и развитию на Африканском континенте». Как указано в п. 34 Декларации, среди конкретных достижений стоит отметить прогресс в реализации Протокола АфКЗСТ по вопросам участия в торговле женщин и молодежи.

Таким образом, под конец председательства ЮАР в БРИКС потенциал АфКЗСТ остается нереализованным. Даже в п. 35 Декларации отмечается, что «Африканский континент остается на периферии глобальной торговой системы и может многое выиграть от сотрудничества с БРИКС». В будущем страны БРИКС могут способствовать развитию АфКЗСТ за счет разработки единого протокола между странами – членами БРИКС и странами – участницами АфКЗСТ.

МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМ И РЕФОРМЫ ИНСТИТУТОВ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Одной из основных целей БРИКС является трансформация существующего порядка «в сторону взаимного уважения, справедливости и равенства, защиты суверенитета, поддержания мира и безопасности, содействия устойчивому развитию, приверженности многосторонности посредством соблюдения норм международного права» [9]. ЮАР как председатель БРИКС сохраняла приверженность этим ценностям. 18 июля 2023 г. С.Рамапоса на встрече «Диалог политических партий БРИКС+» в Йоханнесбурге заявил, что сотрудничество со странами БРИКС может дать толчок формированию более совершенного миропорядка¹⁴. «БРИКС объединяет сейчас около 40% населения планеты, и, работая вместе, мы можем стать катализатором создания более безопасного и справедливого мирового порядка», – сказал С.Рамапоса. Схожее мнение выразила председатель Делового совета БРИКС от ЮАР Бусизве Мабузо: «Я думаю, что саммит продемонстрировал миру то, как нужно и можно делать дела, – что мультилатерализм и взаимоуважение – это тот вектор, по которому движется мир»¹⁵.

В Пекинской декларации саммита БРИКС 2022 г. были сформулированы основные подходы к формированию глобальной системы¹⁶. В Йоханнесбургской декларации 2023 г. также содержались призывы к новому мировому порядку и предлагались более детальные и конкретные меры по реформированию глобальной политической, экономической и финансовой систем. Отмечается необходимость расширения представительства развивающихся стран в международных структурах.

В частности, в Декларации поддерживаются «законные стремления» стран Африки, Азии и Латинской Америки, включая Бразилию, Индию и ЮАР, быть представленными в Совете Безопасности (п. 7) [6]. Также содержится призыв к пересмотру квот МВФ к 15 декабря 2023 г. в пользу государств формирующихся рынков и развивающихся стран [6, п. 8]. Другими словами, речь идет о коренном пересмотре Бреттон-Вудской системы и её институтов с тем, чтобы они соответствовали новым реалиям многополярного мира (п. 10). При этом, как утверждается в п. 3 Декларации, необходимо соблюдать все ценности и принципы, закрепленные в Уставе ООН.

ВАЛЮТА БРИКС И ДЕДОЛЛАРИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Реформирование глобального мироустройства неотрывно связано с реформированием финансовой и экономической системы, фундамент которой был заложен после Второй мировой войны в Бреттон-Вудсе. На саммите БРИКС в 2022 г. были озвучены достаточно амбициозные планы по реформированию Бреттон-Вудской системы. Как отмечалось во время обсуждений на Валдайском форуме в сентябре 2022 г. [10], страны БРИКС считают эту систему, где доминирующая роль в экономике отводится МВФ и Всемирному банку, несправедливой и предлагают «свою концепцию финансовой стабильности», основой которой является созданный в 2014 г. Новый банк развития БРИКС (НБР).

Одним из ожидаемых событий саммита 2023 г. стало обсуждение дальнейших шагов по финансовой интеграции. В частности, в СМИ шли дискуссии о создании единой валюты БРИКС [11], которая мо-

¹⁴ Президент ЮАР заявил о создании нового миропорядка странами БРИКС. *Известия*. 19.03.2023. <https://iz.ru/1546203/2023-07-19/prezident-juar-zaiavil-o-sozdanii-novogo-miroporiadka-stranami-briks/?ysclid=lk9pptow2d32481762> (accessed 22.07.2023)

¹⁵ Интервью г-жи Бусизве Мабузы для радио Спутник Африка. 25.08.23.

¹⁶ Там же.

жет бросить вызов доминирующей роли доллара США в международной валютной системе. Однако, учитывая сложные экономические и политические отношения между государствами – членами БРИКС, весьма велик скептицизм по поводу реальной возможности разработки новой глобальной валюты в ближайшей перспективе.

По словам южноафриканского вице-президента НБР Лесли Маасдорпа¹⁷, вероятность создания единой валюты БРИКС, которая могла бы стать реальной альтернативой доллару, можно рассматривать только в отдаленной перспективе [12]. При этом наиболее реальным сценарием в краткосрочной и среднесрочной перспективе будет не запуск единой валюты, а наращивание взаиморасчетов между странами в местных валютах БРИКС. Президент НБР, бывший президент Бразилии Дилма Руссефф высказала предположение, что капитал банка может быть увеличен за счет заемных средств в национальной валюте [7]. Индия, как заявил её министр иностранных дел в июле 2023 г., не рассматривает возможность создания единой валюты БРИКС¹⁸.

По результатам саммита сформировалась более четкая картина намерений стран-членов в отношении собственной валюты блока. В планы БРИКС входит создание не единой валюты БРИКС как прямой альтернативы доллару, а скорее единой расчетной системы.

В Декларации подчеркивается необходимость использования альтернативных платежных систем. В частности, было принято решение о наращивании использования национальных валют. Так, Китай и Бразилия договорились о расчетах в юанях [13]. Расчеты в юанях в китайско-российском товарообороте за 2022 г. составили \$185 млрд [13]. При этом в двусторонних расчетах Россия скорее выступает не за «юанизацию экономики», а за расчеты в национальных валютах, как это уже происходит между Россией и Индией. Такой подход также не лишен изъянов, т.к. при дисбалансе в торговом обороте, например, между Индией и Россией, у России ежемесячно накапливается большое количество рупий – около 1 млрд (около \$12 млн) [14].

Несмотря на существующие противоречия и низкую вероятность создания единой валюты в ближайшем будущем, в БРИКС прослеживается тренд на переход от преимущественно политической интеграции к интеграции экономической, строящейся вокруг создания единой финансовой и экономической системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель группы БРИКС – реформирование глобального экономического управления таким образом, чтобы оно отвечало интересам большей части населения планеты. Укрепление роли стран БРИКС на международной арене невозможно без наращивания экономического сотрудничества и выстраивания новой финансовой системы, что уже происходит. Расширение БРИКС является, по мнению многих экспертов, характерным признаком перехода к многополярности и демонстрирует тенденцию к инклюзивности и неиерархичности нового миропорядка¹⁹.

Вопрос расширения БРИКС представляется не таким простым, как это может показаться на первый взгляд. Решения в БРИКС принимаются по принципу консенсуса, а значит, принятие новых членов должно быть единогласно одобрено нынешними членами БРИКС, отчего вопрос о критериях и механизме принятия решения только усложняется. Так, расширению могут помешать существующие противоречия между странами-членами, а также между новыми потенциальными членами. Вместе с тем, как отметил С.А.Рябков, заместитель министра иностранных дел РФ, шерпа РФ в БРИКС, на конференции по результатам саммита, «трения и противоречия – они были, есть и будут, но они вторичны по отношению к той глобальной динамике и тем глобальным тенденциями, которые наблюдаются в мире... Противоречия не могут затенять главную задачу объединения – помогать друг другу в поступательном развитии»²⁰.

¹⁷ Интервью *Bloomberg-TV* от 5 июля 2023 г.

¹⁸ Индия – против. На валюте БРИКС поставлен крест. *РИА Новости*. 13.07.2023. <https://ria.ru/20230713/dollar-1883845402.html?ysclid=lk121hiqos154153065> (accessed 20.07.2023)

¹⁹ Ежегодный доклад международного дискуссионного клуба Валдай. Октябрь 2023. <https://valdaiclub.com/files/42478/> и специальная сессия в рамках ежегодной конференции: <https://valdaiclub.com/multimedia/video/first-session-of-the-20th-annual-meeting-of-the-valdai-discussion-club/> (accessed 10.10.2023)

²⁰ Брифинг С.А.Рябкова по итогам саммита БРИКС. <https://m.youtube.com/watch?v=d86HHCYZ1> (accessed 11.10.2023)

Дискуссионными остаются вопросы возможного закрепления особого статуса за пятеркой БРИКС и потенциальная институционализация объединения. Как отметил Рябков²¹, сама идеология БРИКС отрицает особый статус тех или иных членов, а институциональное укрепление БРИКС – задача не ближайшего будущего. И вообще, нужна ли БРИКС такая институционализация – вопрос дискуссионный. Ведь БРИКС построен по иному принципу, чем блоковый формат, и именно этим он отличается от Большой семерки. Такой сетевой формат притягателен, что подтверждается растущим количеством желающих вступить в объединение.

Отдельно следует сказать об особой усложняющейся, как представляется авторам, роли, которая возникает у ЮАР в БРИКС. Если изначально вхождение ЮАР в БРИКС имело скорее символический характер для «клуба» БРИК, желавшего в лице ЮАР найти «вход» в Африку, то в нынешних условиях глобальных изменений и необходимости преодоления перманентных кризисов практическая польза от включения новых независимых от западной политики игроков стремительно возрастает.

В 2024 г. ЮАР теряет роль единственной африканской страны в объединении, но остается «воротами» в регион Юга Африки и гарантом эффективной дипломатии, что подтвердил саммит в Йоханнесбурге, проведенный в сложной обстановке 2023 г. Важная особенность ЮАР заключается еще и в том, что США рассматривают её как проводника либеральных ценностей и своих интересов в БРИКС²². С другой стороны, сами южноафриканцы не раз подтверждали, что им чужда логика времен холодной войны. Однако такой независимый внешнеполитический курс вызывает критику со стороны Демократического альянса (южноафриканской либеральной партии с правым уклоном), которая составит конкуренцию АНК на выборах 2024 г. Демократический альянс заявляет о том, что АНК, поддерживая Россию, рискует потерять расположение США, которые могут не продлить торговое соглашение AGOA²³. Как известно, США уже не продлили соглашение с Мали, Эфиопией и Гвинеей в январе 2022 г. из-за выявленных в этих странах случаев нарушения прав человека. И такие угрозы в адрес ЮАР уже были озвучены в правящих кругах Вашингтона²⁴.

На данный момент Южная Африка является стратегическим партнером России. У обоих государств имеется ряд важных точек соприкосновения по ключевым вопросам повестки дня БРИКС: это касается, прежде всего, вопроса расширения СБ ООН, создания безопасных платежных систем, вопроса создания Палестинского государства, реформирования Бреттон-Вудских институтов. Кроме того, для ЮАР, как было показано в статье, критически важно поддерживать стратегическое партнерство с Китаем – главным экономическим и геополитическим соперником США в Африке.

Таким образом, роль ЮАР в БРИКС будет возрастать и усложняться, особенно с учетом напряженной социальной обстановки в самой ЮАР, стабильность политического курса которой будет зависеть от исхода всеобщих выборов летом 2024 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Escobar P. Putin and the Magic Multipolar Mountain. 06.10.2023. <https://putin-and-the-magic-multipolar-mountain-a-valdai-chronicle---pepe-escobar-1113975618.htm> (accessed 10.10.2023)
2. Шубин В.Г. ЮАР – новый председатель группы БРИКС. *Проблемы национальной стратегии*. 2023. № 3 (78). DOI: 10.52311/2079-3359_2023_3_54
Shubin V.G. 2023. South Africa, a new Chair of the BRICS group. *Problems of National Strategy*. № 3 (78). Moscow. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2023_3_54
3. Архангельская А.А. БРИК становится БРИКС. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 9. С. 2–5.
Arkhangelskaya A.A. BRIC becomes BRICS. *Asia and Africa today*. 2011. № 9. Pp. 2–5. (In Russ.)
4. Hervieu S. South Africa gained entry to BRICS club. 19.04.2011. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2011/apr/19/south-africa-joins-bric-club> (accessed 10.10.2023)

²¹ Там же.

²² Интервью на этот счет дал аналитик центра Института мира США Андрю Читхэм. См: <https://www.usip.org/publications/2023/08/why-brics-summit-could-be-big-deal> (accessed 08.09.2023)

²³ Dr Dion George MP Nothing Resolved at AGOA Forum. *Democratic Alliance*. 05.11.2023. <https://www.da.org.za/2023/11/nothing-resolved-at-agoa-forum> (accessed 06.11.2023)

²⁴ US Lawmakers Ask White House to Punish South Africa for Supporting Russia. *New York Times*. 12.06.2023. <https://nytimes.com/2023/06/12/world/africa/south-africa-russia-us-lawmakers.html> (accessed 06.11.2023)

5. Архангельская А.А., Савинов Р.А. X саммит БРИКС: новая эпоха во внешней политике ЮАР? *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 10. С. 8–11.
Arkhangelskaya A.A., Savinov R.A. 2018. X BRICS Summit: a New Era of South African Foreign Policy? *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 8–11. (In Russ.)
6. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023. https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (accessed 29.08.2023)
Johannesburg Declaration-II. BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism, Sandton, Gauteng, South Africa, 23.08.2023. (In Russ.). https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (accessed 29.08.2023)
7. Kapur N. South Africa's BRICS Sous-Sherpa defines Five Priorities of the SA Presidency in the Alliance for 2023. *BRICS 2023*. 05.05.2023. <https://tvbrics.com/en/news/south-africa-s-brics-sous-sherpa-defines-five-priorities-of-sa-presidency-in-the-alliance-for-2023/?ysclid=ljfmw35ric134139318> (accessed 21.07.2023)
8. Lissovolik Y. South Africa Trips Notes: BRICS+ Takes on Greater Prominence. *BRICS plus analytics*. 22.05.2023. <https://brics-plus-analytics.org/south-africa-trip-notes-brics-takes-on-greater-prominence/> (accessed 21.07.2023)
9. Фитуни Л.Л. Переустройство миропорядка: БРИКС и Африка в эпоху перемен. *Ученые записки Института Африки РАН*. № 4 (66). 2022. С. 17–27.
Fituni L.L. 2022. Rebuilding the World Order: BRICS and Africa in the times of change. *Journal of the Institute for African Studies*. № 4 (66). Pp. 17–27. (In Russ.). <https://africajournal.ru/wp-content/uploads/2022/12/Fituni-Pereustrojstvo-Miroporjadka.pdf?ysclid=lk7gf2snjq898573416> (accessed 21.07.2023)
10. Chirkov M., Kozelko A. BRICS New Development Bank. A Second Bretton Woods or a Trend with its Own Future? *Valdai Club*. 02.09.2022.
11. Зайцев А. Доллар, прощай. Что такое единая валюта БРИКС и когда она появится? *KP.ru*. 23.08.2023. <https://www.kp.ru/daily/27546/4812975/?ysclid=lo3h5hvuub981095028> (accessed 02.09.2023)
Zaytsev A. Dollar, goodbye. What is the BRICS Currency and when will it Come? *KP.ru*. 23.08.2023. <https://kp.ru/daily/27546/4812975/?ysclid=lo3h5hvuub981095028> (accessed 02.09.2023)
12. Sguazzin A. BRICS Bank CFO sees no move any time soon towards currency. *Bloomberg*. 05.07.2023. <https://bloomberg.com/news/articles/2023-07-05/brics-has-no-immediate-plan-for-a-currency-cfo-of-its-bank-says> (accessed 20.07.2023)
13. Dvinsky K. Russia and China will destroy the Bretton Woods System with the Help of the Yuan and BRICS. *Topcor*. 02.04.2023. <https://en.topcor.ru/33705-jekspert-rf-i- knr-razrushat-bretton-vudskuju-sistemu-pri-pomoschi-juanja-i-briks.html?ysclid=lk8s90gca127764115> (accessed 24.07.2023)
14. Демченко Н. Блумберг сообщил о «рупийной ловушке» для российских компаний в Индии. *РБК*. 01.06.2023. <https://rbc.ru/finances/01/06/2023/6478738e9a794736c9db7571?ysclid=lk8w2xyhqb99217959> (accessed 24.07.2023)
Demchenko N. Bloomberg informed about the “rupee trap” for Russian companies in India. *RBC*. 01.06.2023. (In Russ.). <https://www.rbc.ru/finances/01/06/2023/6478738e9a794736c9db7571?ysclid=lk8w2xyhqb99217959> (accessed 24.07.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Воронина Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФр РАН, Москва Россия.

Natalia A.Voronina, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Зеленова Дарья Александровна, кандидат политических наук, ст.н.с. Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН, Москва Россия.

Daria A. Zelenova, PhD (Political Science), Senior Researcher, Center for Southern Africa, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 02.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 21.10.2023

DOI: 10.31857/S032150750028610-3

«Панджабский вопрос» и сикхская диаспора: призывы к сецессии в XXI веке

© Бочковская А.В.^а, 2023

^а МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6666-4246; anna.bochkovskaya@gmail.com

Резюме. В статье анализируется роль панджабско-сикхской диаспоры в поддержке и нагнетании сецессионистских настроений в современной Индии: показана специфика наиболее значимых негосударственных организаций, базирующихся за пределами Южной Азии и выступающих за создание независимого государства Халистан на северо-западе страны, рассмотрена деятельность группировки «Сикхи за справедливость» по подготовке и проведению «Халистанского референдума», а также события 2022–2023 гг., связанные с появлением в штате Панджаб «преемника» Джарнаила Сингха Бхиндранвале (1947–1984) – харизматичного лидера сикхских сепаратистов конца 1970-х – начала 1980-х гг.

С 1990-х гг. «панджабский вопрос» потерял былую остроту, но идея создания сикхского государства не ушла в прошлое. Борцы за его создание, в частности, Бхиндранвале, убитый в ходе операции «Голубая звезда» в 1984 г., в Панджабе были объявлены мучениками за веру.

Ключевые слова: сецессия, Индия, Панджаб, Халистан, сикхи, диаспора

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, грант № 23-28-00293 «Этнонационализм в Республике Индия: автономистские тенденции (Телангана/Андхра, Панджаб) и политика федеральных властей». <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

Для цитирования: Бочковская А.В. «Панджабский вопрос» и сикхская диаспора: призывы к сецессии в XXI веке. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 32–40. DOI: 10.31857/S032150750028610-3

The Punjab Issue and the Sikh Diaspora: Calls for Secession in the XXI Century

© Anna V. Bochkovskaya^a, 2023

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6666-4246; anna.bochkovskaya@gmail.com

Abstract. The article discusses the role of Punjabi-Sikh diaspora in supporting and heating up secessionist ideas in contemporary India. In focus are specific features of the most visible non-governmental organizations based beyond South Asia, which advocate an idea of setting up an independent Khalistan state in the north-west of India (Punjab); activities of the “Sikhs for Justice” group aimed at launching the *Khalistan Referendum / Referendum 2020*; and 2022–2023 developments in Punjab related to the performance of Amritpal Singh Sandhu, a present-day “successor” of Jarnail Singh Bhindranwale (1947–1984) – a charismatic leader of the Sikh separatists in the late 1970s – early 1980s.

Since the 1990s, the Punjab issue has cooled down, but the idea of establishing a sovereign Sikh state has not become a thing of the past. The Khalistan proponents and, in particular, Bhindranwale who was killed in the 1984 “Operation Bluestar” in Punjab, have been proclaimed martyrs for the Sikh faith. International pro-Khalistani groups have been using their images both for self-advertising and for destabilizing India in general and Punjab in particular.

Keywords: secession, India, Punjab, Khalistan, Sikhs, diaspora

For citation: Bochkovskaya A.V. The Punjab Issue and the Sikh Diaspora: Calls for Secession in the XXI Century. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 32–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028610-3

ВВЕДЕНИЕ

В 1980-х – начале 1990-х гг. топоним Халистан (букв. Страна / Земля чистых) практически ежедневно фигурировал в индийских радио- и телепрограммах, в печатных СМИ, будучи олицетворением сепаратизма.

ратистских настроений в Республике Индия. В пограничном с Пакистаном штате Панджаб более десятилетия шла необъявленная война, главной задачей которой радикально настроенные сикхи¹ видели создание собственного независимого государства, где ключевая роль принадлежала бы *халсе* – сообществу «истинных» последователей гуру Нанака (1469–1539) и его преемников².

Последний, десятый, сикхский гуру Гобинд Сингх (1666–1708) и был создателем *халсы* как социального и идеологического конструкта. С начала XVIII в. и до сегодняшнего дня лозунг *Raj karega Khalsa* («Халса будет править») является частью сикхских молитвенных формул, неся в себе мысль о возможности возвращения к тем временам, когда сикхи полностью контролировали значительную часть Пятиречья³.

Идею возрождения сикхского государства Сикхистан / Страна сикхов (или Азад-Панджаб / Свободный Панджаб) последователи гуру Нанака развивали в 1930–1940-х гг. – на пике национально-освободительного движения в Индии. Когда в 1940 г. индийские мусульмане во главе с Мусульманской лигой начали «прямые действия» по созданию Пакистана, сикхская партия Акали-дал подняла вопрос о том, что сикхи также «являются отдельной (*separate*) нацией» [1], у которой есть своя историческая территория – Панджаб [2], и потому они вправе претендовать на собственную государственность.

Как отмечал канадский историк Харджот Оберой, хотя взаимосвязь сикхов и Панджаба исторически воспринимается как данность, фактическая «территоризация» сикхизма началась с 1940-х гг., а до того он был паниндийским [2]: сикхов, успешно занимающихся предпринимательством разного масштаба, и сейчас можно встретить практически во всех штатах и крупных городах Индии. Более того, из 5 *тахтов* – особо значимых исторических мест, где могут издаваться обязательные для исполнения всеми сикхами указы, – два всегда были расположены далеко за пределами Панджаба: Патна-сахеб в Бихаре и Хузур-сахеб в Махараштре⁴. Таким образом, идею Халистана / Сикхистана можно рассматривать как дальнейшее развитие процесса, определенного Х.Обероем как «конструирование религиозных рамок» [4]: в данном случае эти «рамки» обретают свою территорию и границы как в переносном, так и в прямом смысле.

Однако в 1947 г. при разделе страны граница между Индией и Пакистаном разрешила Пятиречье надвое: его большая, западная, часть отошла Пакистану, а меньшая, восточная, где проживали в основном сикхи и индусы, – Индии; мечтам сикхов не суждено было сбыться.

После административных преобразований 1950–1960-х гг. последователи гуру Нанака обрели лишь штат; там они стали доминирующей религиозной общиной, оставаясь меньшинством в масштабах страны. Историческая память, обида на индийских политических лидеров, которые фактически игнорировали интересы сикхов в ходе переговоров с англичанами о будущем Индии, незатихающая боль раздела, наконец, немалые сложности с получением «собственной» административно-территориальной единицы – всё это стало благодатной почвой для развития сепаратистского движения на северо-западе страны [5].

Его подъем был обусловлен целым комплексом экономических, политических и социокультурных факторов; к тому же особую роль в разжигании панджабского кризиса сыграли активисты многочисленной и весьма состоятельной панджабско-сикхской диаспоры, наиболее значимые центры которой располагались в Северной Америке и в Великобритании⁵.

Так, проживавший в США, а затем в Англии лидер и один из главных идеологов сепаратистов Джагджит Сингх Чаухан призывал разбросанную по разным странам мира «сикхскую нацию» к борьбе за создание собственного государства на исторической родине – в Панджабе. В конце 1970-х гг. в Лондоне Чаухан создал Национальный совет Халистана, объявил себя его президентом, а несколько позже

¹ Сикхизм является 4-й по количеству адептов религией Индии. Сикхская община насчитывает 21 млн человек (1,7% населения), из них 16 млн проживают в Панджабе, составляя 58% населения штата. См: Census of India. 2011. <http://censusindia.gov.in/2011census/> (accessed 29.06.2023)

² Учение Нанака продолжили и развили еще 9 гуру, последний из которых, Гобинд Сингх, прекратил линию живых учителей и объявил священный текст сикхов *Гуру-грантх* 11-м, «вечным», гуру. В 1699 г. он провозгласил создание *халсы* – собрания вооруженных общинников, решения которого в присутствии *Гуру-грантх* обретают силу верховной власти для сикхов (о современных интерпретациях наследия Нанака см.: [23]).

³ Панджаб (перс. *panj* – пять, *ab* – река, вода) – Пятиречье. Регион, формируемый рекой Инд и пятью её притоками (*прим. ред.*).

⁴ Подробнее о сикхских *тахтах* («тронах») см. [3].

⁵ Панджабско-сикхская диаспора сегодня насчитывает 2–2,5 млн человек. Подробнее см. [6; 7; 8; 9].

провозгласил образование Республики Халистан и «управлял» ей, по-прежнему находясь в Великобритании.

Прохалистанские настроения поддерживали и другие эмигрантские центры и представители диаспоры, которые находились в постоянном контакте с сепаратистами в Индии, в т.ч. с харизматичным главой сикхских экстремистов Дж.Сингхом Бхиндранвале. Военная операция «Голубая звезда», проведенная индийскими властями в июне 1984 г. для уничтожения базы экстремистов в Золотом храме (Амритсар), спровоцировала еще больший подъем сепаратистских настроений и насилия в стране [10; 11]. С октября 1983 по февраль 1992 г. Панджаб в общей сложности в течение 57 месяцев находился под президентским правлением; обстановка в штате стала постепенно входить в правовое поле лишь с начала 1990-х гг. Со временем в Индии «халистанский вопрос» потерял свою остроту, но идея сикхского государства не ушла в прошлое, а борцы за его создание, в частности, Бхиндранвале, убитый в ходе операции «Голубая звезда», в Панджабе были объявлены мучениками за веру.

АГЕНТЫ ХАЛИСТАНА: ТЕРРОРИЗМ И СУДЕБНЫЕ БАТАЛИИ

Исследователи [12; 13] выделяют два направления, по которым развивалась идея Халистана, – внутреннее (индийское) и международное, связанное с диаспорой.

На протяжении десятилетий радикальная часть панджабско-сикхской диаспоры оставалась основным генератором прохалистанских идей, во многом связанных с насилием. Наибольший интерес и отклик такие идеи вызывают у молодых сикхов из нового поколения диаспоры, которые всю или большую часть жизни прожили вне Южной Азии и идеализировали существовавший в их воображении Панджаб как «свою», пусть и далекую, землю, где должно быть восстановлено «правление халсы».

Эти представления формировались, прежде всего, под влиянием «старой гвардии» – уехавших из Индии в 1980-х гг. активистов движения, продолжавших свою деятельность в зарубежных «филиалах» индийских террористических группировок или в созданных вне Индии прохалистанских организациях.

В число наиболее хорошо организованных групп, провозгласивших своей целью создание Халистана и действующих из зарубежья, входят три – Баббар-халса, Дал-халса и Международная федерация сикхской молодежи.

Две первых появились в апреле 1978 г. после вооруженного столкновения сикхов-халса, или «истинных» сикхов, с *сант-ниранкари* – последователями одного из относительно новых направлений в сикхизме, которые отошли, по мнению «истинных» сикхов, от учения Нанака и исказили его [14].

Группа Баббар-халса (*Babbar Khalsa*, также *Babbar Khalsa International, BKI*) получила название по имени одного из основателей – С.Сингха Баббара. Ставя своей главной целью борьбу за чистоту веры, её участники ориентировались на непримиримое противостояние с *сант-ниранкари* и их сторонниками и на создание «государства халсы». Однако вскоре Баббар-халса распалась на несколько подгрупп, одна из которых в 1981 г. создала свое отделение в Канаде. Там, а также в Германии и Великобритании, сегодня проживает наибольшее количество последователей Баббар-халсы, хотя практически всюду – в Европе, США и ряде других стран – она считается международной террористической организацией, и её деятельность объявлена вне закона.

Дал-халса (*Dal Khalsa*, Армия чистых) представляла более умеренные круги борцов за создание Халистана, однако ряд её членов также отметился своей террористической активностью, в основном в Индии [15]. Поскольку Дал-халса фактически была политическим рупором Бхиндранвале и его сторонников, в период максимального подъема панджабского кризиса (1982–1992) её деятельность была запрещена правительством Индии, но с 1992 г. запрет был снят. Часть активистов, в 1983 г. открывших отделения в Германии и Великобритании, в 1984 г. объявили о создании «правительства в изгнании» и продолжили деятельность вне Индии. Оставшаяся в стране часть Дал-халсы в 1992 г. возобновила активную деятельность в Панджабе, сотрудничая с некоторыми другими сепаратистскими организациями, а также экстремистскими группировками в сикхской партии Акали-дал [16].

Третья из вышеупомянутых групп, Международная федерация сикхской молодежи (*International Sikh Youth Federation, ISYF*), была создана в Великобритании Дж.Сингхом Роудом, племянником Бхиндранвале, в 1984 г. – уже после операции «Голубая звезда». В 1980–1990-х гг. её боевики совершили ряд резонансных терактов и нападений на индийских граждан, в т.ч. сикхов, не поддерживавших сепаратистские настроения.

ратистские настроения. Как и Баббар-халса, она объявлена террористической организацией в Индии, Северной Америке, Европе и других странах.

В XXI в. в диаспоре появились новые сообщества, которые поддерживают идеи и деятельность прохалистанских организаций. В Северной Америке толчком к их появлению послужил террористический акт 11 сентября 2001 г., после которого население начало крайне настороженно относиться к «людям с тюрбанами и бородами», полагая, что все они – террористы-мусульмане. Именно тогда проживающие в США сикхи развернули движение за официальное признание их особой религиозной и этнической (т.е. отличной от американцев индийского происхождения) группой [17], что создало прекрасную почву для индуцирования халистанской идеи с учетом наступления знаковых дат – 20-й (2004 г.), а затем и 30-й (2014 г.) годовщины операции «Голубая звезда».

Одним из наиболее ярких проponentов Халистана стала группа «Сикхи за справедливость» (*Sikhs for Justice, SFJ*), которая была создана в 2007 г. в Нью-Йорке мигрантом из Панджаба Г. Сингхом Паннун, имевшим адвокатскую практику в США и Канаде. Ставя целью борьбу за «независимость» Панджаба в форме Халистана, «Сикхи за справедливость» открыто поддерживали сецессионистские движения на востоке (Бенгалия), северо-востоке (Ассам) и севере (Кашмир) Индии⁶.

Паннун и его соратники обращались в американские суды с исками против политиков, в той или иной степени причастных к событиям 1984 г. В частности, в 2013 г. иск был подан против президента Индийского национального конгресса (ИНК) Сони Ганди⁷: ей вменялись в вину участие в подготовке и проведении антисикхских погромов осенью 1984 г. и – позднее – укрывательство Конгрессом (под её руководством) участников этих насильственных акций. В «юбилейном» 2014 г. последовал иск против Манмохана Сингха – на тот момент премьер-министра Индии, который, по утверждению истцов, занимая высший государственный пост, а до того пост министра финансов (1991–1996), принимал участие в насилии по отношению к индийским сикхам.

Эти и аналогичные иски суды, как правило, отклоняли ввиду отсутствия состава преступления или (чаще) с учетом их территориальной и предметной подсудности; тем не менее шумиха, связанная с подобными делами, создавала необходимую «Сикхам за справедливость» рекламу. Тому же способствовало их обращение в 2014 г. в Комиссию по правам человека ООН с докладом о геноциде сикхов в 1984 г. Неудивительно, что в 2019 г. «Сикхи за справедливость» были также запрещены в Индии, а в 2020 г. МВД объявило Паннуна террористом за призывы к сецессии и вовлечение сикхской молодежи из Панджаба в деятельность незаконных вооруженных формирований. Однако и он, и возглавляемая им организация не снизили своей активности.

РЕФЕРЕНДУМ ИЗ ДАЛЁКА

Самой массовой акцией «Сикхов за справедливость» стал референдум по вопросу создания Халистана (*Khalistan Referendum 2020*), о планах проведения которого было впервые объявлено в 2018 г. Конечной целью неофициального голосования – по задумке организаторов оно должно было пройти в странах с крупными сикхскими диаспорами – объявлялось «освобождение Панджаба от индийской оккупации» и его сецессия⁸. В ходе референдума респондентам предлагалось ответить на единственный вопрос: должен ли индийский Панджаб быть независимой страной? В положительном исходе голосования у организаторов референдума сомнений не было. Консенсусное решение они планировали передать в ООН и другие международные правозащитные структуры с требованием «воссоздать Панджаб как национальное государство» [18].

2020 год был выбран не случайно: референдум, как и подготовка к нему, должны были проходить на фоне масштабных празднеств, связанных с 550-летней годовщиной со дня рождения гуру Нанака – основателя сикхизма.

⁶ В большинстве случаев властные структуры США и Канады не реагировали на такие действия «Сикхов за справедливость», поскольку они не создавали внутренних проблем (*прим. авт.*). <https://sikhsforjustice.org/the-law> (accessed 29.06.2023)

⁷ Соня Ганди возглавляет ИНК с 1998 г. Ее свекровь Индира Ганди (1917–1984) занимала пост премьер-министра Индии в годы подъема панджабского кризиса и была убита сикхами в октябре 1984 г. в отместку за проведение операции «Голубая звезда». В том же году премьер-министром страны стал Раджив Ганди (1944–1991), сын Индиры Ганди и супруг Сони, который погиб от рук террористов в 1991 г. (*прим. авт.*).

⁸ <https://sikhsforjustice.org/> (accessed 30.06.2023)

В 2018 г. в рамках подготовки к акции «Сикхам за справедливость» удалось с разрешения властей Пакистана открыть постоянное представительство в Лахоре – главном городе пакистанского Панджаба. Тем самым они достигали несколько целей: помимо информирования крайне немногочисленных пакистанских сикхов⁹ о готовящемся референдуме и регистрации потенциальных участников, Паннун и его соратники получили возможность развернуть мощную антииндийскую кампанию с призывами к сецессии в непосредственной близости от индийской границы.

Это было обусловлено, в частности, тем, что, несмотря на непрекращающийся с 1947 г. антагонизм Индии и Пакистана, к юбилею гуру Нанак страны смогли договориться об открытии т.н. Картарпурского коридора, который могли бы использовать индийские и пакистанские паломники-сикхи для безвизового посещения святынь, оказавшихся после раздела в нескольких километрах от границы, но по разные её стороны [19]. Доступ для индийских сикхов в главную святыню – храм Дарбар-сахаб в Картарпуре, где, как считается, гуру Нанак провел последние 18 лет своей жизни, был открыт в ноябре 2019 г.

Именно эту площадку «Сикхи за справедливость» планировали превратить в одно из агитационных пространств для продвижения идеи Халистана, размещая там растяжки с надписью «Референдум 2020», флаги Халистана, а также портреты с изображением Бхиндранвале. Более того, в своих Твиттер- и Фейсбук-аккаунтах они стали публиковать карты и видео с изображением Халистана в более широких границах – с включением в него части пакистанского Панджаба, а иногда и с указанием Лахора в качестве потенциальной столицы [20]. Впрочем, столь заметная активность сикхских радикалов не поощрялась со стороны Пакистана – в особенности в свете наметившегося сближения с Индией по картарпурскому вопросу. Индия, в свою очередь, заблокировала сайты «Сикхов за справедливость» и иных прохалистанских организаций, учетные записи в Твиттере и большинстве других соцсетей. По её запросу *Google* был вынужден убрать мобильное приложение *2020 Referendum*, разработанное специально для проведения голосования [20]. На сегодняшний день организация Паннуна использует для агитации по преимуществу Фейсбук, где действует несколько страниц и групп, созданных членами «Сикхов за справедливость».

Намеченное на 2020 г. проведение референдума было сорвано начавшейся эпидемией *COVID-19*, но по мере снятия санитарных ограничений в 2021–2023 гг. в некоторых странах голосование все же состоялось. К осени 2022 г. в Великобритании, Канаде, Италии и Швейцарии за создание Халистана в общей сложности проголосовали почти 210 тыс. человек, а в январе 2023 г. к ним присоединились еще 60 тыс. в Австралии¹⁰.

Впрочем, абсолютные цифры отнюдь не свидетельствовали о массовой поддержке диаспорой идеи Халистана. Так, в сентябре 2022 г. в Канаде, где находится самая многочисленная сикхская диаспора – 770 тыс. человек, или 2,1% населения страны¹¹, – в акции приняли участие около 100 тыс. В Великобритании в ноябре 2021 г. из живущих там 520 тыс. сикхов¹² проголосовали, по разным данным, от 15 до 30 тыс. В Австралии доля сикхов, поддержавших идею сецессии, была выше, составив примерно треть диаспоры, но и там Паннуну и его команде поддержкой большинства заручиться не удалось.

Индийская сторона внимательно следила за ходом «референдума» и, как и в предшествовавшие десятилетия, выражала протесты правительствам стран, которые разрешали проведение голосования, прекрасно осознавая, что с учетом теснейших связей сикхской диаспоры с «материнской землей» даже незначительные прохалистанские акции могут вызвать ответную и крайне нежелательную реакцию в Панджабе. Наиболее резкое заявление МИД Индии сделал в связи с референдумом в Канаде, охарактеризовав его как «фарс» и «антииндийскую акцию», поддержанную местными властями, поскольку они «позволили экстремистам совершить заслуживающие крайнего осуждения политически мотивированные действия, которые представляют угрозу независимости Индии» [18].

БХИНДРАНВАЛЕ 2.0: НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ХАЛИСТАН?

Осенью 2022 г. внешний «нарратив» халистанской проблемы был усилен внутренним, но также пришедшим извне: в штате Панджаб внезапно появился персонаж, которого вскоре стали именовать «ре-

⁹ Сикхское население 200-миллионного Пакистана оценивается в 25–35 тыс. (*прим. авт.*).

¹⁰ <https://tribune.com.pk/story/2398312/60000-australian-sikhs-defy-modi-in-vote-for-khalistan-referendum%3Famp=1> (accessed 30.06.2023)

¹¹ Statistics Canada. 2021. Table 98-10-0342-01. <https://doi.org/10.25318/9810034201-eng> (accessed 30.06.2023)

¹² Religion, England and Wales: Census 2021. <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/> (accessed 30.06.2023)

инкарнацией» или «новой аватарой» [21] Дж.Сингха Бхиндранвале – знаковой фигуры индийского сепаратизма в период пика панджабского кризиса.

Это был некий 30-летний Амритпал Сингх Сандху, приехавший из Дубая, где он работал в транспортной компании своего родственника, позднее эмигрировавшего в Канаду, а затем вернувшегося в Панджаб. Сандху же напрямую направился в Индию якобы для поддержки панджабских крестьян, которые в 2020–2021 гг. вели массовую протестную кампанию против правительственных реформ в области сельского хозяйства. Он вступил в организацию «Варис панджаб де» (Наследники Панджаба), целью которой была «борьба за права Панджаба», а когда в феврале 2022 г. её глава погиб в автокатастрофе, стал его преемником.

Большое впечатление на значительную часть панджабцев, прежде всего живущих в сельской местности, производило внешнее сходство А.Сандху с Бхиндранвале: оказавшись в Индии, он отпустил борю, стал носить тюрбан и непременный сикхский атрибут – кинжал-*кирпан*, а также сине-белые одежды по типу тех, что были визитной карточкой Бхиндранвале. Вид Сандху в постоянном сопровождении вооруженной до зубов охраны возрождал в памяти многих милитаристские картины 1980-х гг.

Еще важнее было то, что в своих выступлениях Сандху с большим даром убеждения повторял высказывания Бхиндранвале о значении Панджаба для Индии, о необходимости возвращения к «истинному» сикхизму и очищению веры от современных пагубных наслоений, об идентичности сикхов и их исключительности по сравнению с «другими», прежде всего, с индусами. Его заявления успешно «возгоняли» идеи национализма, как сикхского, так и индусского. Сандху утверждал, что он имеет полное право требовать создания Халистана для сикхов, поскольку индусские националисты объявляют Индию *хинду-раштрой*, или страной/нацией индусов¹³.

Рассуждения о героической истории сикхов, их мужестве и доблести производили особое впечатление на молодых панджабцев.

В самом позитивном ключе многие панджабцы воспринимали и постоянное обращение Сандху к социальным темам, прежде всего, к чрезвычайно болезненной для Пятиречья проблеме наркомании.

К XXI в. этот вопрос в Панджабе – одном из самых экономически благополучных районов страны – встал необычайно остро: сегодня в 28-миллионном штате 3 млн человек в возрасте старше 15 лет употребляют наркотики, которые попадают туда из соседнего Пакистана, а также Афганистана и Ирана [22]. Поэтому с 1990-х гг. все политические партии, имевшие электоральную базу в Панджабе, обещали с приходом во власть решить проблему, однако это ни у кого не получалось. Как следствие, индийский Панджаб по-прежнему наводнен наркотиками, в первую очередь героином.

Это обстоятельство Амритпал Сандху и использовал как один из ключевых аргументов в своих выступлениях, утверждая, что избавление от наркотической зависимости представляет собой возврат к «истинному» сикхизму с его праведными принципами, включавшими в том числе запрет на использование средств, дурмнящих сознание. Наркобизнес на панджабской земле Сандху рассматривал как часть более широкого «вражеского» плана по «уничтожению» сикхов и «размыванию панджабской культуры»¹⁴ и потому настаивал, что родственники тех, кто преодолел пагубную зависимость, должны быть готовы «жертвовать» своих сыновей, братьев, мужей «для блага сикхской общины». Развивая эту идею, он попытался создать военизированную организацию – Анандпурскую армию халсы (*Anandpur Khalsa Fauj, AKF*), рекрутируя в неё тех, кому удалось вылечиться в организованном им реабилитационном центре, но особого успеха в этом проекте добиться не смог.

Как бы то ни было, слова новоявленного «Бхиндранвале» впечатляли большую часть панджабской аудитории, поскольку он обладал хорошими ораторскими способностями и его речи звучали весьма убедительно – настолько, что осенью 2022 г. индийские власти заблокировали его Твиттер-аккаунт за откровенно прохалистанские публикации, затем убрали страницы в других соцсетях, а с февраля 2023 г. стали принимать более жесткие меры в отношении возмутителя спокойствия и его ближайшего окружения.

После нападения сотни сторонников Сандху на полицейский участок с требованием освободить ближайшего сподвижника, арестованного ранее, в феврале 2023 г., власти штата возбудили против

¹³ Тем самым он оппонировал лидерам правящей в Индии проиндусской Бхаратия джаната парти (БДП), которые говорили об исключительной роли индуизма в истории индийской цивилизации (*прим. авт.*).

¹⁴ <https://indiatoday.in/india-today-insight/story/the-radical-rise-of-amritpal-singh-sandhu-2349243-2023-03-20> (accessed 28.06.2023)

Сандху уголовное дело и попытались арестовать его в соответствии с законом о национальной безопасности (*National Security Act*). Но быстро нейтрализовать Амритпала Сингха не удавалось; он оставался в розыске в течение несколько недель. История его поиска и безуспешных действий панджабской полиции оставалась одним из главных сюжетов на индийских новостных каналах в марте–апреле 2023 г. Этот «сериал» внимательно смотрели не только жители Индии, но и панджабцы по всему миру, реагируя протестными акциями, которые одновременно носили прохалистанский характер.

К концу марта 2023 г. арест А.Сандху стал для панджабских властей принципиальным вопросом: «неуловимость» превратила его в супермедийную персону, и любое упоминание о Сандху в СМИ усиливало напряженность в штате, провоцируя столкновения его сторонников и противников. Поэтому на финальном этапе операции спецслужбы пошли на крайние меры, включая полную блокировку Интернета по всему Панджабу на несколько дней.

23 апреля 2023 г. «Бхиндранвале 2.0» был арестован и вместе с ближайшими сподвижниками посажен в тюрьму Дибругарха (штат Ассам) – подальше от Панджаба. В Пятиречье наконец наступило относительное спокойствие, а аналитики стали выстраивать логические конструкции, пытаясь разобраться с «феноменом Сандху».

КОМУ НУЖНА НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ПАНДЖАБЕ?

Появление «современной аватары» Бхиндранвале вызывает массу вопросов, большинство которых пока что остается без ответов.

Кто стоит за Амритпалом Сингхом Сандху, и чем объясняется столь внезапный взлет его популярности в индийской части Пятиречья? Заслан ли он извне (и если да, то кем?) или взращен в Индии силами, нацеленными на дальнейшую «поляризацию нации»? В состоянии ли он возродить сепаратистское движение за создание Халистана? Какую роль в этой истории играет социальная сторона вопроса: может ли Сандху выступать от имени людей, доведенных до отчаяния нерешенными проблемами Панджаба, которые, прежде всего, связаны с индустрией интоксикантов, убивающих молодежь при попустительстве местных, а возможно, и федеральных властей? Каково значение сикхской диаспоры в рассматриваемом сюжете – с учетом того, что Сандху сам долгое время жил в ней?

В более широком смысле ключевым является вопрос о том, кто заинтересован в дестабилизации Панджаба – стратегически важного штата Республики Индия.

Развитие событий в Панджабе указывало на то, что Сандху явно не был «волком-одиночкой», вернувшимся с Ближнего Востока в Индию, чтобы бороться за идею Халистана на индийской земле – его действия явно были профессионально подготовлены и детально срежиссированы. Однако большинство экспертов по Панджабу отрицает непосредственную роль диаспоры в проекте «Бхиндранвале 2.0», полагая, что при всей одержимости идеей Халистана, соответствующие группировки всё же неспособны планировать подобные акции до мелочей. Поэтому одним из возможных заказчиков эксперты (прежде всего, индийские) называют вышеупомянутые пакистанские разведывательные структуры, аргументируя эти соображения тем, что пакистанский след в панджабском кризисе 1980-х гг. также был весьма заметен¹⁵.

Вторая популярная версия сводится к тому, что А.Сандху можно рассматривать как креатуру находящейся у власти в Индии с 2014 г. Бхаратия джаната парти (БДП), которая заинтересована в демонстрации «неэффективности» управления в тех административно-территориальных единицах, где на местных выборах победу одерживают её политические конкуренты. Именно такая оппозиционная БДП партия – Ам адми парти (ААП – Партия простого человека) – победила в 2022 г. на выборах в законодательное собрание Панджаба, и потому дестабилизация остановки могла бы дать БДП возможность под предлогом защиты национальных интересов ввести президентское правление.

Как бы то ни было, события последних лет, связанные с обсуждением идеи Халистана, показывают, что, как и в 1980-х гг., панджабское общество представляет собой взрывоопасную среду: продвижение любых идей, обосновывающих возврат к «великому сикхскому прошлому» и «истинному» сикхизму, попадает на эмоционально благодатную почву, где всячески приветствуется «территоризация» сикхизма.

¹⁵ Исследование роли пакистанской межведомственной разведки (*Inter-Services Intelligence, ISI*), как и иных, в т.ч. западных спецслужб, в халистанском вопросе выносится за рамки настоящей статьи.

На это накладывается комплекс современных социальных проблем, во многом связанный с сомнительными возможностями и свободами, в т.ч. с употреблением интоксикантов значительной частью панджабцев. Поэтому призывы к исходному сикхизму с его чистотой нравов и помыслов воспринимаются крайне позитивно родственниками «проблемной» части населения. В то же время трудолюбивым и всегда нацеленным на предпринимательство панджабцам повторение кризиса 1980–1990-х гг. совершенно невыгодно – прежде всего, с экономической точки зрения. Это же касается и большей части диаспоры, которая представляет собой мощнейший бизнес-канал для развития экономики Панджаба.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С общеиндийской точки зрения всё происходящее в Пятиречье крайне важно как для контроля внутривнутриполитической ситуации, так и для обеспечения безопасности страны. Штат имеет протяженную границу с Пакистаном – главным антагонистом Индии, и потому вопросы контроля этой части внешнего контура страны имеют стратегическое значение. Поэтому, с одной стороны, центральное правительство заинтересовано в том, чтобы «усмирять» непокорные (т.е. не находящиеся под политическим контролем БДП) штатовские администрации, а с другой – не провоцировать приграничные штаты на резкие действия, которые могут быть направлены против центра. Следовательно, вопрос заинтересованности Нью-Дели в появлении «нового Бхиндранвале» и в эскалации панджабского кризиса также следует поставить под сомнение.

Выше уже отмечалось, что не следует преувеличивать значимость действий прохалистанских группировок в диаспоре. Однако известно, что в принимающих странах были и остаются иные силы, которые заинтересованы в поддержке радикально настроенной части индийской диаспоры и использовании её возможностей для прощупывания и потенциального расшатывания ситуации в Индии. Такие прецеденты возникали во времена панджабского кризиса 1980-х гг., когда страна была лидером Движения неприсоединения, проводила самостоятельную внешнеполитическую линию и успешно развивала отношения с СССР.

В наши дни активация панджабской/халистанской тематики также вполне может быть полезна тем, кому не по душе современная независимая позиция Индии как во внутренней, так и во внешней политике. Использование медийных возможностей неформальных референдумов и иных способов агитации за создание Халистана, а также превращение внешнего «нарратива» во внутренний путем внедрения в Пятиречье собственных агентов влияния позволяет поддерживать идею сецессии и, в частности, панджабский фактор в «горячем» состоянии и при необходимости задействовать его. Эти возможности приобретают особое значение в преддверии 40-й годовщины (2024 г.) печально известной операции «Голубая звезда».

Но насколько они окажутся востребованными, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Singh Kh. A History of the Sikhs. Vol. II: 1839–2004. New Delhi, 2008 (7th impression). P. 250.
2. Oberoi H.S. From Punjab to “Khalistan”: Territoriality and Metacommentary. *Pacific Affairs*. 1987. Vol. 60(1). P. 37.
3. Бочковская А.В. Шестой сикхский трон: быть или не быть? *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 6. С. 57–61. DOI: 10.31857/S032150750015269-7
Bochkovskaya A.V. 2021. The Sixth Takht: To Be or Not to Be? *Asia and Africa today*. № 6. Pp. 57–61. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015269-7
4. Oberoi H. The Construction of Religious Boundaries. Culture, Identity and Diversity in the Sikh Tradition. Delhi, 1994. Pp. 1–19.
5. Бельский А.Г., Фурман Д.Е. Сикхи и индусы: религия, политика, терроризм. М.: 1992.
Belskiy A.G., Furman D.E. 1992. Sikhs and Hindus: Religion, Politics, Terrorism. Moscow. (In Russ.)
6. Kaur Takhar O., Jakobsh D.R. (eds.). *Global Sikhs: Histories, Practices and Identities*. London, 2023.
7. Singh P., Singh Mandair A.-P. (eds.). *The Sikh World*. London, 2023.
8. Thandi S.S. Sikh Migration, Diasporas and Transnational Practices. *Oxford Handbook on Sikh Studies*. Ed. by Singh P., Fenech L.E. Oxford: 2014. Pp. 545–559.
9. Jacobsen K.A., Myrvold K. (eds.) *Sikh in Europe: Migrations, Identities and Representations*. Farnham, 2011.
10. Brar K.S. *Operation Blue Star: The True Story*. New Delhi, 2010.

11. Fair C.Ch. The Golden Temple: A Tale of Two Sieges. Fair C.Ch., Ganguly S. (eds.). *Treading on Hallowed Ground: Counterinsurgency Operations in Sacred Spaces*. Oxford, 2008. Pp. 37–65.
12. Fair C.Ch. Diaspora Involvement in Insurgencies: Insights from the Khalistan and Tamil Eelam Movements. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 11 (1), 2005. Pp. 134–137.
13. Tatla D.S. *The Sikh Diaspora: The Search for Statehood*. London, 1999.
14. Бочковская А.В. Истинные и ложные ниранкари: особенности взаимоотношений с сикхской общиной. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. № 1, 2005. С. 30–46.
Bochkovskaya A.V. 2015. “True” and “Fake” Nirankaris: Specifics of Interaction with the Sikh Community. *Moscow University Newsletter. Series 13. Oriental Studies*. Vol. 1, Pp. 30–46. (In Russ.)
15. Anderson S.K., Sloan S. *Historical Dictionary of Terrorism*. Third Edition. Lanham, Toronto, Plymouth, 2009. P. 628.
16. Brar K.S. Sikh extremists merge parties, bring end to unsuccessful stint in electoral politics. *The Indian Express*, 2015. 18 September.
17. Kurien P. Shifting U.S. Racial and Ethnic Identities and Sikh American Activism. *RSF: The Russel Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2018. Vol. 4 (5). P. 83.
18. Sharma Sh. What is the Khalistan referendum, and why is India so concerned about what’s happening in Canada? *Independent*. 2022. 23 September.
19. Bochkovskaya A. The Kartarpur Pilgrimage Corridor: Negotiating the ‘Line of Mutual Hatred’. *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*. 2021. Vol. 9 (2), #5.
20. Sehgal M. Khalistani Outfit SFJ Wants Greater Khalistan with Headquarters in Pakistan’s Lahore. *India Today*. 2020. January 30.
21. Tarafdar B. Amritpal Singh or the New Avatar of Bhindranwale in Punjab. <https://wbahumatrik.com/opinion/news/106073> (accessed 30.06.2023)
22. Khan N. Punjab: Three Million People Addicted to Drugs. *The Siasat Daily*. 2022. 17 December.
23. Бочковская А.В. Нанак-шах-факир: о конструировании запретов в современном сикхизме. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 11. С. 43–48. DOI: 10.31857/S032150750007465-3
Bochkovskaya A.V. 2019. Nanak Shah Fakir: On the Construction of Taboos in Contemporary Sikhism. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 43–48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007465-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бочковская Анна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Anna V. Bochkovskaya, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 07.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.10.2023

Частный бизнес в экономике КНР после XX съезда КПК

© Чуванкова В.В.^a, 2023

^a Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6851-1753; vchuvankova@yandex.ru

Резюме. Согласно решению XX съезда КПК (октябрь 2022 г.), поддержка частного сектора экономики в целом, а также микро-, малых, средних и индивидуальных предприятий, в частности, углубление институциональной реформы в предпринимательской деятельности становятся важнейшими факторами в продвижении китайской модернизации и обеспечении качественного развития.

Дана оценка вклада частного и индивидуально секторов в социально-экономическое и инновационное развитие Китая. Рассмотрены документы и меры нормативно-правового и экономического обеспечения поддержки и стимулирования частного бизнеса, в т.ч. в области НИОКР, повышения инновационного и квалификационного уровня малых и средних предприятий, создания благоприятной политической, финансовой и конкурентной среды для предприятий всех форм собственности. Особое внимание уделено плану проведения партийно-государственных институциональных реформ с целью усиления партийного и правительственного руководства наукой и инновациями.

Ключевые слова: XX съезд КПК, частный и индивидуальный бизнес, МСП, инновации и модернизация

Для цитирования: Чуванкова В.В. Частный бизнес в экономике КНР после XX съезда КПК. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 41–47. DOI: 10.31857/S032150750028625-9

Private Business in the Chinese Economy after the 20th Congress of the CPC

© Valentina V. Chuvankova^a, 2023

^a Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6851-1753; vchuvankova@yandex.ru

Abstract. After the decisions of the 20th CPC Congress, support for the private sector of the economy as a whole, as well as micro, small, medium and individual enterprises in particular, deepening the institutional reform in entrepreneurship are becoming the most important factors in promoting Chinese modernization and ensuring quality development.

The article assesses the contribution of the private and individual sectors to the socio-economic and innovative development of China. Specific documents and measures of regulatory and economic support and stimulation of private business, including in R&D, improving the innovation and qualification level of small and medium-sized enterprises, creating a favorable political, financial and competitive environment for enterprises of all forms of ownership, are considered. Special attention is given to the plan for carrying out party-state institutional reforms in order to strengthen party and government leadership in science and innovation in accordance with the requirements of high-quality development and modernization of the economy in the “new era”.

Keywords: 20th Congress of the CPC, private and individual business, SMEs, innovation and modernization

For citation: Chuvankova V.V. Private Business in the Chinese Economy after the 20th Congress of the CPC. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 41–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028625-9

ВВЕДЕНИЕ

После XVIII съезда КПК (2012 г.) особое внимание в Китае уделяется оптимизации бизнес-среды для частного сектора в целом и конкретно – для микро-, малого, среднего и индивидуального предпринимательства, чтобы в полной мере использовать возможности частного бизнеса в процессе «всестороннего строительства модернизированного социалистического государства» к середине XXI в. Этот

период совпал с переходом китайской экономики к стратегии «новой нормальности», когда в силу объективных внутренних и внешних причин существенным образом снизились темпы роста экономики и начался активный переход от экстенсивного типа развития к интенсивному.

Новые требования заставили Китай в развитии экономики сделать акцент на повышение качества и эффективности, основываясь на высоких технологиях, передовых стандартах и национальных брендах, перейти от стратегии «Сделано в Китае – 2025» к стратегии «Создано Китаем – 2030», чтобы к середине столетия встать на один уровень с развитыми странами по научно-техническому, интеллектуальному и информационному уровню (подробнее см.: [1]). Частный сектор становится важнейшей составляющей в продвижении китайской модернизации, источником новаторства в науке и технологиях, обеспечении технического суверенитета.

В официальных документах XX съезда КПК (октябрь 2022 г.) и 1-й сессии ВСНП 14-го созыва (март 2023 г.) особо подчеркивалось, что в вопросе развития частного сектора Китай будет продолжать строго соблюдать принцип «двух непоколебимых» (кит. «两个毫不动摇»), а именно – неуклонно укреплять и развивать общественный сектор экономики и неуклонно поощрять, поддерживать и направлять развитие частных предприятий, содействовать развитию средних, малых и микропредприятий, индивидуального бизнеса¹. Иными словами, выстраивать тесные и прозрачные отношения между властью и бизнесом, чтобы создать благоприятные условия для совместного развития предприятий всех форм собственности на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, с помощью эффективных мер стабилизировать рыночные ожидания и повышать уверенность субъектов рынка [3; 4; 5].

Сосредоточиваясь на высококачественном инновационном развитии, Китай делает ставку на не крупный частный бизнес – микро-, малые и средние предприятия (ММСП), индивидуальное предпринимательство, поскольку именно там создается больше всего инновационной продукции, изобретений и технологических новинок и осуществляется их коммерциализация.

НАИБОЛЕЕ ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩАЯСЯ ЧАСТЬ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время частное предпринимательство является движущей силой экономического роста Китая. Частные предприятия составляют более 90% субъектов рынка, на них приходится более 52% общего числа занятых в стране. Они обеспечивают более 60% ВВП², более 50% налоговых поступлений, более 60% общего объема инвестиций в основные фонды (без учета крестьянских дворов), более 50% объема внешнеторгового оборота, более 70% технологических инноваций и более 80% рабочих мест в городах [7; 8].

Быстро набирающий силу научно-технологический комплекс Китая делает страну одним из мировых лидеров в области науки, технологий, развития ключевых высокотехнологичных отраслей и становится основой для модернизации китайской экономики. Частные предприятия, малый и средний бизнес играют в этом процессе основополагающую роль. На долю малого и среднего бизнеса приходится 65% патентов, 75% технических новшеств и более 80% годового выпуска новой продукции (подробнее см.: [9]).

Согласно статистике, количество частных предприятий в Китае возросло с 10,86 млн в 2012 г. до 50,93 млн к середине 2023 г., увеличившись за 10,5 лет в 4,7 раза³. Среди специализированных инновационных малых и средних предприятий (МСП) национального уровня доля частных предприятий составляла более 80%, а число зарегистрированных на бирже – превысило 3 тыс.⁴ В качестве индивидуальных предприятий к середине 2023 г. регистрацию прошли 119 млн хозяйств (в 2012 г. их насчитыва-

¹ Впервые заявление о приверженности концепции «двух непоколебимых» было сделано на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) (подробнее см.: [2]).

² Удельный вес основных участников рынка в ВВП распределяется следующим образом: частные предприятия – 65%, государственные – 25%, предприятия, основанные на иностранном капитале, – 10% (см.: [6]).

³ Govt aims to bolster private firms' confidence. *China Daily*, July 12, 2023. http://www.china.org.cn/business/2023-07/12/content_91997583.htm (accessed 12.07.2023)

⁴ *Жэньминь жибао – онлайн*. 02.03.2023. <http://www.russian.people.com.cn/n3/2023/0302/c31518-10215060.html> (accessed 02.03.2023)

лось 40,59 млн), на которых было занято свыше 300 млн человек⁵. Почти 90% из них функционировали в сфере услуг, а более 30% занимались новыми видами интернет экономики, такими как онлайн-трансляции и электронная коммерция⁶.

ВАЖНЫЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Чтобы увеличить научно-технический потенциал страны, особое внимание в Китае уделяют повышению инновационного уровня частных предприятий, подавляющую часть которых составляют средние, малые и микропредприятия.

С этой целью Госсовет КНР и Министерство промышленности и информационных технологий (МПИТ) издали ряд документов, направленных на избирательное выращивание высокотехнологичных инновационных МСП, повышение степени их специализации и конкурентоспособности, в т.ч. «14-й пятилетний план содействия развитию малых и средних предприятий» (01.04.2022), «Временные меры по содействию развитию специализированных промышленных кластеров малых и средних предприятий» (13.09.2022) и др. (подробнее см.: [10]).

Согласно документам, качественные МСП делятся на 3 группы: «инновационные» МСП, т.н. «специализированные, специальные и новые» МСП, а также «специализированные, специальные и новые “маленькие гиганты”», которые различаются по уровню специализации, инновационных способностей, научно-технологического потенциала, конкурентоспособности, роли в основных отраслях промышленности и ключевых звеньях производственных цепочек и ранжированы по возрастающей – от находящихся на ранней стадии развития к МСП более высокого инновационного уровня.

Китай наметил к концу 2025 г. увеличить число МСП инновационного типа до 1 млн; количество «специализированных, оригинальных и новых» МСП – до 100 тыс.; МСП, идентифицированных как «специализированные, оригинальные и новые “маленькие гиганты”» – до 10 тыс., а также создать 200 промышленных кластеров МСП и 10 зон сотрудничества китайских и иностранных МСП [11].

Чтобы получить сертификат на присвоение качественным МСП одной из 3 указанных категорий, предприятию надлежало пройти процедуру квалификационной оценки способности к инновациям в соответствии с нормативами, установленными документом «Временные меры по градиентному выращиванию и управлению высококачественными малыми и средними предприятиями» (01.06.2022), учитывающей по 100-бальной системе специализацию предприятия, потенциал роста, размеры общих операционных доходов и доли в них расходов на НИОКР, владение независимыми брендами и патентами на изобретения и др. [12].

На 1-й сессии ВСНП 14-го созыва отмечалось, что особое место в градиентной политике Китая занимает выращивание при активной административной и финансовой поддержке государства высококачественных МСП – «маленьких гигантов», чтобы сделать их лидерами в сфере научно-технических инноваций и образцами для подражания [4].

Согласно опубликованному Министерством промышленности и информационных технологий «Отчету о развитии специализированных, специальных и новых предприятий в 2022 г.», с момента запуска программы по выращиванию «маленьких гигантов» в 2018 г. было сертифицировано 155 таких предприятий, в 2019 г. – 1584, в 2020 г. – 2930, в 2021 г. – 4328 предприятий. В 2022 г. сертификацию прошли 8997 «маленьких гигантов» – технологически передовых МСП национального уровня, увеличив их численность за год в 2 с лишним раза [13]. К середине 2023 г. их количество достигло 12 тыс. и превысило плановый показатель на 2025 г. Каждое из них в среднем владело 17 патентами на изобретения⁷.

Эти представители «новой элиты» действуют в основных отраслях промышленности и ключевых звеньях производственных цепочек, обладают уникальными инновационными возможностями и высокой конкурентоспособностью на внутреннем и международном рынках, владеют новыми технологиями

⁵ Number of individual businesses top 119 mln in China. *Xinhua*, July 13, 2023. http://www.china.org.cn/business/2023-07/13/content_92128297.htm (accessed 13.07.2023)

⁶ China pledges further efforts to support self-employed businesses. *Xinhua*. 01.11.2022. http://www.china.org.cn/business/2022-11/01/content_78496697.htm (accessed 01.11.2022)

⁷ Китайская экономика в I полугодии 2023 г. Жэньминь жибао – онлайн. 29.08.2023. <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0829/c31518-20065041.html> (accessed 29.08.2022)

и патентными преимуществами, стимулируют обрабатывающую промышленность Китая к развитию на более высоком интеллектуальном и экологическом уровне.

ПРАВОВАЯ СРЕДА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В последние 5 лет правительство Китая усилило внимание к нормативно-правовому обслуживанию частного сектора и разработке специальных документов, направленных на решение экономических и институциональных проблем, с которыми сталкивается бизнес на новом этапе модернизации страны. Среди них следует выделить: «Руководящие мнения по содействию здоровому развитию малых и средних предприятий» (07.04.2019), «Положение об обеспечении осуществления платежей малым и средним предприятиям» (01.07.2020), «Руководство Госсовета КНР по вопросам внедрения системы сертификации и лицензирования предпринимательской деятельности» (ноябрь 2020 г.), «Уведомление Госсовета КНР о дальнейшем усилении поддержки и помощи малым и средним предприятиям» (23.11.2021) и др.

В январе 2021 г. был впервые введен в действие Гражданский кодекс Китая, заложивший прочную основу верховенства закона в частной экономике. Реализация изданных документов стала гарантией защиты прав и интересов частного предпринимательства, обеспечения поддержки и оптимизации деловой среды, программой экономического стимулирования и управления бизнесом на местах (подробнее см: [14]).

Накануне и после XX съезда эта работа активизировалась с усилением акцента на адресной и точечной поддержке малых, средних, микро- и индивидуальных предприятий, чтобы привести их деятельность в соответствие с новыми задачами высококачественного развития, помочь обеспечить устойчивый рост и преодолеть трудности, с которыми они по-прежнему сталкиваются (недостаточное финансирование, налоговое бремя, рост стоимости сырья, рабочей силы, землепользования, аренды помещений, сокращение рыночного спроса и др.).

Чтобы создать более качественную среду для развития частных предприятий и внедрения инноваций, Госсовет КНР издал, например, такие документы, как «Руководство по содействию цифровой трансформации средних и малых предприятий» (09.11.2022), «Несколько мер, чтобы помочь микро-, малым и средним предприятиям стабилизировать рост, скорректировать структуру и повысить конкурентоспособность» или «15 мер» (11.01.2023), в которых был разработан механизм взаимодействия государства и бизнеса в новых условиях, развернута кампания по массовому сокращению, отсрочке, полному или частичному освобождению от уплаты налогов и сборов, возврату налоговых вычетов, льготному кредитованию и предоставлению других преференций для предприятий и отраслей, испытывающих трудности.

Для более эффективной поддержки индивидуальных предпринимателей, которые больше всего пострадали от последствий эпидемии *COVID-19* и других проблем, Госсовет КНР издал обновленное «Положение о содействии развитию индивидуальных промышленных и торговых предприятий» (26.09.2022), вступившее в силу 1 ноября 2022 г. вместо действовавшего с 1 ноября 2011 г. [15]. В «Положении» подчеркивалась необходимость поощрять, поддерживать и направлять развитие индивидуальной экономики в новых условиях, защищать законные права и интересы отдельных промышленных и торговых хозяйств, развивать предпринимательскую и инновационную активность, способствовать росту экономического потенциала и структурной перестройке индивидуальных предприятий, преобразовывая их в товарищества или компании с ограниченной ответственностью.

Документ заложил прочную основу для создания системы качественного обслуживания индивидуальных предпринимателей путем упрощения порядка регистрации субъектов рынка; введения льготного финансово-кредитного и налогового режима; организации государственных платформ информационных услуг, закупок, торгов и тендеров, равного доступа к рынку; ускорения цифрового развития; профессиональной подготовки и обучения предпринимательству выпускников колледжей, вузов и безработной молодежи. Ответственность за реализацию этих установок с учетом местных особенностей возлагалась на соответствующие государственные ведомства и правительства всех уровней.

На 1-й сессии ВСНП 14-го созыва был поднят вопрос о необходимости разработки «Закона КНР о содействии здоровому развитию частных предприятий», чтобы более эффективно использовать част-

ный капитал для обеспечения высококачественного социально-экономического развития. До сих пор такого закона не издавалось. Порядок функционирования частных предприятий устанавливался в общих документах: Закон КНР о компаниях (1993), Закон КНР о товариществах (1997), Закон КНР о предприятии физического лица на собственном капитале (1999), Закон КНР о содействии развитию малых и средних предприятий (2002), Закон о вещных правах (2007) и др.⁸

В целях борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией, усиления партийного контроля незаконной предпринимательской деятельности высокопоставленных чиновников и их близких родственников Главное управление ЦК КПК издало «Положение о регулировании предпринимательской деятельности, ведущейся близкими родственниками руководящих кадров – супругами, детьми и их супругами» (19.06.2022) [16]. Документ ужесточил порядок контроля предпринимательской деятельности родственников руководящих кадров разных уровней и категорий, противоречащей общественным интересам, и меры дисциплинарной ответственности за нарушение установленных правил, а также установил порядок предоставления ежегодной отчетности кадровых работников о коммерческо-предпринимательской деятельности своих родственников⁹.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ И ИННОВАЦИЯМИ

Углубление институциональной реформы в предпринимательской и научно-технической деятельности после принятия решений XX съезда КПК потребовало проведения реформирования партийных и государственных органов управления наукой и инновациями, чтобы создать новую систему мобилизации ресурсов государства и частного бизнеса для высококачественного развития, облегчить коммерциализацию научных результатов и инновационной продукции. С этой целью в марте 2023 г. ЦК КПК и Госсовет КНР обнародовали «План партийно-государственных институциональных реформ» и «Уведомление», требующее от всех регионов и ведомств добросовестно выполнять этот план с учетом реальных условий на местах. Согласно плану, центральные органы власти должны завершить реформу к концу 2023 г., а местные власти – к концу 2024 г. [17].

Для усиления партийного руководства работой в сфере науки и техники намечено создать при ЦК КПК Центральную комиссию по науке и технике. В её функции войдет создание национальной инновационной системы, изучение и обсуждение основных стратегий, планов и политики научно-технического развития страны, а также координация усилий по решению основных вопросов стратегического и фундаментального значения в научно-технической сфере. Для укрепления централизованного руководства в финансовой сфере намечено создать Центральную комиссию по финансово-экономическим вопросам, которая будет разрабатывать основные направления политики в финансово-экономическом секторе, совершенствовать систему управления государственными финансами и инвестициями.

Кроме того, при ЦК КПК предполагается создать Отдел по социальной работе с населением, который будет координировать работу по рассмотрению жалоб и сбору мнений граждан, а также налаживать работу по партийному строительству на предприятиях частной и смешанных форм собственности, в хозяйственных и общественных организациях нового типа, среди групп населения в новых сферах занятости. Партийные комитеты на провинциальном, городском и уездном уровнях должны создавать аналогичные Отделы.

В «Плане» также намечена реформа институтов Госсовета КНР, в частности, реорганизация отдельных профильных министерств и усиление роли отраслевых ведомств. После реструктуризации новое Министерство науки и техники будет играть важную роль в макроуправлении научно-техническим сектором страны, эффективнее координировать научные и технологические ресурсы для решения фундаментальных задач инновационного развития. Министерство промышленности и информационных тех-

⁸ Впервые нормативные акты, касающиеся частных предприятий, были изданы в июне 1988 г. после легализации частного сектора на XIII съезде КПК (1987) – «Временное положение о частном предприятии КНР» и «Временное положение о взимании подоходного налога с частных предприятий в КНР» (Жэньминь жибао. 29.06.1988).

⁹ Первые документы, направленные на пресечение предпринимательской деятельности партийных и правительственных организаций и высокопоставленных кадровых работников, появились еще в начале реформенных преобразований в Китае (декабрь 1984 г., декабрь 1985 г., 1986 г.). В феврале 2010 г. внесены изменения и дополнения в изданные ЦК КПК в марте 1997 г. «Руководящие принципы добросовестности в политических вопросах», ужесточающие контроль предпринимательской деятельности членов партии, руководящих кадров и членов их семей на уровне уезда и выше, и др. (прим. авт.).

нологий возьмет на себя разработку политики роста и модернизации высокотехнологических отраслей, будет направлять строительство научных и технологических парков, зон высокотехнологического промышленного развития, технологических услуг и технологических рынков.

Кроме того, Госсовет КНР намерен усовершенствовать систему управления государственным финансовым капиталом, создав в качестве нового финансового регулятора Главное государственное управление по регулированию финансовой деятельности. Непосредственно Госсовету будут подчиняться Главное государственное управление по регулированию рыночной деятельности, Народный банк Китая, Комиссия по регулированию рынка ценных бумаг, Государственное управление по делам интеллектуальной собственности и ряд других ведомств. Реформированию также подлежат органы финансового регулирования на местах и местные отделения Народного банка Китая [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После принятия решений XX съезда КПК создание в стране благоприятной политической, экономической и институциональной среды для ускоренного высококачественного развития частного предпринимательства во всех его многообразных формах с упором на мелкий, средний и индивидуальный бизнес, оптимизация инновационной активности становятся приоритетными направлениями деятельности китайского руководства на новом этапе развития.

Выступая на пресс-конференции 13 марта 2023 г., вновь избранный премьер Госсовета КНР Ли Цян еще раз подтвердил, что частный сектор является важной составляющей экономической системы Китая. В вопросе развития частного сектора Китай занимает твердую и непоколебимую позицию, которая не менялась в прошлом и не изменится в будущем.

Правительство Китая намерено продолжать содействовать здоровому развитию частных предприятий, обеспечивать равное отношение к субъектам рынка в области предоставления материальных ресурсов, финансовых и налоговых преференций, государственных закупок и услуг, сосредоточиться на преодолении хозяйственных трудностей микро-, малого и среднего бизнеса, поддерживать создание государственной платформы технического, профессионального и консультационного обслуживания инновационных предприятий, улучшать институциональные механизмы регулирования частного предпринимательства [4; 5].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Заклязьминская Е.О. Стратегическое планирование ключевых направлений науки и техники Китая в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.). *Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.)*. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 29–34. DOI: 10.48647/ISSA.2022.96.13.002
Zaklyazminskaya E.O. 2022. Strategic planning of key areas of science and technology in China in the 14th five-year plan (2021–2025). *New Horizons of China's Economy in the 14th Five-year Plan (2021–2025)*. Moscow. Pp. 29–34. (In Russ.). DOI: 10.48647/ISSA.2022.96.13.002
2. Бони Л.Д. Основная экономическая система социализма и рынка в Китае. *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 22–40. DOI: 10.31857/S013128120021164-1
Boni L.D. 2022. The main economic system of socialism and the market in China. *Far Eastern Studies*. № 4. Pp. 22–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013128120021164-1
3. Xi Jinping. Report at the 20th National Congress of the Communist Party of China (October 16, 2022). *People's Daily*. 26.10.2022. (In Chin.). http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2022-10/26/nw.D110000renmrb_20221026_3-01.htm (accessed 26.10.2022)
4. Report on the work of the Government. *People's Daily*. 15.03.2023. (In Chin.). http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2023-03/15/nw.D110000renmrb_20230315_7-01.htm (accessed 15.03.2023)
5. Report on the implementation of the 2022 National Economic and Social Development Plan and the 2023 Draft National Economic and Social Development Plan. *People's Daily*. 16.03.2023. (In Chin.). http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2023-03/16/nbs.D110000renmrb_05.htm (accessed 16.03.2023)
6. Chen Yongjie. Private economic development and Chinese-style modernization: “Five, six, seven, eight, nine”, take it to the next level. *Economic Observer*, 14.01.2023. (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1754960747771266864&wfr=spider&for=pc> (accessed 26.03.2023)
7. China ramps up support for private businesses. *Beijing Review*, February 23, 2023. http://www.china.org.cn/business/2023-02/23/content_85123631.htm (accessed 23.02.2023)

8. Robert Kuhn. Private business of great significance in achieving common prosperity. <http://www.ecns.cn/news/cns-wire/2023-03-13/detail-ihcmpfii8992905.shtml> (accessed 15.03.2023)
9. Климова Н.В., Глущенко О.С. Инновационное предпринимательство в Китае. *Фундаментальные исследования*. 2018. № 10. С. 74–78. <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42283> (accessed 19.07.2022)
Klimova N.V., Glushchenko O.S. 2018. Innovative entrepreneurship in China. *Fundamental researches*. № 10. Pp. 74–78. (In Russ.). <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42283> (accessed 19.07.2022)
10. Чуванкова В.В. «14-й пятилетний план содействия развитию малых и средних предприятий» (2021–2025) в КНР: инновационная составляющая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 6. С. 140–152. DOI: 10.31857/S013128120023006-7
Chuvankova V.V. 2022. “The 14th five-year plan for promoting the development of small and medium-sized enterprises” (2021–2025) in China: an innovative component. *Far Eastern Studies*. № 6. Pp. 140–152. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013128120023006-7
11. “14th Five-Year Plan to Promote the Development of Small and Medium-Sized Enterprises”. Comprehensive service docking platform for small and medium-sized enterprises in Shanxi Province. 01.04.2022. (In Chin.). <http://www.sxsme.com/xzxc/46866.jhtml> (accessed 02.06.2022)
12. “Specialized, special and new” certification standard! The three levels are interconnected and together form a gradient cultivation system. Release time: 16.09.2022. Shanghai Zhongshen Consulting official account. (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1744087319947085362&wfr=spider&for=pc>. (accessed 10.03.2023)
13. Compilation of achievements of national specialized and new small and medium-sized enterprises in 2022. 27.09.2022. Beijing. (In Chin.). https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5OTEyMTc1MA==&mid=2652656738&idx=1&sn=b4eef8afb8cf084f067dfb3248b53e&chksm=bd28b25b8a5f3b4deaf34ed99ec2ad67d14e1658864694ea45cb7e7b867605f1db6a676f8a61&scene=27 (accessed 05.02.2023)
14. Чуванкова В.В. Китай наращивает поддержку малого и среднего бизнеса на завершающем этапе 13-й пятилетки. Социально-экономические итоги выполнения 13-й пятилетки КНР (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.). М.: ИДВ РАН, 2021. С. 94–100.
Chuvankova V.V. 2021. China is increasing support for small and medium-sized businesses at the final stage of the 13th Five-Year Plan. Socio-economic results of the implementation of the 13th Five-Year Plan of the PRC (2016–2020) and the tasks of the 14th Five-Year Plan (2021–2025.). Moscow. Pp. 94–100. (In Russ.)
15. Regulations on promoting the development of individual industrial and commercial enterprises. Information source: *Xinhuanet*. 26.10.2022. (In Chin.). http://www.acfic.org.cn/zcsd/fgzc/zy/202210/t20221026_183823.html (accessed 13.11.2022)
16. The Central Office issued the “Regulations on Business Management of Leading Cadres’ Spouses, Children and Their Spouses” (19.06.2022). *People’s Daily*. 20.06.2022. (In Chin.). <http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0620/c64387-32450588.html> (accessed 26.10.2022)
17. The CPC Central Committee and the State Council issued the “Party and State Institution Reform Plan”. Information source: *Xinhua News Agency*. 16.03.2023. (In Chin.). <https://chinasmc.org.cn/html/mcms/shouye/xinwentongzhi/xinwendt/1636970040144928770.html> (accessed 27.04.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чуванкова Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Valentina V. Chuvankova, PhD (Economics), Leading Researcher, Center for Socio-Economic Research of China, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 22.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.10.2023

Иран и Саудовская Аравия: новая разрядка?

© Подрезов М.А.^а, 2023

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4385-2102; podrezovm@gmail.com

Резюме. Соглашения о восстановлении дипломатических отношений между Тегераном и Эр-Риядом, достигнутые в Пекине весной 2023 г., ознаменовали их отход от конфронтации в пользу урегулирования двусторонних споров при сохранении соперничества в регионе.

Основным фактором, побудившим Иран пойти на сближение с Саудовской Аравией, стали экономические трудности, с которыми страна сталкивается вследствие санкций, что сказывается в том числе на её возможностях поддерживать своих сторонников в регионе. В то же время Эр-Рияд, который с середины 2010-х гг. проводил активную политику по противостоянию ИРИ и её союзникам, не достиг поставленных целей. Создание антииранской коалиции в составе Израиля и ближневосточных суннитов оказалось невозможным. Мухаммед ибн Сальман стремится к воплощению в жизнь реформ *Vision-2030*, а также готовит почву к смене власти в Саудовской Аравии, для чего необходима стабильность внутри страны и за её пределами, что невозможно без достижения договоренностей с Тегераном.

Ключевые слова: Иран, Саудовская Аравия, восстановление отношений, суннитско-шиитское противостояние, Ближний Восток, международные отношения

Для цитирования: Подрезов М.А. Иран и Саудовская Аравия: новая разрядка? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 48–55. DOI: 10.31857/S032150750028626-0

Iran and Saudi Arabia: A New Détente?

© Mikhail A. Podrezov^а, 2023

^а Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4385-2102; podrezovm@gmail.com

Abstract. The agreements on restoring diplomatic relations between Tehran and Riyadh that were reached in Beijing in spring 2023 marked a shift in their interaction away from confrontation towards resolving bilateral disputes although the two countries remain rivals in the region. The main factor that stimulated Iran to move closer to Saudi Arabia was the economic difficulties in the country caused by sanctions, which affects, among other things, Iran's ability to support its allies in the region. At the same time, Riyadh, which had pursued an active policy to confront Iran and its supporters since the mid-2010s, has not achieved its goals. The anti-Iran coalition that would have included Israel and the Sunni states of the Middle East region has proven never to become a reality. Mohammed bin Salman seeks to implement the Vision-2030 reforms. He is also preparing a ground for a change of power in Saudi Arabia that requires internal and external stability of the country, which is impossible without reaching agreements with Tehran.

Keywords: Iran, Saudi Arabia, restoration of relations, Sunni-Shia confrontation, Middle East, international relations

For citation: Podrezov M.A. Iran and Saudi Arabia: A New Détente? *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 48–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028626-0

ВВЕДЕНИЕ

Отношения между Ираном и Саудовской Аравией, одними из ведущих государств на Ближнем Востоке, претендующими на региональное лидерство, сложно назвать исключительно добрососедскими в какой бы то ни было период истории двустороннего взаимодействия. Однако каждый кризис между Тегераном и Эр-Риядом сменялся потеплением, на смену которому приходила новая эскалация. В марте 2023 г. Иран и Саудовская Аравия достигли соглашения о восстановлении дипломатических отношений, что, кажется, ознаменовало новую фазу деэскалации после нескольких лет кризиса.

ИЗ ИСТОРИИ ИРАНО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Отношения между Ираном и Саудовской Аравией можно условно разделить на несколько этапов. До Исламской революции обе страны были проамериканскими авторитарными монархиями, поддерживавшими мирные двусторонние отношения. После падения династии Пехлеви и провозглашения Исламской Республики Иран в отношениях между Тегераном и Эр-Риядом наблюдается кризис, сменившийся некоторым сближением с 1990-х гг. до начала 2000-х. Но после падения режима Саддама Хусейна происходит постепенное охлаждение отношений между странами, переросшее в опосредованное противостояние ко второй половине 2010-х гг., которое было урегулировано достигнутыми в Пекине в марте 2023 г. соглашениями между Тегераном и Эр-Риядом о нормализации отношений.

В третьей четверти XX в. и Иран, и Саудовская Аравия придерживались проамериканского курса. В Иране в этот период действовал режим шаха Мохаммада Резы Пехлеви. Монарх во многом был обязан своей властью Вашингтону, участвовавшему в подготовке переворота 1953 г., в ходе которого был свергнут премьер-министр Мохаммад Мосаддык, пытавшийся ограничить власть шаха. В свою очередь, Саудовская Аравия остается после окончания Второй мировой войны наиболее значимым после Израиля союзником США на Ближнем Востоке.

В 1979 г. в Иране побеждает Исламская революция, упразднившая монархию и провозгласившая исламскую республику, и страна берет курс на «экспорт революции» и неприсоединение ни к капиталистическому, ни к коммунистическому лагерю (принцип «ни Восток, ни Запад»), что включало показательный антиамериканизм. Как следствие тесного сотрудничества КСА (Королевство Саудовская Аравия) с Вашингтоном и присутствия в Восточной провинции, где находятся основные нефтяные запасы королевства, значительного шиитского меньшинства, бывшего одним из объектов пропаганды «экспорта революции», отношения между Тегераном и Эр-Риядом серьезно ухудшились. Сказались и антимонархические взгляды первого руководителя Исламской Республики Иран (ИРИ) аятоллы Хомейни (1902–1989), считавшего, что власть должна находиться в руках у факиха, религиозного и светского лидера [1, с. 43]. По его мнению, династия Саудидов – «жители дворцов, выставляющие напоказ свои богатства и придерживающиеся антикоранического вероисповедания» [2, р. 132], власть которых априори не может быть легитимной.

Подобные идеи и перспектива распространения Исламской революции на другие страны региона не могли не остаться незамеченными руководством КСА. В частности, в ноябре 1979 г. в Эль-Катифе на востоке страны вспыхнуло фактически восстание шиитов, недовольных своим социально-экономическим положением. Их выступление, вскоре подавленное властями, хотя и имело давние предпосылки, было во многом спровоцировано событиями в Иране [3, р. 214]. Как результат, королевство поддержало Багдад в ирано-иракской войне 1980–1988 гг. и предоставило С.Хусейну помощь общей суммой \$27 млрд [4, с. 62].

В 1990-е гг. после смерти аятоллы Хомейни и вторжения Ирака в Кувейт произошло некоторое улучшение отношений между ИРИ и КСА. Страны восстановили в 1991 г. дипломатические отношения. В 1997 г. саммит Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Тегеране посетил наследный принц Абдалла, а в 1998 и 1999 гг. президент Мохаммад Хатами нанес визиты в КСА. Саудовская Аравия и Иран заключили ряд соглашений в сфере безопасности и в торгово-экономической и научно-технической областях. В 1991 г. глава МИД ИРИ Али Акбар Велаяти на встрече с королем Фахдом даже выступил с предложением о создании региональной структуры безопасности в составе Ирана и ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива) [5, с. 251].

Но после падения режима С.Хусейна в 2003 г. и прихода к власти в Ираке шиитов, что привело к укреплению позиций Ирана в регионе, Эр-Рияд начинает рассматривать Тегеран как своего основного соперника на Ближнем и Среднем Востоке, и его внешняя политика во многом формируется в связи с опасениями создания «шиитского полумесяца»¹ в составе Ирана, Ирака, Сирии и Ливана [6, с. 65–66].

Противостояние активизировалось со сменой руководства Саудовской Аравии, когда в 2015 г. на трон взошел король Сальман, при котором фактическую власть получил его сын Мухаммед, ставший в 2017 г. наследным принцем. В январе 2016 г. власти КСА казнили проповедника и защитника прав сау-

¹ Термин, впервые использованный в 2004 г. иорданским королем Абдаллой II (*прим. авт.*).

довских шиитов Нимра ан-Нимра, что спровоцировало нападение на дипмиссию королевства в Тегеране и привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами на 7 лет.

Эр-Рияд поддерживал ухудшение отношений Запада с Ираном [7]. Саудовское руководство приветствовало выход Д.Трампа из «ядерной сделки» в 2018 г.

Также яркими примерами противодействия Саудовской Аравии Ирану и его союзникам в этот период стали вооруженное участие королевства в гражданской войне в Йемене, противостоянии хуситам², поддержке официальных властей дружественных КСА стран, а также попытки сближения с Израилем.

Применив вооруженные силы за пределами собственной территории фактически впервые со времен отца-основателя современного саудовского государства, королевство отказалось от политики опосредованного влияния на йеменские события путем поддержки тех или иных сил. Но во многом вследствие военной операции Эр-Рияда Тегеран усилил поддержку хуситов, а королевство получило неожиданный отпор со стороны движения и не смогло выбить его формирования с занятых территорий³.

Арабо-израильское сближение, толчок которому должно было дать установление дипотношений Тель-Авива с ОАЭ и Бахрейном, не привело к нормализации отношений еврейского государства и Эр-Рияда. Перспектива создания арабо-израильской антииранской коалиции [8, с. 108] не воплотилась в жизнь.

Новый виток напряженности в отношениях между двумя странами произошел осенью 2022 г. на фоне масштабных протестов в Иране, но это не помешало урегулированию ирано-саудовских отношений в 2023 г.

Гибель в сентябре 2022 г. иранки Махсы Амини вскоре после её задержания полицией за неправильное ношение платка вызвала волну протестов, охвативших всю страну, что стало наиболее мощной серией антиправительственных выступлений за последние годы. Одним из нарративов, транслировавшихся иранскими государственными СМИ и официальными лицами, являлось обвинение ряда иностранных государств, в частности КСА, в поддержке протестного и сепаратистского движения в стране⁴ и даже в ведении гибридной войны против Ирана⁵. Наследному принцу вменяли определение новостной повестки и финансирование канала *Iran International*⁶, одного из наиболее влиятельных персоязычных оппозиционных СМИ, выступающего с критикой действий властей и активно освещавшего протесты в самом Иране и иранской диаспоре – за рубежом, объявленного иранскими властями террористической организацией⁷.

На фоне нарастания напряженности между Тегераном и Эр-Риядом газета *Wall Street Journal* опубликовала 1 ноября 2022 г. статью⁸, в которой со ссылкой на неназванных саудовских должностных лиц утверждалось, что готовится нападение ИРИ на королевство. Но эта фейковая публикация не смогла подорвать процесс нормализации отношений между Эр-Риядом и Тегераном.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ИРАНО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Иран придерживался прагматичной линии в своей внешней политике, в частности, во взаимоотношениях с Саудовской Аравией. В своем отношении к королевству руководство Исламской Республики отошло от прежней риторики. И хотя термин «высокомерные» продолжает использоваться как идеологический нарратив в современном иранском политическом дискурсе, Тегеран не причислял к их числу саудовскую правящую элиту, несмотря на весь спектр противоречий. Шиитско-суннитские религиозные противоречия также не отображаются в иранской критике КСА. Хотя главным объектом внимания

² Хуситы – военизированная группировка йеменских шиитов-зейдитов (*прим. ред.*).

³ Ansar Allah has become an undeniable power in Yemen and the Arabian Peninsula. (In Pers.). <https://www.irna.ir/news/84690021> (accessed 06.06.2023)

⁴ England will pay for its steps to destabilize Iran. (In Pers.). <https://www.mehrnews.com/news/5627857> (accessed 20.07.2023)

⁵ Ra'na gate! (In Pers.). <https://www.isna.ir/news/1401082114612> (accessed 10.06.2023)

⁶ A joint statement by the Iranian Ministry of Intelligence and the IRGC Intelligence Service has been published. (In Pers.). <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/06/2795144> (accessed 12.07.2023); Misguided International. How does Iran International cover up its blunders. (In Pers.). <https://www.tasnimnews.com/fa/media/1401/07/27/2790639> (accessed 12.07.2023)

⁷ Minister of Information and National Security: the enemy's plan is to destroy Iran. We have neutralised attempts to undermine the aviation industry. (In Pers.). <https://www.irna.ir/news/84937692> (accessed 23.06.2023)

⁸ Saudi Arabia, U.S. on High Alert After Warning of Imminent Iranian Attack. <https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-u-s-on-high-alert-after-warning-of-imminent-iranian-attack-11667319274> (accessed 03.07.2023)

Тегерана к событиям в королевстве является ущемление саудовскими властями прав шиитского меньшинства, действия Эр-Рияда представляются в иранской прессе не как религиозные гонения, а как ущемление прав человека, в чем Иран как бы солидарен с международными правозащитными организациями.

О прагматизме иранского руководства говорила готовность Тегерана продолжать начатые в 2021 г. переговоры об урегулировании ирано-саудовских противоречий, невзирая на нарастание напряженности в отношениях между КСА и ИРИ осенью 2022 г.⁹, поскольку обе страны объективно были заинтересованы в нормализации двусторонних отношений.

В свою очередь, Саудовская Аравия, несмотря на то, что ваххабизм вплетен в систему власти королевства и является государственной идеологией [9, с. 48], также постепенно проводит политику на снижение воздействия религиозной догматики на различные сферы жизни страны [10, с. 15]. В рамках смягчения «шиитско-ваххабитских» различий показательно, что из школьных учебников в КСА было удалено осуждение поклонения святым [11].

БЕСПЕРСПЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Накал регионального противостояния к 2023 г. стал снижаться, т.к., с одной стороны, политика КСА по противостоянию с Ираном и его союзниками в регионе, проводимая Ибн Сальманом, не достигла нужных Эр-Рияду результатов. И, с другой стороны, Иран вследствие давления США начал сталкиваться с серьезными экономическими трудностями, сокращающими его возможности для поддержки союзников.

Иран после выхода США из «ядерной сделки» в мае 2018 г. находится под сильным санкционным давлением. И хотя страна разработала различные механизмы для обхода внешних ограничений, неминуемое снижение экспортных доходов, уход иностранных компаний и увеличившиеся издержки участия в международной торговле оказывают негативное влияние на экономическую ситуацию в стране. Надежды на возобновление СВПД (Совместный всеобъемлющий план действий) не оправдались после того, как осенью 2022 г. переговоры зашли в тупик. Одной из причин этого стали сначала споры вокруг статуса Корпуса стражей исламской революции (КСИР), который признан США террористической организацией, а затем из-за подавления массовых «хиджабных» протестов в Иране в связи с гибелью Махсы Амини, а также расширения российско-иранского сотрудничества на фоне украинского кризиса.

Несомненно, это снижало возможности Ирана по оказанию поддержки своим союзникам в регионе, главным образом хуситам и официальным властям Сирии.

При этом нельзя не сказать о том, что Саудовская Аравия, на наш взгляд, не добилась нужных ей результатов в йеменской кампании. Хуситы продолжают контролировать северо-запад страны, несмотря на все усилия возглавляемой Эр-Риядом коалиции. К тому же выявилась политика ОАЭ, союзника КСА по коалиции, которые пытались вести двойную игру и укреплять собственные позиции в Южном Йемене. Саудовская Аравия осознает, что мирное урегулирование с хуситами трудноосуществимо без участия Тегерана. Это подтверждает портал *The Cradle* [12], который опубликовал статью, где говорится, что положения по Йемену вошли в итоговые ирано-саудовские договоренности, достигнутые в Пекине весной 2023 г. Эта информация подтверждается активизацией процесса мирного урегулирования между КСА и хуситами, поддерживаемыми Ираном. Эр-Рияд сделал выбор в пользу налаживания взаимодействия с ИРИ [13].

СМЕНА ХАРАКТЕРА САУДОВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Ирано-саудовские договоренности 2023 г. продемонстрировали как стремление КСА к снижению напряженности в регионе, так и политику по диверсификации внешних связей.

На смене характера внешней политики КСА во многом сказались его взаимоотношения с США и Израилем. Администрация Д.Трампа поддерживала тесное сотрудничество с Эр-Риядом. В частности,

⁹ Velayati: The embassies of Iran and Saudi Arabia should be activated. (In Pers.). <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/27/2790809> (accessed 17.07.2023); Iran's important message to Saudi Arabia. Make a decision. (In Pers.). <https://www.eghtesadnews.com/%D8...> (accessed 17.07.2023)

президент не поддержал заявления ЦРУ, согласно которым оппозиционный саудовский журналист Джамаль Хашогджи был убит в Стамбуле в 2018 г. по приказу Мухаммеда ибн Сальмана. Гибель Дж.Хашогджи вызвала волну критики в странах Запада в адрес наследного принца КСА, нанесла серьезный удар по имиджу Ибн Сальмана и предоставила очередной повод противникам Трампа выступить с критикой его политики сближения с королевством. Более того, как отмечает академик А.М.Васильев, многие представители американских политических и деловых кругов были вынуждены отказаться от освещения своих контактов с Эр-Риядом [14, с. 12–13].

С приходом в январе 2021 г. Дж.Байдена в Белый дом наблюдается охлаждение отношений между Вашингтоном и Эр-Риядом. Так, еще в ходе своей избирательной кампании он поддержал обвинения в адрес Ибн Сальмана в убийстве Хашогджи¹⁰ и обещал превратить КСА в «государство-изгой» [15]. Став главой государства, Дж.Байден воздерживался от личных встреч с наследным принцем до июля 2022 г., когда экономическая необходимость вынудила президента совершить визит в КСА. Встреча лидеров двух стран прошла холодно. В ходе неё Ибн Сальман даже высказал критику в адрес Вашингтона, который, по его словам, навязывает другим странам чуждые им ценности [14, с. 14].

При новой администрации стратегические интересы США сместились с Ближнего Востока в бассейн Тихого океана [14, с. 14]. Вашингтон постепенно сокращает присутствие на Ближнем и Среднем Востоке, что было ознаменовано выводом войск из Афганистана в 2021 г., а также не переходит к более жестким мерам с целью вынудить Иран отказаться от ядерной программы [16]. И хотя переговоры по СВПД, как отмечалось выше, зашли в тупик, сама готовность Вашингтона продолжать их демонстрирует его колебания в отношениях с Тегераном. В то же время КСА не получило поддержки западных союзников в противостоянии с Катаром в 2017–2021 гг. Более того, в результате прихода к власти в Израиле коалиции, возглавляемой Б.Нетаньяху, Саудовская Аравия притормозила процесс нормализации отношений с Тель-Авивом.

Саудовская Аравия не отказывается от союза с США, но стремится диверсифицировать свои внешние связи. Ибн Сальман после неудачи военно-политического подхода к йеменским событиям сделал выбор в пользу дипломатии для установления стабильности как внутри страны, так и за её пределами. Саудовская Аравия подчеркнула, что не отступится от избранного курса внешней политики, несмотря на попытки Вашингтона, который, хотя и осторожно приветствовал «разрядку» в регионе¹¹, предпринимал усилия с целью сорвать процесс сближения Эр-Рияда и Тегерана¹².

Урегулирование отношений с Ираном необходимо КСА для воплощения в жизнь масштабной программы реформ *Vision-2030* (см. подробнее: [10]), а также для подготовки почвы к смене власти в самом королевстве¹³.

Мухаммед ибн Сальман готовится взойти на престол, занимаемый сейчас его отцом. За последние несколько лет были отстранены от власти другие принцы из династии Саудидов и создана вертикаль власти, куда входят лица, лояльные королю Сальману и его сыну и именно им обязанные своим положением [14, с. 10].

Однако, несмотря на это, положение наследного принца может быть оспорено другими представителями династии, в особенности пока он не занял престол в королевстве. До сих пор сохраняется возможность борьбы за власть многочисленных потомков короля Абд аль-Азиза, представляющих другие кланы в королевстве и недовольных усилением единоличной власти Ибн Сальмана, а также противников его реформ.

Пекинские договоренности 2023 г. преследуют в том числе и цели стабилизации обстановки вокруг королевства. По сообщениям *The Cradle* [12], Саудовская Аравия получила гарантии, что проиранские формирования в Ираке и Йемене не будут совершать атаки на её территорию. Чтобы заручиться поддержкой Ирана в проведении переговоров с хуситами, КСА также пошло на сближение с Дамаском [17], который в мае 2023 г. вернулся в Лигу арабских государств (ЛАГ).

¹⁰ Так, улица возле саудовского посольства в США с 2022 г. носит имя Джамали Хашогджи (*прим. авт.*).

¹¹ US closely watching 'détente' between Saudi Arabia and Iran, Barbara Leaf says. <https://www.thenationalnews.com/world/us-news/2023/04/17/us-closely-watching-detente-between-saudi-arabia-and-iran-barbara-leaf-says/> (accessed 10.07.2023)

¹² Riyadh's clear response to Washington's requests: we will not review relations with Iran. (In Pers.). <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1402/02/26/2895839/> (accessed 10.07.2023)

¹³ Why did Bin Salman agree to an accord with Iran? (In Pers.). <https://donya-e-ecqtesad.com/%D8...> (accessed 07.06.2023)

Иран, в свою очередь, помимо военно-политических целей, намерен использовать сближение с арабами-суннитами для стабилизации ситуации внутри страны, в т.ч. для улучшения экономического положения. Тегеран рассчитывает, что сотрудничество с монархиями Залива может способствовать нейтрализации эффекта западных санкций [18] и привлечению иностранных инвестиций.

Тегеран добился отказа Эр-Рияда от поддержки сепаратистских движений и прекращения финансирования оппозиционных СМИ [12].

Следует признать, что на финальном этапе переговорного процесса между Тегераном и Эр-Риядом, продолжавшегося с 2021 г., решающую роль сыграл Китай. Для Поднебесной ИРИ и КСА являются одними из ведущих поставщиков углеводородов: в начале 2023 г. Эр-Рияд поставлял нефть в КНР в объеме около 1,7 млн барр./сутки¹⁴, а Тегеран – около 1 млн барр./сутки¹⁵, что составляет не менее четверти от общего китайского импорта нефти [19]. Для Пекина важно, чтобы нарастание напряженности на Ближнем Востоке не привело к скачку цен на углеводороды, поэтому сближение Ирана и Саудовской Аравии объективно соответствует экономическим интересам Китая.

В настоящее время Китай не может и пока не стремится заменить США в качестве ведущей военной державы на Ближнем Востоке, прибегая лишь к дипломатическому и экономическому инструментарию. Китай – крупнейший торговый партнер как КСА, так и ИРИ. В пользу сотрудничества с Китаем говорит как раз его идеологическая нейтральность и невмешательство во внутренние дела ближневосточных стран [20], что выгодно отличает Пекин от Вашингтона.

ПРОЦЕСС СБЛИЖЕНИЯ ИРАНА И АРАБОВ-СУННИТОВ РЕГИОНА

Нормализация отношений с Саудовской Аравией открыла для Ирана и его союзников возможности для восстановления и развития отношений с арабами-суннитами региона.

Еще в 2022 г. Иран и ОАЭ на взаимной основе возобновили деятельность посольств. В апреле 2023 г. был достигнут определенный прогресс в саудовско-хуситских переговорах, включающий объявление шестимесячного перемирия и снятие ограничений для стран арабской коалиции на использование аэропорта Саны и порта Ходейда¹⁶. В мае 2023 г. было возобновлено участие Сирии в ЛАГ и восстановлены её дипломатические отношения с рядом стран региона (ОАЭ, Бахрейном, Оманом). В мае 2023 г. Египет заявил о стремлении возобновить отношения с Ираном.

Иранское агентство *Nournews* опубликовало статью, в которой говорится о возможности передачи Ираном мирных ядерных технологий Саудовской Аравии, что будет способствовать укреплению отношений между двумя странами¹⁷. Также глава ВМС Ирана выступил с предложением о создании коалиции по обеспечению безопасности на море, в которую должен войти ряд стран региона, в т.ч. КСА¹⁸.

В августе 2023 г. по итогам прошедшего в ЮАР саммита БРИКС было объявлено о приглашении вступить в организацию ряду новых стран, в частности, Ирану и КСА, а также ОАЭ. БРИКС может стать платформой для развития взаимодействия между Тегераном и Эр-Риядом. Однако представляется, что сохраняющееся, несмотря на процесс нормализации отношений, соперничество между двумя странами может осложнить процесс развития самой организации.

7 октября 2023 г. арабо-израильский конфликт вспыхнул с новой силой. Иран выразил поддержку Палестине и выступил с критикой политики Тель-Авива, но в то же время отверг заявления о своей причастности к подготовке атаки на Израиль. В свою очередь, Ибн Сальман выразил поддержку народу Палестины «в его стремлении к законным правам, достойной жизни и справедливому и прочному миру»¹⁹.

¹⁴ Russia overtakes Saudi Arabia as China's top oil supplier. <https://www.aljazeera.com/economy/2023/3/20/russia-overtakes-saudi-arabia-as-chinas-top-oil-supplier> (accessed 21.07.2023)

¹⁵ Iran Oil Snapped Up by Chinese Private Refiners as Market Shifts. <https://com/news/articles/2023-04-06/iran-oil-snapped-up-by-chinese-private-refiners-as-market-shifts> (accessed 21.07.2023)

¹⁶ Йеменские хуситы объявили о прогрессе на переговорах с Саудовской Аравией. *РИА Новости*. <https://ria.ru/20230414/khesity-1865434641.html> (accessed 21.07.2023)

¹⁷ Why does the nuclearization of Saudi Arabia worry Israel? (In Pers.). <https://nournews.ir/Fa/News/140850> (accessed 23.07.2023)

¹⁸ America concerns about the Iranian naval alliance with regional countries. (In Pers.). <https://www.farsnews.ir/news/14020314000302> (accessed 23.07.2023)

¹⁹ MBS holds phone calls with regional leaders to address Palestinian-Israeli conflict. <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2023/10/10/MBS-holds-phone-calls-with-regional-leaders-to-address-Palestinian-Israeli-conflict> (accessed 11.10.2023)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно говорить о том, что договоренности 2023 г. между ИРИ и КСА были вызваны объективными причинами, которые вынудили обе страны, придерживающиеся прагматичного подхода во внешней политике, начать сближение. Региональное противостояние, постепенно набравшее обороты с середины 2000-х гг., в особенности с середины 2010-х гг., было признано бесперспективным обеими странами.

На позицию Ирана во многом оказало влияние состояние его экономики, испытывающей мощное санкционное давление, в то время как Саудовская Аравия стремится к диверсификации внешнеполитического курса, и обе страны заинтересованы в стабилизации ситуации в регионе.

История ирано-саудовских отношений – и в принципе вся история внешней политики Ирана – показывает, что сложно делать прогнозы о перспективах дальнейшего пути её развития, в т.ч. из-за возможности эскалации так долго тлеющего арабо-израильского конфликта, что показали события октября 2023 г. Однако на данном этапе можно констатировать, что происходит определенное сближение между Ираном и его союзниками, с одной стороны, и арабами-суннитами, в т.ч. Саудовской Аравией, – с другой. И «зеленый свет» этому процессу во многом дала именно нормализация ирано-саудовских отношений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Аятолла Хомейни. Исламское правление. Алматы: Атамур, 1993. 141 с.
1993. Ayatollah Khomeini. Islamic government. Almaty. 141 p. (In Russ.)
2. Takeyh R. Guardians of the revolution. Iran and the World in the Age of the Ayatollahs. Oxford: Oxford University Press, 2009. 310 p.
3. Jones T. 2006. Rebellion on the Saudi periphery: modernity, marginalization, and the Shia uprising of 1979. *International Journal of Middle East Studies*. № 38(2), pp. 213–233. DOI:10.1017/S0020743806412320
4. Бирюков Е. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 12 (306). С. 60–85.
Biryukov E. 2017. Saudi-Iranian relations in the sphere of security. *Russia and the Moslem World*. № 12 (306), pp. 60–85. (In Russ.)
5. Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX – начале XXI веков. *Научный диалог*. 2017. № 8. С. 241–260.
Kuzmin V.A., Sokolov N.V. 2017. Confrontation between Saudi Arabia and Iran in Persian Gulf in the Late 20th – early 21st Centuries. *Nauchnyy dialog*. № 8, pp. 241–260. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-241-260
6. Кузнецов А.А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). М.: Русский фонд содействия образованию и науке; изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2021. 352 с.
Kuznetsov A.A. 2021. Sunni-Shiite contradictions in the context of the geopolitics of the Middle East Region (1979–2016). Moscow, 310 p. (In Russ.)
7. Mousavian H. Saudi Arabia is Iran's new national security threat. *HuffPost*. 03.06.2023. https://www.huffpost.com/entry/saudi-arabia-iran-threat_b_10282296 (accessed 23.07.2023)
8. Мелкумян Е.С. 2021. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации. *Вестник МГИМО Университета*. № 14(2). С. 107–118. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118
Melkumyan E.S. 2021. Israel in Foreign Policy of the United Arab Emirates: from Confrontation to Normalization. *MGIMO Review of International Relations*. № 14(2), pp. 107–118. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118
9. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»? *Религия и общество на Востоке*. 2017. № 1. С. 7–50.
Kosach G.G. 2017. Saudi Arabia: “religious state” or “state religion”? *Religion and Society in the East*. № 1, pp. 7–50. (In Russ.)
10. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9
Vasiliev A.M. 2023. Saudi Arabia. Salman bin Abdulaziz and Mohammed bin Salman. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 5–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024989-9
11. Щегловин Ю.Б. Что стоит за внесением изменений в школьные учебники в Саудовской Аравии. Институт Ближнего Востока. 31.05.2023. <http://www.iimes.ru/?p=98201> (accessed 23.07.2023)

- Scheglov Y.B. What's behind changes to school textbooks in Saudi Arabia. *Institute of Middle East*. (In Russ.). <http://www.iimes.ru/?p=98201> (accessed 15.06.2023)
12. Illaik H. Exclusive: The hidden security clauses of the Iran-Saudi deal. *The Cradle*. 12.03.2023. <https://thecradle.co/article-view/22445/exclusive-the-hidden-security-clauses-of-the-iran-saudi-deal> (accessed 03.06.2023)
 13. Assi A. Saudi Failures in the Mashreq and the Beijing Agreement. *Carnegie Endowment for International Peace*. 25.04.2023. <https://carnegieendowment.org/sada/89606> (accessed 08.07.2023)
 14. Васильев А.М. Саудовская Аравия: укрепление вертикали власти в условиях ломки старой мир-системы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 5–16. DOI: 10.31857/S032150750025680-0
Vasiliev A.M. 2023. Saudi Arabia: Strengthening the Power Vertical in the Context of the Collapse of the Old World-System. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 5–16. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025680-0
 15. Baker P., Hubbard B. Biden to Travel to Saudi Arabia, Ending Its 'Pariah' Status. *The New York Times*. 02.06.2022. <https://www.nytimes.com/2022/06/02/us/politics/biden-saudi-arabia.html> (accessed 01.10.2023)
 16. اعظم ملايي. نظم نويني در منطقه غرب آسيا در حال شكل گيري است. (Molayi A. A new order is being formed in the West Asian region). *Iranian Diplomacy*. 07.05.2023. (In Pers.). <http://irdiplomacy.ir/fa/news/2019295> (accessed 10.07.2023)
 17. Wintour P. Saudi-Iranian detente is fragile but potential for the Middle East is huge. *Guardian*. 08.05.2023. <https://www.theguardian.com/world/2023/may/08/saudi-iranian-detente-is-fragile-but-potential-for-the-middle-east-is-huge> (accessed 15.07.2023)
 18. مریم خالقی نژاد پنج رویکرد مهم از سرگیری روابط دیپلماتیک ایران و عربستان. (Five important approaches to resume diplomatic relations between Iran and Saudi Arabia). *Iranian Diplomacy*. 09.04.2023. (In Pers.). <http://irdiplomacy.ir/fa/news/2018692> (accessed 10.07.2023)
 19. Russell C. Column: China's 2023 crude oil imports set for 6.2% rise, but risks prevail. *Reuters*. 28.03.2023. <https://www.reuters.com/markets/commodities/chinas-2023-crude-oil-imports-set-62-rise-risks-prevail-russell-2023-03-28/> (accessed 23.07.2023)
 20. Hale E. Can China replace the US in the Middle East? *Al Jazeera*. 25.04.2023. <https://www.aljazeera.com/features/2023/4/25/can-china-replace-the-us-in-the-middle-east/> (accessed 20.07.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Подрезов Михаил Андреевич, лаборант-исследователь, Центр изучения стран Среднего и Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Mikhail A. Podrezov, Researcher, Center for Middle East Studies, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 13.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.10.2023

Вьетнам и Южная Корея – новые партнеры в сфере обороны

© Федоров Н.В.^{a,b}, 2023

^a СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

^b НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-8990-4174; nfedorov@yandex.ru

Резюме. Цель статьи – определить особенности сотрудничества в военной сфере между Вьетнамом и Южной Кореей и перспективы его развития. Актуальность темы определяется растущим уровнем вьетнамо-южнокорейских отношений и осложнением обстановки в области международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Связи в вопросах обороны между Ханоем и Сеулом находятся еще в стадии формирования, и данный вопрос слабо изучен исследователями.

В статье рассмотрены общие особенности взаимодействия между Вьетнамом и Республикой Корея, становление двустороннего диалога в сфере обороны и ключевые направления военного сотрудничества. Проблемы проанализированы в контексте международной обстановки в регионе и приоритетных направлений политики Вьетнама и Южной Кореи.

Автор приходит к выводам о существовании благоприятных предпосылок для двустороннего оборонного сотрудничества, что обусловлено как высоким уровнем отношений между двумя странами, так и практической заинтересованностью Ханоя и Сеула в подобном взаимодействии. Препятствиями же для расширения военного сотрудничества могут быть различия в приоритетах внешней политики во Вьетнаме и Южной Корее, а также в позициях этих государств в региональном международном порядке. Если Республика Корея придерживается курса на сохранение альянса с Вашингтоном, то Вьетнам стремится проводить политику балансирования между крупнейшими региональными акторами – США и Китаем.

Ключевые слова: Вьетнам, Южная Корея, вьетнамо-южнокорейские отношения, военное сотрудничество, Южно-Китайское море

Для цитирования: Федоров Н.В. (Санкт-Петербург). Вьетнам и Южная Корея – новые партнеры в сфере обороны. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 56–62. DOI: 10.31857/S032150750028611-4

Vietnam and South Korea – New Partners in Defense Sphere

© Nikolai V. Fedorov^{a,b}, 2023

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^b HSE University, St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-8990-4174; nfedorov@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to define characteristics of military cooperation between Vietnam and South Korea and perspectives of its development. The relevance of the topic is due to rising level of Vietnam – South Korea relations and complication of situation in the international security field in the Asia-Pacific region. Defense ties between Hanoi and Seoul are still on the stage of formation and this issue is not completely researched by scholars.

The article considers general features of interaction between Vietnam and the Republic of Korea, formation of bilateral dialogue in the defense sphere and key directions of military collaboration. The problems were analyzed in the context of international situation in the region and priority fields of policies of Vietnam and South Korea.

The author makes conclusions on the presence of favorable preconditions for bilateral defense cooperation that is stipulated by as high level of relations between the two states so practical interest of Hanoi and Seoul in such interaction. The obstacles for expansion of military collaboration might be distinctions in priorities of foreign policies in Vietnam and South Korea, and also in positions of these states in the regional international order. The Republic of Korea orients for the alliance with Washington, Vietnam tries to balance between the most significant regional actors – the USA and China.

Keywords: Vietnam, South Korea, Vietnam – South Korea relations, military cooperation, South China Sea

For citation: Fedorov N.V. (St. Petersburg). Vietnam and South Korea – New Partners in Defense Sphere. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 56–62. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028611-4

ВВЕДЕНИЕ

Среди ключевых проблем современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе выделяется обострение противоречий между Соединенными Штатами и Китаем. Одной из форм ответа со стороны Вашингтона на усиление влияния КНР является укрепление военно-стратегических позиций США в регионе, включая расширение взаимодействия с существующими союзниками и выстраивание отношений с новыми партнерами в сфере безопасности. Однако ситуацию в сфере баланса сил в АТР нельзя определять исключительно категориями противостояния между Вашингтоном и Пекином и формирования «антикитайской» коалиции во главе с США.

В странах региона наблюдается рост военных расходов, модернизация вооруженных сил и расширение взаимодействия в сфере обороны. Формирование новых партнерств хотя и происходит на фоне американо-китайского соперничества, но далеко не всегда является следствием политики Вашингтона или попытками создания «третьей силы» в регионе.

Характерным примером в этом отношении является расширение связей в сфере обороны между Вьетнамом и Южной Кореей – соперниками в холодной войне и партнерами после её окончания. Интерес представляет определение особенностей взаимодействия между Ханоем и Сеулом в сфере обороны в контексте региональных проблем безопасности. Акцент сделан на вопросах военного сотрудничества – взаимодействию в сфере «твердой безопасности». Актуальность темы определяется расширением сотрудничества между Вьетнамом и Южной Кореей во многих сферах, их растущим весом в региональных политических и экономических делах. Данный вопрос пока слабо изучен. Проблемы вьетнамо-южнокорейского сотрудничества в военной сфере практически не упоминаются в работах российских исследователей, а в трудах зарубежных экспертов (например, Хюинь Там Шанга и Ку Мингё) получили рассмотрение лишь отдельные аспекты этого взаимодействия.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ВЬЕТНАМА И ЮЖНОЙ КОРЕИ

Как независимые государства Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) и Республика Корея (РК) сформировались в период холодной войны, в которой они находились по разные стороны баррикад? Главным партнером коммунистического Вьетнама были КНР и СССР, а Южной Корее – Соединенные Штаты. Контингенты вооруженных сил РК принимали участие в войне во Вьетнаме на стороне США. Ханой, в свою очередь, взаимодействовал с КНДР, а Пхеньян оказывал помощь Северному Вьетнаму в отражении американской агрессии (пусть и не такую масштабную, как поддержка Соединенных Штатов в этом конфликте со стороны Южной Кореи). Тем не менее в конце холодной войны были созданы предпосылки для сближения Вьетнама и Республики Корея. Москва с началом горбачевской перестройки и курсом на нормализацию отношений с Западом уже не нуждалась в Ханое как в своем союзнике. В этих условиях Вьетнам взял курс на многостороннюю внешнюю политику. Всё это создало условия для развития отношений с широким кругом государств – как со странами Запада, так и с Восточной Азией.

Что касается Республики Корея, то в 1980-е гг. успех южнокорейского «экономического чуда» стал уже очевиден. Из бедной аграрной страны Южная Корея превратилась в одно из самых развитых и процветающих государств Восточной Азии. Она стала выгодным экономическим партнером и потенциальным инвестором для многих стран региона. РК также начала более прагматично смотреть на вопросы внешней политики и не ставить во главу угла проблемы противостояния с «мировым коммунизмом». Это устранило идеологические препятствия для развития отношений с СРВ.

Официальные отношения между Ханоем и Сеулом были установлены в 1992 г., хотя еще с 1991 г. Южная Корея стала оказывать Вьетнаму помощь в рамках программы содействия развитию, а торговля велась с начала 1980-х гг. Уровень двусторонних отношений постоянно повышался. В 2001 г. было заявлено, что вьетнамо-южнокорейские отношения находятся на положении «всеобъемлющего сотрудничества в XXI веке». В 2009 г. Вьетнам и РК объявили о «партнерстве в стратегическом сотрудничестве», а в 2022 г. два государства установили отношения «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Отношения с такими формулировками у Вьетнама были только с Россией, Китаем и Индией. Отмечалось, что Южная Корея – это первая «средняя держава» (*middle power*), которая стала «всеобъемлю-

щим стратегическим партнером» Ханоя [1, р. 6]. В ходе своего визита в Ханой в марте 2018 г. президент РК Мун Джэин назвал Вьетнам ключевым партнером в рамках своей «Новой южной политики», направленной на развитие взаимодействия Сеула с Индией и странами АСЕАН¹.

Такой уровень отношений во многом стал результатом экономического сотрудничества между Ханоем и Сеулом. Вьетнам отличают высокие темпы экономического роста, что объясняется, помимо всего прочего, открытостью для мировой экономики и активным привлечением инвестиций. СРВ проводит политику заключения соглашений о свободной торговле со своими ведущими партнерами, и в 2015 г. такой договор был заключен между СРВ и РК.

В 2022 г. Южная Корея занимала позиции ведущего инвестора в экономику Вьетнама и 3-го торгового партнера Ханоя (после КНР и США). Объем южнокорейско-вьетнамской торговли составил \$86,4 млрд. Вьетнам и РК планируют увеличить торговый оборот до \$100 млрд по итогам 2023 г. и до \$150 млрд – к 2030 г.² Южная Корея становится для Ханоя всё более востребованной страной для получения образования. Между странами расширяется туристический поток, а южнокорейская поп-культура («халлю») еще с конца 1990-х гг. завоевывает Вьетнам.

Характеризуя круг наиболее близких Вьетнаму стран, польский эксперт М.Петрасяк определила Южную Корею (наряду с Японией) как экономического партнера СРВ [2, с. 273]. В то же время в современном взаимодействии между Ханоем и Сеулом всё более заметное место занимают вопросы обороны.

СТАНОВЛЕНИЕ ДИАЛОГА В СФЕРЕ ОБОРОНЫ

Еще в 2010 г. Вьетнам и Южная Корея подписали меморандум о взаимопонимании в вопросах обороны. В ноябре 2011 г. в ходе визита президента СРВ Чыонг Тан Шанга в Сеул стороны договорились развивать связи по широкому кругу вопросов безопасности и обороны, включая подготовку личного состава и взаимодействие в сфере военной промышленности.

С 2012 г. проводится ежегодный двусторонний диалог по вопросам обороны. В апреле 2018 г. в ходе встречи министров обороны двух стран в Сеуле было принято совместное заявление по вопросам «обороны и оборонного сотрудничества» на срок до 2030 г., в котором стороны договаривались, в частности, о взаимодействии в сфере морской безопасности, миротворческих операций, поиска останков погибших военнослужащих. В ходе новой встречи министров обороны СРВ и РК в Ханое в июне того же года обсуждались текущие вопросы оборонного сотрудничества, включая подготовку личного состава и взаимодействие в сфере военной промышленности. Рассматривались и проблемы безопасности, связанные с Северной Кореей. Вопросы вызовов со стороны КНДР находили отражение также в ходе ежегодных диалогов по вопросам обороны. На встрече был подписан меморандум о взаимопонимании, касающийся логистической поддержки миротворческих операций и борьбы со стихийными бедствиями. Эти встречи в 2018 г. были охарактеризованы как «показатель роста сотрудничества в сфере безопасности» [3].

Вопросы обороны рассматривались в ходе встречи президента СРВ Нгуен Суан Фука и президента РК Юн Сокёля в декабре 2022 г., на которой было объявлено об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между двумя государствами. Стороны договорились о сотрудничестве в вопросах обороны и безопасности. При этом, с одной стороны, был сделан упор на нетрадиционные вызовы безопасности, а с другой – выделены вопросы морской безопасности и затронута ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ)³. В марте 2023 г. министры обороны Вьетнама и Южной Кореи договорились о расширении оборонного сотрудничества, включая сферы разминирования, кибербезопасности, образовательных обменов и оборонных технологий. Было достигнуто соглашение о проведении регулярных консультаций по военно-морским вопросам, а министр обороны СРВ получил приглашение посетить Международную аэрокосмическую и оборонную выставку в Сеуле в октябре с.г. [4].

¹ PM Nguyen Xuan Phuc meets RoK President Moon Jae-In. *Vietnam+*, 28.03.2018. <https://en.vietnamplus.vn/pm-nguyen-xuan-phuc-meets-rok-president-moon-jaein/128400.vnp> (accessed 16.07.2023)

² <https://special.nhandan.vn/doi-tac-chien-luoc-toan-dien-viet-nam-han-quoc/index.html> (accessed 15.07.2023)

³ Там же.

Оборонные вопросы всё чаще оказываются в повестке политического диалога между Вьетнамом и Южной Кореей. Хотя обсуждение либо касается «нелетальных» сфер оборонного взаимодействия, либо носит подчеркнуто «обтекаемый» характер, можно говорить о расширении практической составляющей данного сотрудничества.

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО – ПЕРВЫЙ ШАГ СДЕЛАН

Одной из постоянных составляющих диалога по оборонным вопросам между Вьетнамом и РК можно назвать вопрос морской безопасности. Это не случайно, поскольку для Ханоя одним из самых серьезных вызовов безопасности является конфликт в ЮКМ, а Южная Корея зависит от морской торговли и, соответственно, от безопасности морских коммуникаций (в т.ч. и проходящих через Южно-Китайское море).

Вьетнамский и южнокорейский флоты обмениваются регулярными визитами. Соединения ВМС РК использовали вьетнамские гавани в качестве транзитных в своих походах для проведения антипиратских операций в Аденском заливе и проводили совместные учения с вьетнамским флотом. Возможными направлениями сотрудничества в военно-морской сфере могут стать помощь Ханоя в подготовке личного состава, обмен информацией при поисково-спасательных операциях и доступ кораблей южнокорейских ВМС в порты Вьетнама (включая Дананг и Камрань) [5, pp. 9–10].

В 2017 г. РК передала Вьетнаму в рамках программы военной помощи корвет *Gimcheon* (типа *Pohang*), выведенный из состава южнокорейских ВМС. В 2018 г. Ханой получил второй корвет (*Yeosu*) этого же класса. Переданные Вьетнаму корветы прошли перевооружение в СРВ. По некоторым сведениям, один из них получил на вооружение российскую систему ПВО «Игла», а второй – противокорабельные ракеты «Уран» (производимые во Вьетнаме с российской помощью) [6]. Передача Вьетнаму третьего корабля этого класса рассматривалась в ходе уже упомянутых переговоров между министрами обороны СРВ и Южной Кореи в марте 2023 г.

Ранее Ханой, согласно ряду источников, также обсуждал с Сеулом вопрос о приобретении фрегата типа *Ulsan* (корабли этого класса постепенно исключаются из южнокорейского флота)⁴. Полученные Вьетнамом корветы построены в 1980-е гг. и обладают ограниченной боеспособностью в условиях современной войны на море. Передача этих кораблей может стать основой для более крупных сделок в сфере военно-технического сотрудничества между СРВ и РК [1, p. 6].

Вьетнам уже проявлял интерес к южнокорейским истребителям 4,5 *KF-21*⁵ [1, p. 6] и вел переговоры о приобретении ракетных двигателей для систем береговой обороны собственной разработки [7]. Южная Корея обладает развитой военной промышленностью и активно стремится расширить свое присутствие на мировом рынке вооружений (включая Юго-Восточную Азию). Вьетнам, в свою очередь, заинтересован в продолжении военной модернизации. Главным партнером СРВ в вопросах военно-технического сотрудничества остается Москва, отношения с которой в этой сфере сложились еще в период холодной войны. Однако Вьетнам стремится диверсифицировать свои связи в вопросах оборонного сотрудничества и укрепить взаимодействие с новыми партнерами [8, с. 503].

Таким образом, у Ханоя и Сеула существуют предпосылки для развития оборонного сотрудничества. Однако в то же время есть немало препятствий для расширения военно-политического взаимодействия, которые носят системный характер.

ВЬЕТНАМ И РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ – ДВЕ «СРЕДНИЕ ДЕРЖАВЫ»

Когда речь идет о вьетнамо-южнокорейских отношениях, часто их связи определяются как взаимодействие «средних держав» [1, p. 7]. В то же время существует разница между поведением Вьетнама и Южной Кореи как средних держав.

В теории международных отношений политика средних держав традиционно рассматривается через призму стратегий «балансирования» (*balancing*) и «примыкания» (*bandwagoning*) [9, с. 91–92].

⁴ <https://bmpd.livejournal.com/3371777.html> (accessed 21.07.2023)

⁵ KF-21 занимает промежуточное место между боевыми самолетами 4-го и 5-го поколений (*прим. ред.*).

Вьетнам с начала 1990-х гг. проводил политику равноудаленности и нейтралитета. В условиях конфликта с КНР в Южно-Китайском море Ханой стремится развивать отношения с Вашингтоном, который рассматривается не только как выгодный экономический партнер, но и как стратегический противовес Китаю. В то же время, несмотря на споры с Пекином, Вьетнам не готов идти с ним на конфронтацию и «не может позволить себе сжечь мосты в отношениях с Китаем» [10, с. 93]. Одновременно Вьетнам старается укреплять связи с широким кругом региональных акторов (включая Южную Корею) [2, с. 271–272]. Таким образом, политика СРВ в рамках вопросов безопасности может рассматриваться как пример политики балансирования.

Что касается Республики Корея, то с 1990-х гг. она позиционирует себя как «средняя держава», способная играть «ответственную» роль в международных отношениях. С другой стороны, Южная Корея действует в своей внешней политике в рамках альянса с США [11, с. 43] (и её политика представляет собой, таким образом, образец стратегии «примыкания»).

В связи с этим можно утверждать, что внешнеполитический курс Ханоя и Сеула как «средних держав» имеет принципиальные различия. Если Вьетнам проводит политику балансирования, чтобы не попасть в зависимость от КНР и в то же время не быть втянутым в противостояние с Пекином на стороне США, то для Южной Кореи политика «средней державы» направлена на укрепление позиций и расширение связей в международных отношениях при сохранении союза с Вашингтоном.

Различие в политике Вьетнама и Южной Кореи может проявиться в случае с альянсом *QUAD*⁶, который направлен против Китая. Некоторые исследователи отмечают, что существуют предпосылки расширения *QUAD* за счет вступления в него Новой Зеландии, Южной Кореи и Вьетнама [12, с. 126]. Однако М.Петрасяк полагает, что Ханой, хотя и проявляет интерес к деятельности *QUAD*, вряд ли к нему присоединится, опасаясь нарушить баланс в своих отношениях с Китаем [2, с. 272].

Как представляется, для Южной Кореи в вопросах развития военного сотрудничества с Вьетнамом решающее слово может принадлежать Вашингтону. Снимая эмбарго на продажу американского оружия Вьетнаму в 2016 г., президент США Б.Обама отметил, что поставки вооружений будут зависеть от соблюдения прав и свобод человека в СРВ. Таким образом, США явно будут готовы в случае тех или иных обстоятельств ограничить военное сотрудничество с Ханоем [13, с. 126–127]. Вьетнам уже столкнулся с ограничением на поставку некоторых западных вооружений в ходе попытки заказать в Нидерландах корветы проекта *SIGMA 9814*⁷.

Отмечается также, что в вопросах безопасности Южная Корея и страны АСЕАН (т.е. «средние державы») играют второстепенную роль друг для друга, а роль главных акторов региональной безопасности по-прежнему играют США и КНР [14, р. 12]. При этом военное сотрудничество между Южной Кореей и Вьетнамом по-прежнему не в полной мере институционально оформлено [1, р. 7].

Однако даже в подобной ситуации в некоторых вопросах интересы Ханоя и Сеула в области обороны могут совпадать. Например, южнокорейский эксперт Ку Мингё отметил значение «мягкого балансирования» Вьетнама по отношению к КНР для укрепления связей между Ханоем и Сеулом [5, р. 3]. В условиях роста американо-китайского соперничества Южная Корея, по мнению исследователя, должна укреплять свои позиции «средней морской державы» и Вьетнам может оказать ей в этом поддержку, предоставив доступ к своим базам, что позволит расширить радиус действия южнокорейских ВМС. Республика Корея, в свою очередь, может помочь Ханоем усилить его позиции в Южно-Китайском море, но при этом не должна поощрять гонку вооружений Вьетнама с Китаем [5, pp. 9–10]. Таким образом, Сеул стремится воспользоваться противоречиями между США и КНР для расширения собственных внешнеполитических позиций (и при этом не испортить отношения с Пекином), а Вьетнам заинтересован в укреплении своего присутствия в Южно-Китайском море (и, со своей стороны, также не желает эскалации конфликта с Китаем).

По мнению южнокорейского исследователя Ли Джэхёна, оптимальным решением для Южной Кореи и Вьетнама может быть развитие не «политического сотрудничества в сфере безопасности» (*political-security cooperation*), а «мирного сотрудничества» (*peace cooperation*), которое направлено не про-

⁶ *QUAD* – Четырехсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue) между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (*прим. авт.*).

⁷ https://vpk.name/news/390917_vms_vetnama_otkazalis_ot_zakupki_chetyreh_korvetov_proekta_sigma-9814.html (accessed 21.07.2023)

тив конкретной страны или угрозы безопасности, а на построение «мирного региона» [14, р. 12]. Российский эксперт А.С.Королев полагает, что политику Вьетнама по развитию связей с широким кругом акторов можно назвать «балансированием ради выгоды» [9, с. 95]. Ученый имел в виду, прежде всего, экономические связи, но этот термин, как представляется, может быть применим и к сотрудничеству в сфере безопасности. «Балансирование ради выгоды» направлено не столько на прямое сотрудничество против возможных угроз, сколько на приобретение новых вооружений и оборонных технологий путем расширения контактов в вопросах безопасности. Такой характер оборонного сотрудничества может отвечать и интересам Республики Корея.

Развитие взаимодействия в оборонных вопросах между Ханоем и Сеулом имеет определенные предпосылки, однако его расширение, а тем более формирование военно-политического альянса, будут сталкиваться с серьезными препятствиями, связанными в том числе и с различным положением стран в региональном международном порядке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Южная Корея является одним из важнейших партнеров Вьетнама. Между странами плодотворно развивается взаимодействие в различных сферах. Одной из относительно новых областей сотрудничества стали вопросы оборонного взаимодействия. Обострение соперничества между ведущими региональными акторами – США и Китаем – стало фоном для усиления напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и развития милитаризации. И Южная Корея, и Вьетнам заинтересованы в расширении своих связей в оборонной сфере. Ханой нуждается в продолжении модернизации своих вооруженных сил в условиях напряженных отношений с КНР в Южно-Китайском море. Одновременно Вьетнам стремится к диверсификации военно-технического сотрудничества. Республика Корея обладает развитой военной промышленностью и становится все более весомым игроком на региональном рынке вооружений. Также Сеул заявляет о намерении более активно участвовать в обеспечении региональной стабильности. Оборонное сотрудничество Вьетнама и Южной Кореи еще находится в стадии становления. Хотя оно покоится на фундаменте вьетнамо-южнокорейского партнерства, у него имеются серьезные ограничения для дальнейшего расширения, носящие системный характер. И Южная Корея, и Вьетнам заинтересованы в региональной стабильности и с беспокойством воспринимают, в частности, рост влияния Китая. Однако два государства занимают различные позиции в региональном порядке. Вьетнам придерживается курса равноудаленной политики и стремится балансировать между региональными акторами. Южная Корея стремится к активной внешней политике, но при этом действует в рамках военно-политического союза с США. Кроме того, региональный баланс сил по-прежнему определяется ведущими акторами – Соединенными Штатами и Китаем, и партнерство Южной Кореи и Вьетнама и по системным, и по «весовым» причинам не может претендовать на положение «третьей силы» в АТР.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Huynh Tam Sang. 2023. What to Expect from the Vietnam-South Korea Comprehensive Strategic Partnership. *ISEAS Perspective*. Issue 4, Pp. 1–11.
2. Петрасьяк М. «Геополитический код» внешней политики Вьетнама в XXI веке. *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. Вып. 5. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2022, с. 266–274.
Pietrasiak M. 2022. Geopolitical Code of Vietnam's Foreign Policy in XXI Century. *Great Eurasia: Development, Security, Cooperation*. Issue 5. Part 1. Moscow, INION RAN. Pp. 266–274. (In Russ.)
3. Parameswaran P. What's in the New Vietnam-South Korea Defense Pact? *The Diplomat*, 07.08.2018. <https://thediplomat.com/2018/06/whats-in-the-new-vietnam-south-korea-defense-pact/> (accessed 16.07.2023)
4. Hwang J.S. Korea, Vietnam agree to strengthen defense cooperation. *Yonhap News Agency*, 28.03.2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230328009500315> (accessed 16.07.2023)
5. Koo M.G. 2020. The Hegemonic Competition in the Indo-Pacific Region and the Making of South Korea as a Middle Sea Power. *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 32. № 1. Pp. 1–17.
6. Chang F.K. Southeast Asian Naval Modernization and Hedging Strategies. *The Asan Forum*, 29.12.2021. <https://theasanforum.org/southeast-asian-naval-modernization-and-hedging-strategies/> (accessed 22.07.2023)
7. Карнозов В. Вьетнамский «Бал». Ханой испытал собственный противокорабельный комплекс. *Независимое военное обозрение*, 10.02.2022. https://nvo.ng.ru/armament/2022-02-10/7_1176_complex.html (accessed 15.07.2023)

- Karnozov V. Vietnamese “Ball”. Hanoi Tested Its Own Anti-Ship Missile System. *Independent Military Review*. 10.02.2022. (In Russ.). https://nvo.ng.ru/armament/2022-02-10/7_1176_complex.html (accessed 15.07.2023)
8. Федоров Н.В. Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество: вызовы и возможности для России. *Вестник РУДН: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3, с. 496–507. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-496-507
Fedorov N.V. 2017. Russian-Vietnamese Military-Technical Cooperation: Challenges and Opportunities for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17. № 3. Pp. 496–507. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-496-507
 9. Королев А. Стратегии средних держав в отношении великих держав. *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 1, с. 90–104. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
Korolev A. 2018. Strategies of Middle-Sized Countries vis-a-vis Great Powers. *International Trends*. Vol. 16. № 1. Pp. 90–104. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8
 10. Локшин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: Тирания географии и здравый смысл. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2013. Вып. 21, с. 77–100.
Lokshin G.M. 2013. Vietnam-China Relations: Pressure of Geography and Common Sense. *South East Asia: Actual Problems of Development*. Issue 21. Pp. 77–100. Moscow. (In Russ.)
 11. Ермолаева Е.М. Формирование и развитие идеологии внешней политики Республики Корея. *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 7, с. 39–50. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.7.33554
Ermolaeva E.M. 2020. Formation and Development of Foreign Policy Ideology of the Republic of Korea. *Genesis: Historical Studies*. № 7. Pp. 39–50. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-868X.2020.7.33554
 12. Акматалиева А.М. Перспективы и ограничения QUAD как нового актора безопасности в Тихом и Индийском океане. *Вестник КРСУ*. Бишкек. 2021. Т. 21. № 11, с. 123–128.
Akmatalieva A.M. 2021. Perspectives and Limitations of QUAD as a New Security Actor in the Pacific and Indian Ocean. *Vestnik KRSU*. Vol. 21. № 11. Pp. 123–128. Bishkek. (In Russ.)
 13. Федоров Н.В. Проблема конкуренции России и США на рынке вооружений Вьетнама. *Россия и Америка в современном глобальном мире. Сборник докладов XXVII Российско-американского семинара в СПбГУ, 14–15 мая 2018 г.* Под ред. Б.А.Ширяева, Н.А.Цветковой, К.В.Минковой, Ю.К.Богуславской. СПбГУ, 2020, с. 124–131.
Fedorov N.V. 2020. The Problem of Competition of Russia and the US at the Arms Market of Vietnam. *Russia and America in the Contemporary Global World. Collection of Papers of XXVII Russian-American Seminar in the SPBU, May 14–15 2018*. Eds. B.A.Shiriaev, N.A.Tsvetkova, K.V.Minkova, Yu.K.Boguslavskaya. St. Petersburg, Pp. 124–131. (In Russ.)
 14. Lee Jaehyon. 2019. Korea’s New Southern Policy: Motivations of ‘Peace Cooperation’ and Implications for the Korean Peninsula. *The Asan Institute for Policy Studies. Issue Brief*. № 7, Pp. 1–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Федоров Николай Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ; доцент кафедры международных отношений и политических процессов стран Азии и Африки Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Nikolai V. Fedorov, PhD (History). Senior Lecturer, Department of American Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University; Associate Professor, Department of International Relations and Political Processes of Asian and African States, Institute of Asian and African Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 02.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 21.10.2023

DOI: 10.31857/S032150750028647-3

The State Governance in the Coming Digital Age: Implications for China

© Cheng Guo^{a,b}, 2023^aNanjing University of Science and Technology, Nanjing, China^bPatrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4927-6596; ivanc25@yahoo.com

Abstract. The digital transformation, as the main trend in this coming Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0.), is not only leading a new round of economic and industrial transformation, but also reshaping society and fundamentally transforming state governance.

How to manage the state governance in this digital age is becoming the vital question for many countries in the post COVID-19 era. How to adjust the state governance rules and methods in accordance with the emerging digital technologies to boost the socio-economic growth and development?

This article provides the analysis of state governance in the digital age both at theoretical and practical levels, from Chinese perspective. It focuses on the governance changes that digital transformation brings with the traditional institutionalism, defines the state of the coming digital era, observes China's state governance transformation in this process, and finally offers the implications of "Chinese model" in terms of state-led development in this digital age. The main research methodologies mainly contain analytical, comparative, and inductive.

Keywords: State Governance, Digital Transformation, Digital Economy, Digital Technologies, Chinese Model, Institutionalism, Governance Change

For citation: Cheng Guo (China). The State Governance in the Coming Digital Age: Implications for China. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 63–70. DOI: 10.31857/S032150750028647-3

INTRODUCTION

The world is dramatically transforming in the context of the Fourth Industry Revolution (Industry 4.0.), digital transformation is the most macro era change faced by state and non-state actors. This change triggered and shaped by the widespread dissemination and application of digital technology, which leads to the creation of the digital economy as a new development model, has not only brought significant change for individuals and organizations, but also has a profound impact on state governance.

In the recent years, there were many proposals to realize the modernization of the state governance system and its capabilities, and the discussion on state governance has gradually become a main topic among the academic circle. Relevant studies have provided theoretical outlook and empirical research in terms of the power allocation form and content of state governance, and the structural characteristics of the state governance system, which has enriched the understanding of the actual status and goals of state governance. Existing research focuses on the analysis of the structural linkages between governance subjects at the micro and macro levels, and the discussion of specific services and management activities. However lack of the macroscopic meaning of state governance, particularly the connotation of the overall government performance leads to the relatively limited effectiveness of general governance efforts in the coming digital era.

In fact, state governance not only involves specific activities, but also includes national strategies, legislations and regulations that go beyond specific governance activities and take into account the development of social life. At the same time, differ from Western school of governance theories, which tend to "de-centralize" government authority ("small government" theory) and insist on a polycentric orientation, China's concept of state governance advocates that state is a symbol of combined public and administrative power, and focuses on the state role of governing and management [1]. The organic combination of the reasons of governing is the process in which the authorities allocate power and resources through administrative, legislative and judicial organs, and implements the Whole-of-Government approaches.

Although some studies have focused on the digital transformation as the emerging factor and its impact on governance activities, they have limited this digital factor to specific areas such as digital government and smart communities, ignoring the systematization and integration of society brought by the unique characteristics of digital technology, and the resulting changes in the process and effect of state governance.

GOVERNANCE CHANGES

The term “governance” originated in the 14th century, and it has a special meaning since the transformation from “government” to “governance” in the 1980s [2].

Governance refers to the formation and maintenance of rules and order, but in this process, due to the dynamic development and changes of the objects of governance as the social elements and relations within the scope of governance, structural imbalances and deviations will gradually accumulate and lead to social contradictions. If these contradictions cannot be digested and resolved in the original governance mode, governance changes will become inevitable. Governance change is an important content of state governance research, and it is also a dynamic and overall grasp of governance issues.

Institutionalism and social transformation theory are the key theories in research of governance. Institutionalism, as a general approach to governance, includes a wide range of theoretical schools; both old institutionalism and new institutionalism tend to believe that institutions are an important factor [3]. The difference between the both is that old institutionalism is lack of comparative research to describe measures and policy outcomes, while new institutionalism emphasizes the endogenous nature of institutions; the form and function depend on the conditions under which it is produced and maintained [4]. When discussing governance issues, institutionalism regards institutions as the key to explain governance mechanisms, models, and effects, which defined differently according to the case analysis.

Historical institutionalism believes that institutions are the means to promote the development of history of a nation along a certain path [5]. Some historical institutionalists believe that institutions are the only factors that produce historical effects, technological elements are clearly rarely included in their analytical framework [6]. Meanwhile, historical institutionalism emphasizes the continuous role of institutions and the path-dependent characteristics of national development, when comparing countries, relevant analysis tends to type and copy the way of state governance mainly based on Western schools, ignoring the differences of institutional environments between countries. The commonality of governance that may arise when similar problems also lose their explanatory power in the face of dynamic facts such as the country’s adaptation to the environment through reforms and the proactive adjustment of governance methods.

Compared with historical institutionalism, which is good at explaining “invariance” in governance, the Great Transformation theory provides another way of state governance research, which is more suitable for explaining “change” in governance [6]. The theory of social transformation is not limited to the description and division of governance types at the organizational or national levels, but based on the macro background, it explores how the market economy and the high development of free capital in industrial society have brought about the mismatch between economic elements and the original social structure, which would lead to inequality and social instability.

This idea also incorporates technologies and other elements into the analysis framework. Relevant research such as the governance crisis in post-industrial society and network society can be regarded as technological changes and the continued development of social transformation theories, all of which are derived from the social aspects inherent in state governance, from the perspective of various elements and the balance (imbalance) relationship between elements, and then analyze state governance and its changes [7]. Entering into the digital age, digital technologies and the subsequent social systemic changes have reshaped the balance of the original society, and thus are becoming the key factor to state governance.

THE ERA OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Research on digital technology has become a highly-focused topic in the context of the rapid development of technology and the continuous diffusion of social influence. Technological progress has always been con-

sidered as an important driving force of socio-economic change, the technological determinism theory even regarded technologies as a determinant of social change [9].

The general definition of digital technologies and digital transformation is still in formation as it dynamically continues upgrading and modernizing [10, pp. 272–273]. At current stage, digital technologies mainly contain data-driven cutting edge sectors as ICT, AI, big data, cloud computing, and blockchain [11]. The digital economy functions as combination of applied digital technologies and plays the leading role in today's global economic growth and post-COVID recovery. Furthermore, digital technology has brand-new characteristics in which different from previous agricultural technology and industrial technology, making it present a unique logic mechanism when it exerts influence: on the one hand, digital technology is flexible and scalable, that is, the coding, components, and modules of digital technology can be replaced and upgraded relatively easily at low cost; on the other hand, digital technology is generative and innovative that could achieve improvement and functional leap through self-replication and multiple iterations, and is more suitable for adapting to complex environmental changes.

CHINA IN THE DIGITAL TRANSFORMATION ERA

The core factor of China's rise since the new century can be summarized as its state governance efficiency in accordance with its political system, China's state governance model generally provides its cohesive and long-term socio-economic policies under its stable domestic political climate, has promoted China's outstanding economic development with certain universal significance. In particular, at the leadership level, many officials are appointed for their technical expertise, making China in a "technocracy" in this coming digital age.

As a result, this factor shows its comparative advantage: in recent years, Chinese government took the lead in implementing its "digital governance" policy, focusing on the major digital construction such as smart governance, smart city, government cloud, and government big data market. The increasing use of social media platforms, portals, and planning support systems have generally and effectively promoted smart governments and services, and related e-participation [12].

China demonstrates to the world its huge potential as a digital power. China's digital economy has grown exponentially in the past decade, becoming its dominant economic force. From 2014 to 2019, the contribution of the digital economy in China's GDP growth was significant and exceeded 50% [13].

Despite the COVID-19 pandemic, the scale of China's digital economy reached \$5.8 trillion in 2020, accounting 38.6% of China's GDP. It reached to \$7.1 trillion in 2021 and then grew to \$7.25 trillion in 2022, ranking second in the world. By 2023, 51.3% of China's GDP is expected to be linked to the digital economy [13].

Table. Main Government-led Digital Initiatives and Regulations in China

Main Government Initiatives	Main Regulatory Legislation	The Related Core Concept from the Past Chinese Leadership
January 2022: <i>Fintech Development Plan for 2022-2025</i> : development of digital finance domestically; February 2022: <i>"Eastern Data, Western Computing" Plan</i> : creation of 4 regional hubs to enhance national computing capacity; July 2022: <i>Measures for Data Export Security Assessment</i> : measures detailing requirements for security reviews for cross-border data transfer	February 2021: <i>New Anti-Monopoly Guidelines</i> : prevent market monopoly by giant internet platforms, increase scrutiny of e-commerce marketplaces, and safeguard consumers; June 2021: <i>Data Security Law</i> : legal framework on information security and data privacy protection; November 2021: <i>Personal Information Protection Law</i> : data privacy protection	Chairman Jiang Zemin: <i>Three Represents Concept</i> : represent the development trend of China's advanced productive forces; Chairman Hu Jintao: <i>Scientific Development Concept</i> : incorporates scientific socialism, sustainable development, social welfare, a humanistic society through accelerating the transformation of the economic development pattern and promote growth led by innovation

Compiled by the author based on: National Development and Reform Commission. Promoting the Healthy Development of the Digital Economy in China. Qiushi Journal. 2022. http://en.qstheory.cn/2022-03/03/c_720696.htm (accessed 30.05.2023)

At the policy level, Chinese government has made the digital economy a critical part of its national strategy. Both the 13th and 14th Five-Year Plans provide the coherent and detailed roadmap and incentives to develop this new economic model [14].

The digitalization of Chinese enterprises under strong government support serves as the cornerstone of China's progress in its digital economy. Enterprises in the fields of fintech (Financial technologies), ICT, and IoT (Internet of Things) play the leading role in this digitalization round and invested heavily in digital technologies.

Another milestone of China's digital transformation efforts is the launch of digital renminbi. Over the past years, Chinese government has effectively promoted its digital renminbi. During the pandemic, the central government piloted the launch of digital renminbi in its megacities and then expanded to its major regions, now China is becoming the first major economy to launch an official central bank digital currency [10].

Table partially shows China's state governance rules in this digital age that could be characterized as "government regulation takes first step in policymaking, government plans can be coherently initiated under the regulations". This differs from the US-led Western state governance philosophy which creates monopoly efforts in the vertical integrated market systems in digital world and advocates de-regulation efforts in favour of big tech companies and interest groups. Furthermore, the Three Represents Concept was proposed during the initial step of the digital transformation process, then the Scientific Development Concept provides the strategic direction for China's long-term development in this digital age.

CHINA'S DIGITAL ECONOMY-DRIVEN DEVELOPMENT MODEL: IMPLICATIONS

When institutionalism explains the effectiveness of state governance, it often takes the institutional type and state governance model as the starting point. Some researchers offer the case analysis from historical perspective [15]. With the advent of the digital age, some latest research attempts to explain the differences in the development of the digital economy in various countries from the perspective of business environments such as institutions and laws [16]. The rapid development of China's digital economy is often considered to be supported by the government and as a result of being driven by the institutional environment [17].

Although strong government support provides great significance to the vigorous development of China's digital economy, historical evidence indicates that in China, the role of the government is more centred in the middle stage of the development of the digital economy than in the early stage [18]. Firstly, at the beginning of the 21st century, like other developing countries, China did not stand out in terms of internet infrastructure investment and coverage; secondly, the current Chinese giant companies in internet network industry, interpreted as "BAT" (Baidu, Ali, and Tencent) initially invested by foreign capital.

At that time, the government focused on supporting state-owned enterprises in ICT sector. Finally, under the government support for the domestic digital enterprises, regulations and measures have effectively assisted Chinese enterprises to promote business in the domestic market, but the real starting point of these approaches' impact on domestic digital companies such as "BAT" took shape and grew, and began to be significantly enlarged and strengthened is since 2010.

From this point of view, the relatively underdeveloped markets and network infrastructure, and insufficient domestic capital investment that rely on access restrictions to maintain the comprehensive conditions of China's digital economy in the early stages of development are relatively weak. In comparison, the US has created better conditions for the development of digital enterprises by virtue of its long-term institutional and technological environment.

Many American digital companies operated relatively mature traditional services in a digital mode at the earliest stage: for example, digital e-commerce has an origin relationship with the long-existing trade catalogs in American market; the "sharing" model in the digital age has directly inherited the complete short-term rental system in American automobile and housing industries; technologies such as mobile finance and cloud services have been developed in American companies before the acceleration of digitalization evolution [19].

These key digital industries have risen rapidly with technology empowerment under the effective satisfaction of clear needs in the United States.

The combination of China's governance effectiveness and development of China's digital economy along the line of thinking that the system is a key explanatory variable, for China and the United States, China's digital technologies companies can be described as "congenitally deficient", and it's difficult to have a market that surpasses the American market as a whole. In terms of comprehensive strength in the development stage, it is even more difficult for Chinese companies to compete with American companies which emphasize economic efficiency and have first-mover advantages under the "big business, small government" model. In the analytical framework in which institutionalism tends to form path dependence, China's digital economy should be in a state of lagging behind and catching up under the conditions of a relatively disadvantaged institutional environment.

Surprisingly, China has not only realized the rapid development of the digital economy, but also is overtaking the United States in e-commerce, electronic service market, financial technology market and other fields. China is the global largest e-commerce market, generating nearly 50% of the global transactions. The COVID-19 pandemic and the national lockdown boosted e-commerce growth in China: China's online retail transactions reached more than 710 million digital buyers, reaching \$2.29 trillion in 2020, and it's expected to reach \$3.56 trillion by 2024.

In 2021, China surpassed the United States and became the largest market for e-commerce with revenue of \$1.5 trillion [20]. This indicates the different governance effects under the same institutional model. Institutionalism seems to have lost its explanatory power here. Existing case studies believe that the development of the digital economy in China and the United States has different driving forces [21]. The main driving force in China is neither the existing market trend nor powerful digital technology, but the growth of the service sector amidst the ever-growing social needs.

In other words, although China's digital economy faced institutional disadvantages such as underdeveloped enterprises and weakened social services in the early stages, these disadvantages have instead created opportunities for domestic digital companies. In the case of China's digital economy development, the system is not the only influencing factor, and demand or scale has become an important explanatory variable. For example, in the field of e-commerce, the advantage of scale has become a key driver of the growth.

The demand for new technologies from China's 1.032 billion Internet users has directly impacted on the technology accumulation and first-mover advantage of the United States in this field. In particular, Chinese government plays the leading role not only in developing advanced ICT technologies as 5G and even 6G, but also focusing on their surveillance use to beneficial the majority of Chinese people. By the end of 2022, China has put 2.31 million 5G base stations into operation, and the number of 5G users in the country had reached 561 million, accounting for more than 60% of global total [22].

Today, the emerging "Chinese model", representing the benchmark of the non-Western model, has gained attention both at the academic and practical levels. China's development model, generally characterized as state-led development model, emphasizing the role of central government in socio-economic development policymaking and focusing on good governance that prioritize development and efficiency, is becoming a reliable development model for countries in the Global South. The Good Governance is increasingly reflected in Whole-of-Government reform practices in response to socio-economic issues, particularly China's market-oriented reforms and modernization [23].

The digital transformation in the economic field has provided new opportunities to the development of Chinese enterprises and the entire national economy, however the role of digital transformation is not limited to this. With the rise of the digital economy, the digital industry has become a new development axis. This trend has been significantly indicated in the post-COVID-19 pandemic recovery: despite the global public health crisis.

China's digital economy is rebounding significantly and becoming the driving force of its economic growth [10]. Chinese government has also been significantly promoted certain fields and industries closely related to the digital industry. Digital transformation has profoundly changed the development path of many social and economic fields, making breakthrough to the original governance model, and creating different state governance effects.

In the study of the similarities and differences of the state governance between different countries, institutionalism often regards its historical and cultural heritage, and institutional foundation as key factors for the

formation of national strategies and governance methods. For example, new institutionalism defines institutions in a relatively broader way, which includes not only formal rules, procedures, and norms, but also cultural categories [24].

Relevant studies believe that the reason countries adopt certain governance mechanisms and means is not because these mechanisms and means are the most efficient, but because they have social legitimacy and fit the cultural environment in which the country lives [25]. However, in the coming digital age, differences in state governance due to culture factors have tended to weaken, which could lead to similar governance methods among different countries.

For a long time, China's state governance has been dominated by the government, the role of enterprises and society has been limited to main areas such as market operation and community building. In the digital age, the importance of corporate entities and their role in China's state governance have gradually increased, and China's state governance has begun to resemble the "American model" that emphasizes corporative subjectivity and initiative.

Firstly, China has shown a clear and positive reform plan in terms of business environment, and has adopted a series of measures to strengthen the nature of government services, such as reducing the difficulty of entrepreneurship and project approval, simplifying project permits, tax payment and bankruptcy liquidation procedures, and encouraging the establishment of township e-commerce enterprises. These measures will not only reduce the government's administrative monopoly power, but also save the operating costs of enterprises and activate market factors.

Secondly, after years of growth and accumulation of the digital economy, a number of digital corporate giants have emerged. These companies have begun to lead the way and provide funding in encouraging R&D and cultivating talents, and are becoming important participants in the national scientific research plans and major projects. For example, China's top giant in ICT sector, Huawei, has 3,147 5G standard patent declarations, ranking first in the world [26]. Tencent established the "Science and Technology Excellence Scholarship" to encourage more young talents in R&D, and Baidu led the establishment of the first deep learning national engineering laboratory in cooperation with Tsinghua University, expanding its influence among "digital" talents [27].

Thirdly, digital enterprises, especially platform enterprises, have gradually connected into all social life by virtue of their mature operating models, advanced technological means and rich data resources, not only affecting the formulation of rules regulating market and non-market relations between organizations, but also in non-traditional economic fields such as rural poverty alleviation and revitalization, and urban community construction. Thus digital enterprises are also playing an increasingly important role in China's state governance in this coming digital age.

CONCLUSION

Digital transformation has brought new changes and partial convergence of state governance methods. The "China model" has begun to emphasize the dominant position of enterprises and move toward pluralistic governance. These new governance methods and trends cannot be fully explained by differences in national and cultural systems. Although the existence of similar governance methods among countries is not a new phenomenon, the particularity of this part of the discussion is that these similarities originate from the common governance issues in the digital transformation, and are displayed in the continuous generation of linkage structures based on digital technologies.

Digital transformation has made "demand orientation" and "scale orientation" a new development mechanism for China. The increase number of governance-led digital constructions reflects the wide range of collaboration through both top-down and bottom-up approaches could lead to gradual changes in government organizations, new relations between governments, and the private sectors, thus triggers the transformation of China's state governance system. However, the rapid development of digital governance also spawned a series of emerging legal issues, which had a huge impact on China's legal system.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bai Z.L. & Liu J. China's governance model and system in transition. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2020. 9(1). Pp. 65–82. DOI:10.1080/24761028.2020.1744229
2. Governance in the 21st Century. OECD. 2001. <https://www.oecd.org/futures/17394484.pdf> (accessed 05.05.2023)
3. Farrell H. 2018. The Shared Challenges of Institutional Theories: Rational Choice, Historical Institutionalism, and Sociological Institutionalism. In: Glückler, J., Suddaby, R., Lenz, R. (eds) *Knowledge and Institutions*. Knowledge and Space, vol. 13. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-75328-7_2
4. Seth A., Turner J.H. 2011. The Old Institutionalism Meets the New Institutionalism. *Sociological Perspectives*. 54(3). Pp. 283–306.
5. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics. *Annual Review of Political Science* 1999. 2. Pp. 369–404.
6. Fioretos O. Historical Institutionalism in International Relations. *International Organization*. 2011. 65 (2). Pp. 367–399.
7. Polanyi K. 2001. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. 2nd ed. Foreword by Joseph E. Stiglitz; introduction by Fred Block. Boston: Beacon Press. ISBN 9780807056431
8. Ampuja M., Koivisto J. From 'Post-Industrial' to 'Network Society' and Beyond: The Political Conjunctions and Current Crisis of Information Society Theory. 2014. *Triple C*. 12(2). Pp. 447–463. DOI:10.31269/triplec.v12i2.568
9. Hauer T. Technological determinism and new media. *International Journal of English, Literature and Social Science*. 2017. 2(2). Pp. 1–4.
10. Cheng G. China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. 22(2). Pp. 271–287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287>
11. Digital technologies for a new future. eLAC. United Nations. 2022. https://cepal.org/sites/default/files/publication/files/46817/S2000960_en.pdf (accessed 10.05.2023)
12. Lin Y. A comparison of selected Western and Chinese smart governance: The application of ICT in governmental management, participation and collaboration. *Telecommunications Policy*. 2018. 42(10). Pp. 800–809.
13. Zhongguo shuzijingji fazhan baogao. (Report on China's Digital economy Development). CAICT. 2022. <http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202208/P020220819505049573088.pdf> (In Chin.). (accessed 05.05.2023)
14. Чэн Го. Цифровая экономика в 13-й и 14-й пятилетках КНР: последствия. *Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.)*; сост. П.Б.Каменнов, А.Д.Александрова; отв. ред. А.В.Островский. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 198–211.
Cheng G. 2022. Digital economy in China's 13th Five Year Plan and the 14th Five Year Plan: implications. *New Horizons of the Chinese Economy in the 14th Five Year Plan (2021–2025)* / comp. P.B.Kamennov, A.D.Alexandrova; ed. A.V.Ostrovsky. Moscow. Pp. 198–211.
15. Kapás J. Industrial revolutions and the evolution of the firm's organization: an historical perspective. *Journal of Innovation Economics & Management*. 2008. 2(2). Pp. 15–33.
16. Zhang J. Z. et al. The Impact of Digital Economy on the Economic Growth and the Development Strategies in the post-COVID-19 Era: Evidence From Countries Along the "Belt and Road". *Front. Public Health* 10:856142. DOI: 10.3389/fpubh.2022.856142
17. Ding C.H. et al. Digital Economy, Technological Innovation and High-Quality Economic Development: Based on Spatial Effect and Mediation Effect. *Sustainability* 2022. 14(1). p. 216. <https://doi.org/10.3390/su14010216>
18. China's Digital Economy: a Leading Global Force. McKinsey Global Institute. 2017. <https://mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/China/Chinas%20digital%20economy%20A%20leading%20global%20force/MGI-Chinas-digital-economy-A-leading-global-force.ashx>
19. Crémer J., Montjoye Y., Schweitzer H. Competition Policy for the Digital Era. European Commission. 2019. <https://ec.europa.eu/competition/publications/reports/kd0419345enn.pdf>
20. China - Country Commercial Guide. International Trade Administration. 2023. <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/china-ecommerce> (accessed 13.05.2023)
21. Li B., Zhang S. Research on the development path of China's digital trade under the background of the digital economy. *Journal of Internet and Digital Economics*. 2022. 2 (1). Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1108/JIDE-10-2021-0010>
22. China's digital economy grew to 50.2t yuan in 2022: report. Xinhua. 2023. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202304/28/WS644b3433a310b6054fad05ef.html> (accessed 16.05.2023)
23. Li H. The Chinese Model of Development and Its Implications. *World Journal of Social Science Research*. 2015. 2(2). Pp. 128–138.
24. Sauerland D. Ideologies, Institutions, and the New Institutionalism. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, Vol. 11. Oxford: Elsevier. 2015. Pp. 561–572.
25. Collier P. 2017. Culture, Politics, and Economic Development. *Annual Review of Political Science*. 20. Pp. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051215-024720>

26. Eshan W. The Global Ranking of 5G Standard Essential Patents is Released: Huawei No. 1 Xiaomi Enters The Top Ten For The First Time. *Gamingdeputy*. May 9, 2023. <https://www.gamingdeputy.com/the-global-ranking-of-5g-standard-essential-patents-is-released-huawei-no-1-xiaomi-enters-the-top-ten-for-the-first-time-yqq1m/> (accessed 23.05.2023)
27. Chang C. China's Tech Giants Signal the First Steps in a Bumpy Recovery. *The New York Times*. May 19, 2023. <https://www.nytimes.com/2023/05/19/technology/alibaba-baidu-tencent-q1-earnings.html> (accessed 23.05.2023)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Cheng Guo (China), PhD (History), Researcher, School of Foreign Studies, Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, China; PhD student, Department of Political Analysis and Management, Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia.

Чэн Го (КНР) кандидат исторических наук, научный сотрудник, Школа иностранных языков, Нанкинский университет науки и технологий, Нанкин, КНР; аспирант, кафедра политического анализа и управления, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 19.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 30.09.2023

DOI: 10.31857/S032150750028612-5

Демографический кризис в Республике Корея: история, специфика, перспективы

© Красова Е.В.^{a,b}, Москальонова А.А.^{a,c}, 2023

^a Владивостокский государственный университет,
Владивосток, Россия

^b ORCID: 0000-0001-7847-0385; elena_krasova@rambler.ru

^c ORCID: 0009-0005-0312-6711; anastasiya.moskalonova@vvsu.ru

Резюме. Статья посвящена демографическому развитию Республики Корея, которая в последние десятилетия столкнулась с быстрым падением рождаемости. Конец 2010-х – начало 2020-х гг. – период антирекордов для страны по сокращению численности населения (с 2020 г.), одним из самых низких в мире коэффициентов брачности и рождаемости. В статье представлены этапы демографического развития в Республике Корея в XX–XXI вв., различающиеся характером и условиями протекания демографических процессов. Особо выделены этапы перелома тенденций рождаемости, возникшие в 1960-х гг. вследствие экономических реформ и государственной политики демографического контроля, проводимой в формате программ планирования семьи. Обозначены национальные особенности демографического кризиса в Республике Корея, в числе которых: «чрезмерная эффективность» демографического контроля, кардинальное изменение отношения корейцев к семье и деторождению, высокие затраты на воспитание и образование детей. Сделан вывод о неблагоприятном влиянии демографического кризиса на будущее страны.

Ключевые слова: Республика Корея, демографический кризис, демографический контроль, планирование семьи, демографическая политика Республики Корея

Для цитирования: Красова Е.В., Москальонова А.А. (Владивосток). Демографический кризис в Республике Корея: история, специфика, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 71–79. DOI: 10.31857/S032150750028612-5

Demographic Crisis in the Republic of Korea: History, Specifics, Perspectives

© Krasova E.V.^{a,b}, Moskalyonova A.A.^{a,c}, 2023

^a Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

^b ORCID: 0000-0001-7847-0385; elena_krasova@rambler.ru

^c ORCID: 0009-0005-0312-6711; anastasiya.moskalonova@vvsu.ru

Abstract. The article deals with demographic development of the Republic of Korea, which has experienced a rapid decline in birth rate in recent decades. Late 2010s – early 2020s is a period of anti-records for the country in a decrease in population (since 2020), in one of the lowest marriage and birth rates in the world. The article presents stages of demographic transition in the Republic of Korea in the 20th–21st centuries. The stages differ by nature and conditions of demographic processes. The article highlights fertility transition stages from the 1960s due to economic reforms and Government policy of population control by means of family planning programs. National features of the Korean demographic crisis are outlined, including: “excessive effectiveness” of the population control, transformation of Koreans’ attitude to family and childbearing, high costs for raising and educating children. There is a conclusion about negative impact of the demographic crisis on the country’s future.

Keywords: Republic of Korea, demographic crisis, population control, family planning, Republic of Korea’s demographic policy

For citation: Krasova E.V., Moskalyonova A.A. (Vladivostok). Demographic Crisis in the Republic of Korea: History, Specifics, Perspectives. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 71–79. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028612-5

ВВЕДЕНИЕ

Республика Корея (РК), будучи небольшой и небогатой ресурсами страной, менее чем за полвека превратилась из бедной, отсталой страны в одну из крупных экономик мира. По данным Всемирного банка за 2022 г., страна с объемом ВВП \$1,8 трлн находится на 10-м месте в мировом рейтинге ВВП, производя 1,9% мирового совокупного продукта. ВВП на душу населения РК составляет \$46,9 тыс., что на 9,2% больше, чем в Японии, и в 2,4 раза больше, чем в Китае¹. РК занимает 1-е место в мире по индексу инноваций от *Bloomberg*², 6-е – по глобальному инновационному индексу³ и относится к странам с высоким уровнем дохода.

Тем не менее за свое «экономическое чудо» Республика Корея заплатила высокую цену в виде депопуляции. В целом снижение естественного прироста и старение населения присущи многим развитым странам, однако для РК демографическая проблема является не просто актуальной, а очень острой, поскольку статистика последних лет говорит о сильном ухудшении ситуации. Так, в 2018 г. коэффициент рождаемости опустился ниже психологической отметки – 1,0, в то время как для сохранения численности населения на одном уровне нужен коэффициент рождаемости выше 2,0 рождений на женщину. В 2017 г. годовая численность родившихся опустилась ниже 400 тыс. чел., а в 2020 г. – ниже 300 тыс., тогда как еще в 2000 г. составляла 640 тыс. Если за период 2000–2015 гг. среднегодовые темпы снижения числа родившихся составляли 2,1%, то в период 2015–2021 гг. – уже 6,8%. В 2020 г. впервые в истории РК зафиксирован отрицательный естественный прирост, когда число умерших превысило число родившихся, а сама Корея стала страной с самым низким в мире уровнем рождаемости – 0,84 [1].

Демографическая проблема вызывает серьезную озабоченность у южнокорейских лидеров, ученых и общества в целом. Для других стран, вступивших на путь интенсивного развития и сделавших своим приоритетом качество жизни, Республика Корея является хорошим примером «побочных эффектов» быстрого экономического роста и различного рода «инновационных чудес». Депопуляция в стране со значительным технологическим и экономическим потенциалом требует пристального внимания, поскольку неизбежно влияет на общемировую ситуацию. Целью настоящего исследования является актуализация проблемы южнокорейского демографического кризиса через рассмотрение его исторического контекста и выявление специфики демографического перехода с определением перспектив сложившейся ситуации.

ИСТОРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Коренные демографические изменения в Республике Корея произошли за исторически короткий промежуток времени, хотя и не были однородными. Выделяют несколько этапов демографического развития в стране, различающихся характером и условиями протекания демографических процессов; здесь используется периодизация, предложенная южнокорейским социологом Д.-С. Кимом [2].

I. *Традиционный этап* (до 1910 г.) характеризуется низкими, но стабильными темпами роста населения. Корейская империя представляла собой типичное аграрное общество, в котором высокая рождаемость компенсировалась относительно высокой смертностью при незначительных масштабах миграции. Негативное влияние на демографию оказывали как внутренние (голод и эпидемии), так и внешние (постепенная японская экспансия и связанные с этим военные действия) факторы.

II. *Этап раннего перехода* (1910–1945 гг.) связан с периодом японского колониализма и утратой суверенного статуса корейским государством. Для этого периода характерны высокие темпы рождаемости и роста численности населения, а также усилившаяся эмиграция корейских крестьян в Японию и Маньчжурию. Важным фактором демографического роста явилось улучшение медицинской инфраструктуры в Корее за счет модернизации экономики японцами.

III. *Этап хаоса* (1945–1960 гг.) вызван разделением Корейского полуострова на два самостоятельных государства и Корейской войной 1950–1953 гг. Показатели роста населения на данном этапе остались

¹ Рассчитано по данным ВБ за 2021 г. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (accessed 03.06.2023).

² South Korea Leads World in Innovation as U.S. Exits Top Ten. 03.02.2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-03/south-korea-leads-world-in-innovation-u-s-drops-out-of-top-10> (accessed 03.06.2023)

³ https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2022/ (accessed 03.06.2023)

достаточно высокими (за исключением периода 1949–1955 гг.), что было вызвано снижением смертности за счет созданной ранее социальной и медицинской инфраструктуры, инерционности процессов рождаемости, а также обратным притоком корейцев из Японии и Маньчжурии и беженцев из Северной Кореи. Тем не менее к 1960 г. РК представляла собой государство третьего мира с низкой продолжительностью жизни, многодетными и патриархальными семьями, преобладанием сельского населения над городским, экономической нестабильностью и бедностью [3, с. 86].

IV. *Этап позднего перехода (First fertility transition)* (1960–1985 гг.) характеризовался активной государственной политикой по ограничению роста численности населения, которое и заложило основу для современного демографического кризиса РК (см. *граф.* 1).

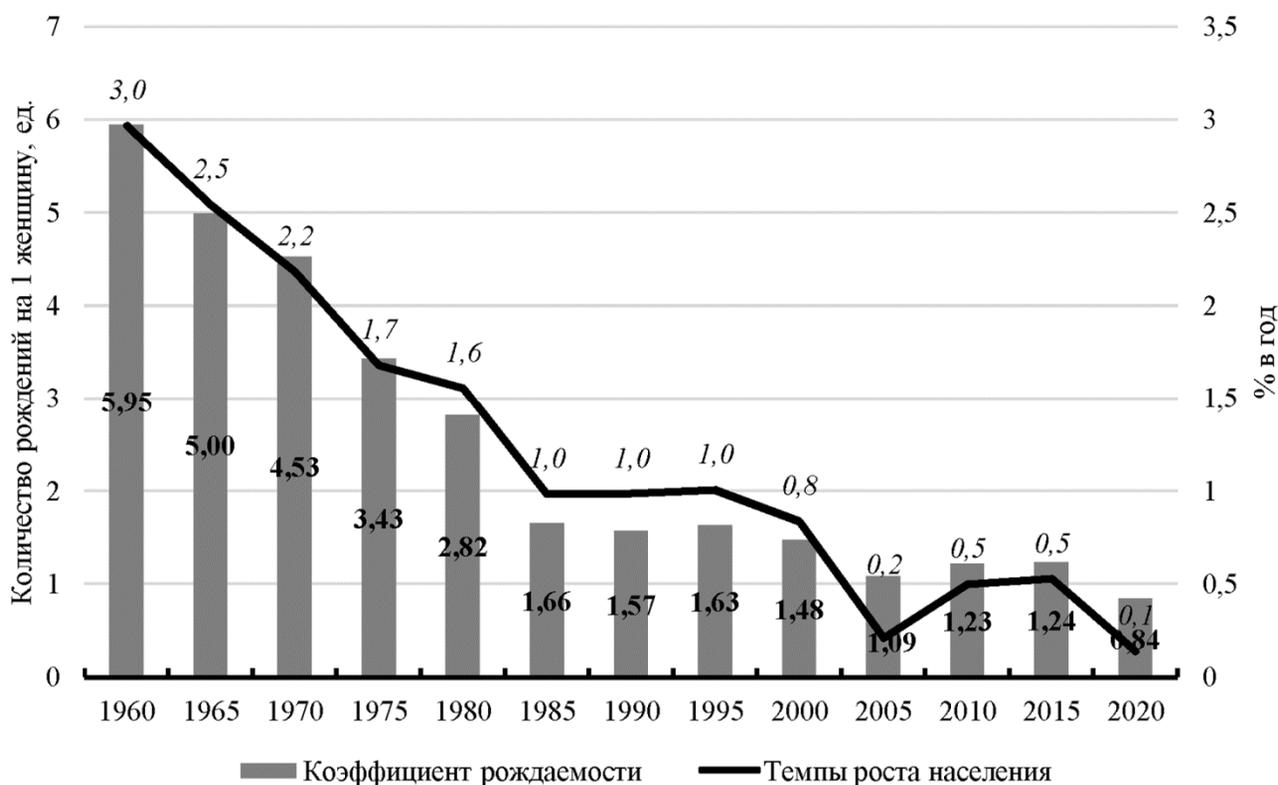

График 1. Динамика коэффициента рождаемости и темпов прироста населения в Республике Корея с 1960 по 2020 г.

Graph 1. Dynamics of the birth rate and population growth rate in the Republic of Korea from 1960 to 2020.

Составлено по: [1].

С 1960 г. под влиянием экономических реформ и урбанизации началась реализация политики демографического контроля, ключевым пунктом которой стали программы планирования семьи под лозунгом «Иметь меньше детей и лучше их воспитывать». Несмотря на то, что к началу 1960 г. РК уже преодолела пиковый показатель рождаемости, темпы прироста населения, по мнению правительства, оставались слишком высокими для динамичного роста экономики, увеличения подушевого дохода и обеспечения требуемого качества жизни.

Первая национальная программа планирования семьи была принята правительством президента Пак Чон Хи в 1962 г. и ставила целью понизить к 1966 г. ежегодный темп роста населения до 25 промилле. Планирование семьи «стало неотъемлемой частью различных правительственных планов развития, и закончилось очень заметным снижением рождаемости за короткий период» [4, с. 3].

На начальном этапе программы планирования семьи основной упор делался на предоставлении контрацептивов и информировании населения по вопросам планирования семьи. Основной причиной выбора «противозачаточной» стратегии являлась необходимость ограничения рождаемости в сельских районах, где проживало более 70% всего населения, ничего не знавшего о противозачаточных средствах

и не имевшего иных альтернатив самоконтроля над рождаемостью, кроме как ограничение супружеского долга [5, p. 86].

В 1968 г. для ускорения реализации программ планирования семьи Корейская федерация планирования семьи (некоммерческая волонтерская организация, созданная в 1961 г.) организовала Клубы матерей в деревнях, которых к 1976 г. насчитывалось почти 30 тыс. с 750 тыс. членов. Цели Клубов матерей заключались в создании местных добровольных движений по поощрению и распространению противозачаточных средств, в информировании населения о возможностях планирования семьи и поставках противозачаточных средств, в проведении мероприятий по ограничению рождаемости [6, p. 10].

Уже к концу 1960-х гг. были достигнуты существенные успехи в ограничении рождаемости, которая снизилась почти в 5 раз, а темпы прироста населения – в 3 раза. Урбанизация и индустриализация повысили «стоимость» рождения и обеспечения детей, а преобразование структуры семьи из расширенной в нуклеарную, вестернизация южнокорейского общества вызвали соответствующие изменения в общественных нормах относительно семьи и деторождения. По мнению ученых, снижению рождаемости активно способствовали такие факторы, как повышение возраста вступления в брак (в 1966 г. средний возраст женщин при вступлении в брак составлял 22,9 года, что на 6,3 года больше по сравнению с 1925 г.), распространение противозачаточных средств, а также легализация и распространение практики искусственного прерывания беременности [7, p. 63]. В то же время демограф К. Хауб задается вопросом: «не была ли южнокорейская демографическая политика слишком эффективной?» Объявленная правительством в 1981 г. «норма» воспроизводства населения на уровне два ребенка на семью к концу этапа была «перевыполнена». Коэффициент рождаемости снизился с 6 рождений на женщину в 1950-х гг. до 4,5 в 1970 г. и 1,74 в 1984 г. Южнокорейская «общественность хорошо отреагировала на идею маленькой и благополучной семьи», активно пропагандируемой в 1970–1980 гг. [8].

V. *Postпереходный этап (Second fertility transition to under-replacement level)* (с 1985 г. по настоящее время) характеризуется стабилизацией отрицательной динамики демографических показателей и активизацией мер по улучшению показателей рождаемости. В 1985 г. был преодолен значимый психологический рубеж: коэффициент рождаемости опустился ниже 2,0 рождений на женщину, что означало отсутствие даже простого воспроизводства населения. Учитывая это, в период президентства Ро Дэ У (1988–1993) взгляды специалистов на курс и интенсивность политики ограничения рождаемости полярно разделились. Одни специалисты утверждали, что продолжающееся снижение рождаемости сократит экономически активное население, что негативно отразится на экономическом развитии. Они полагали, что даже отмена политики планирования семьи не приведет к положительным изменениям в детородном поведении и не увеличит рождаемость. По мнению других экспертов, такая маленькая страна, как РК, должна сохранить политику ограничения рождаемости, чтобы её уровень снова не возрос и не свел на нет все предшествующие достижения.

В 1995 г. правительство президента Ким Ён Сама учредило Комитет по обсуждению политики в области народонаселения для переоценки прошлых достижений и будущих перспектив демографического развития. В 1996 г. Комитет отменил прежнюю политику контроля рождаемости и принял новую концепцию демографического развития, целями которой стали удержание показателей рождаемости на уровне, необходимом для устойчивого социально-экономического развития, содействие благополучию семей и пожилых людей, а также повышение участия женщин в трудовой деятельности [9, p. 31].

Эта политика не смогла кардинально изменить ситуацию, и можно согласиться с мнением К. Хауба о чрезмерной эффективности государственного демографического контроля 1960–1980-х гг.: политика «двух детей» вместо того, чтобы притормозить прирост численности населения в пользу повышения качества жизни, стала триггером дальнейшего снижения рождаемости.

В ответ на демографические вызовы правительство президента Но Мун Хёна инициировало новую пронаталистскую политику на 2006–2010 гг., получившую название «Новое начало» и включавшую в себя широкий перечень мер поддержки деторождения, таких как налоговые льготы, приоритет на приобретение жилья, поддержку ухода за детьми, расширение социальной инфраструктуры, внедрение детских комнат при рабочих местах, поддержку образования и помощь бесплодным парам. «Новое начало» (2006–2010 гг.) стало первым планом по борьбе с низкой фертильностью и старением населения, в рамках которого закладывались государственные меры по улучшению социально-медицинской инфраструктуры, укреплению материального положения семей с детьми и т.п.

План «Новое начало» был нацелен на повышение коэффициента рождаемости за 2005–2010 гг. с 1,08 до 1,61, характерного в целом для стран ОЭСР. Однако поставленная цель не была достигнута: рождаемость в стране выросла лишь до показателя 1,15. Правительство президента Пак Кын Хе объявило о начале реализации второго плана (2011–2015 гг.) с целью восстановления уровня рождаемости, но цели снова достичь не удалось: коэффициент рождаемости составил лишь 1,24 в 2015 г. и в последующие годы демонстрировал непрерывное падение на фоне замедления роста мировой экономики, опустившись ниже 1,0 (0,98) в 2018 г.

Третий план (2016–2020 гг.) правительства президента Мун Чжэ Ина должен был увеличить коэффициент рождаемости с 1,21 в 2014 г. до 1,50 в 2020 г., однако в 2020 г. рождаемость составила 0,84 ребенка на одну женщину – намного меньше планируемого уровня, и, более того, было впервые зафиксировано превышение числа смертей над числом рождений. Действующий ныне четвертый план по борьбе с низкой рождаемостью (2021–2025 гг.) ориентирован на улучшение качества жизни через совершенствование политики отпусков по беременности и родам, совершенствование системы выплат семьям с детьми, дальнейшее развитие социально-медицинской инфраструктуры, поддержку образовательных программ и создание новых рабочих мест.

В целом за период с начала политики демографического контроля население РК выросло на 26,6 млн чел., или примерно в 2 раза. Если бы не ограничение рождаемости, то при тех темпах роста численности населения, которые были характерны для 1950-х гг. (2,8% в год), население Кореи за период 1960–2022 гг. увеличилось бы на 77 млн чел., или в 5 раз. Иными словами, эффективность политики демографического контроля составила порядка 50 млн предотвращенных рождений. Год начала данной политики – 1960 – оказался годом с наибольшим за XX–XXI столетия числом родившихся в РК – свыше 1080 тыс. чел., а 2022 – с наименьшим числом рождений – 249 тыс. чел. График 2 наглядно показывает сокращающийся естественный прирост, который после 2019 г. стал отрицательным.

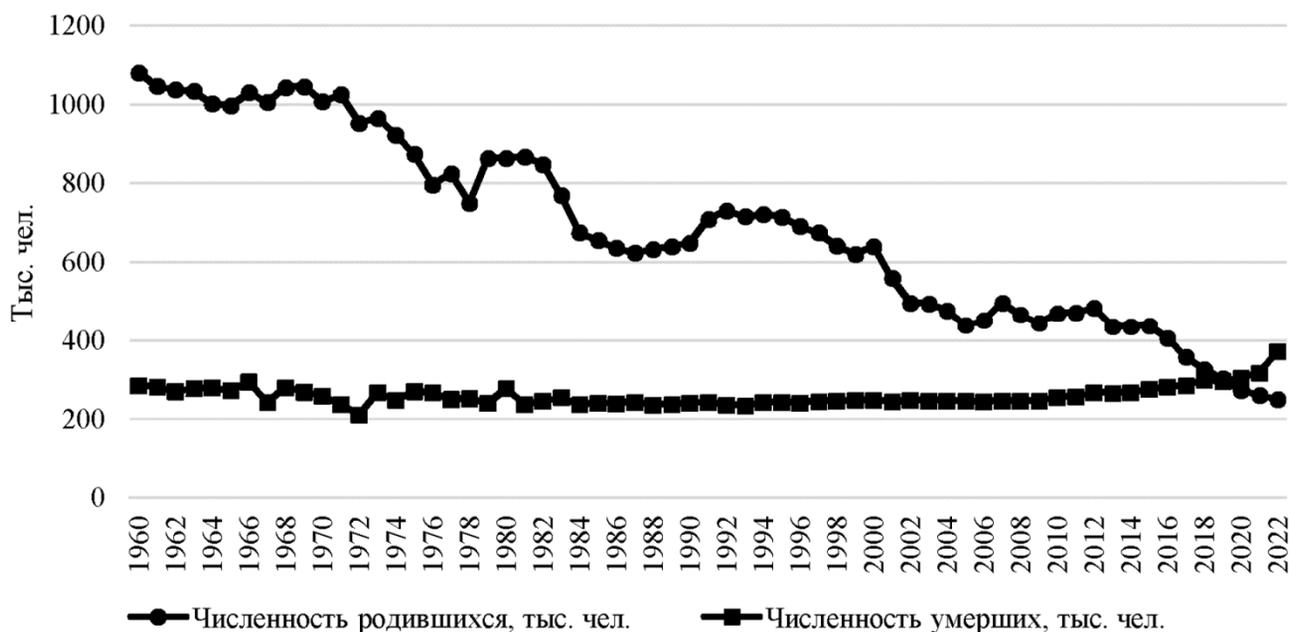

График 2. Динамика числа родившихся и умерших в Республике Корея с 1960 по 2022 г.
Graph 2. Dynamics of births and deaths number in the Republic of Korea from 1960 to 2022.

Составлено по: [1].

Депопуляцию нельзя рассматривать просто как некое явление с неясными перспективами, которыми сегодня можно пренебречь. Для любой страны это, по сути, национальное бедствие, которое негативно влияет на социально-экономическое развитие. Сокращение численности населения закономерно влечет за собой уменьшение совокупного спроса, а, значит, и потребительских расходов, уровня сбережений, инвестиций внутри страны, экономической активности в целом. В долгосрочной перспективе эволюция человеческого капитала, нацеленная на повышение производительности труда, вряд ли сможет скомпенсировать последствия демографического кризиса.

пенсировать «недополученную» рабочую силу новых малочисленных поколений. Более того, депопуляция в РК и в других развитых странах может нарушить выстроенные мировые цепочки создания стоимости, особенно в высокотехнологичных отраслях.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Как уже отмечалось выше, депопуляционные тенденции характерны для многих развитых и активно развивающихся стран. Однако, наряду с общими тенденциями, у РК есть свои особенности в протекании этих процессов.

1. *Политика демографического контроля основывалась на активном ограничении рождаемости*, т.е. усиленно воздействовала на самый уязвимый и чувствительный механизм цивилизационного развития – механизм деторождения. Как показал опыт развитых стран, столкнувшихся с депопуляцией своего коренного населения в результате экономического развития, нарушить механизм деторождения достаточно легко, а восстановить его в обозримой перспективе до приемлемой «демографической нормы» на уровне 2,1 рождения на женщину практически невозможно. Вмешательство в процесс деторождения эффективно работает, к сожалению, лишь в одну сторону – в сторону сокращения рождаемости. Правительство РК, пропагандировавшее ограничение рождаемости, явно переоценило воспроизводственный потенциал своей нации, не учло инерционности процессов, связанных с естественным приростом населения, решив, что население может «рожать или не рожать» по указаниям правительства. Корея проигнорировала негативный опыт развитых стран, многие из которых уже завершили демографический переход, сформировав так называемый «современный тип воспроизводства населения», характеризующийся феноменом «сверхнизкой рождаемости» с уровнем 1,3 рождений на женщину [10, с. 179]. Учитывая, что сегодня коэффициент рождаемости в РК (0,8) даже ниже, чем во всех развитых странах, можно говорить о «мегасверхнизкой рождаемости», которая «убьет Южную Корею» за счет сокращения численности корейцев до 40–48 млн чел. к 2050 г. и до 20 млн к 2100 г., поставив страну на путь физического вымирания⁴.

Говоря о кризисе рождаемости в развитых странах, часто упоминают заместительную миграцию как наиболее простой путь решения проблем депопуляции. С 1990-х гг. РК ежегодно принимает десятки тысяч иностранных граждан, однако миграционное сальдо в последние годы уменьшается, вплоть до отрицательного значения в 2021 г. На конец 2021 г. в стране зарегистрировано 1,094 млн проживающих иностранцев (или 2,1% всего населения), что на 12,2% меньше, чем в 2018 г. [1]. Вряд ли в ближайшем будущем корейскому обществу можно рассчитывать на устойчивый приток иностранцев, учитывая объективные трудности жизни и работы в Корее, а также сохраняющуюся практику социальной и экономической дискриминации иммигрантов.

2. *Снижение рождаемости сопровождается старением населения*. Рост качества жизни и уровня медицинского обслуживания закономерно ведут к долгой и здоровой жизни, и это положительная тенденция демографического развития РК, имеющей сегодня очень высокую продолжительность жизни – 84 года [1]. Однако в сочетании с резким падением рождаемости это формирует неустойчивую демографическую структуру, когда в основании возрастной пирамиды лежит не прочная основа из молодого поколения, полностью замещающего старое, а сужающийся «ручеек», не способный даже на простое воспроизводство поколений. Если для большинства развитых стран характерны упоминания о старении населения, то в отношении РК можно говорить о «суперстарении». Ретро- и перспективная динамика доли основных возрастных когорт населения представлена в *таблице*.

Как видно из *таблицы*, динамики долей старшей и младшей когорты характеризуются противоположными тенденциями: чем выше возраст, тем больше удельный вес данной возрастной группы. По оценкам южнокорейской статистики, к 2060 г. самой многочисленной когортой станет население старше 65 лет, а РК займет 1-е место в мире по доле пожилых людей в общей численности населения.

Учитывая неоднородность депопуляционных процессов, результаты политики демографического контроля (снижение рождаемости, рост продолжительности жизни, рост доходов на душу населения и т.д.) по-разному влияют на экономику: ученые отмечают как положительные, так и отрицательные эф-

⁴ Южную Корею убьет демография. 15.01.2018. <https://news.rambler.ru/other/38888970-zabudte-o-kndr-yuzhnuyu-koreyu-ubet-demografiya/> (accessed 07.06.2023)

факты. Однако старение населения – единственный результат, дающий одинаково негативный эффект при любом сценарии развития страны, проявляющийся в непомерной нагрузке на государственную пенсионную систему. В настоящее время коэффициент демографической нагрузки пожилых (число пожилых людей на 100 человек трудоспособного населения) составляет 23,6, а к 2050 г. этот показатель вырастет до 53,2 [11].

Таблица. Столетняя динамика долей основных возрастных когорт населения в %
(факт для 1960–2020 гг.; прогноз для 2040–2060 гг.)
Table. Centenary dynamics of the main age population cohorts shares (%)
(actual for 1960–2020; forecast for 2040–2060)

Возрастные группы	1960	1980	2000	2020	2040*	2060*	1960–2060**
9–13	11,0	11,9	6,7	4,4	2,8	2,9	-8,1
15–24	19,0	22,6	16,4	11,4	6,2	7,1	-11,9
25–49	27,8	31,0	42,2	36,8	29,0	21,5	-6,3
15–64	54,8	62,2	71,8	72,1	56,8	48,5	-6,3
65 +	2,9	3,8	7,2	15,7	34,4	43,8	+40,9

* Прогноз.

** Процентные пункты.

Составлено по: [1].

3. За время экономических реформ кардинальным образом изменилось отношение корейцев к семье, браку и деторождению. Феномен быстрой в историческом контексте смены культурно-общественных установок на противоположные – объект активных обсуждений в научной литературе. Еще в 1950–1960-е гг. Корея была страной с расширенным типом семьи, ранними и обязательными браками, четко обозначенной подчиненной ролью женщины в социальных отношениях. К 1980-м гг. в результате урбанизации многие традиционные установки касательно брака и деторождения просто ушли в прошлое: семья перестала быть фундаментальной ценностью корейцев. Разница в общественном восприятии семьи колоссальна: если в 1998 г. в соцопросах 63,3% респондентов, из которых 20,3% составляли незамужние женщины, считали, что брак – это желаемый сценарий построения личной жизни, то уже в 2005 г. в аналогичных опросах 28,6% неженатых мужчин и 50,8% незамужних женщин негативно относились к перспективам брака, а о необходимости заводить детей говорила лишь каждая четвертая женщина [7, p. 59]. Отметим актуальные сегодня процессы и явления, ранее в принципе не характерные для корейского общества.

– *Рост возраста вступления в брак и рождения детей.* До 1960 г. число женщин до 20 лет составляло более 90% всех вступающих в брак женщин [4, с. 12]. Сегодня, по данным южнокорейской статистики, средний возраст вступления в первый брак у мужчин составляет 33,7 года, у женщин – 31,3 года. Самый фертильный возраст у женщин, на который приходится наибольшее количество рождений, – 33 года [1].

– *Снижение количества браков и рост числа разводов.* Ежегодное количество браков в РК за период 1981–2000 гг. снизилось на 75 тыс., или на 18,4%, а за период 2000–2022 гг. сократилось уже на 140 тыс., или на 42,3%. Коэффициент брачности – 3,7 в 2022 г. – не только исторически низкий для Кореи уровень желания людей создать семью, но и один из самых низких показателей брачности среди развитых стран. Количество разводов, соответственно, выросло: в 2022 г. их зафиксировано в 3,8 раза больше, чем в 1981 г. Основной причиной роста числа разводов является более свободное отношение к расторжению брака, нежелание терпеть рядом человека, с кем «не сложились отношения» [1].

– *Расширение практики предотвращения и прерывания беременности.* Как отмечалось выше, политика демографического контроля началась именно с распространения противозачаточных средств и легализации аборт. Буквально несколько лет прошло от полного неприятия абортов до их широкого внедрения в практику: по словам Г.Н.Кима, «в условиях урбанизирующейся жизни дети уже не представляли традиционной ценности, а нежелательная беременность стала прерываться аборт» [4, с. 4].

– *Изменение восприятия роли женщин в социально-экономической жизни общества.* Опора экономики на человеческий капитал и вестернизация жизни ожидаемо повлекли изменение статуса женщин, их ориентированность на карьеру и профессиональные достижения. Уже в 2001 г. порядка 90% женщин старше 15 лет считали, что женщине желательно иметь работу, а 40% – что женщина должна работать [4, с. 6]. Доля женщин в структуре занятых возросла с 36,5% в 1970 г. до 43,3% в 2022 г., причем структура возрастных когорт работающих женщин сегодня такая же, как у мужчин [1].

Некоторые женщины – т.н. «поколение сампо»⁵ – вполне осознанно отказываются от семейных отношений и от рождения детей в пользу обретения самодостаточности. С одной стороны, это вызвано чисто рациональными мотивами, стремлением достичь материального благополучия. С другой стороны, это протест против дискриминации женщин и плохого отношения к ним [12, с. 43].

4. *Несмотря на существенное улучшение благосостояния граждан, Республика Корея остается страной с высоким бременем воспитания и образования детей, значительным уровнем конкуренции на внутреннем рынке труда.* Бремя воспитания детей выражается в первую очередь в финансовом аспекте: дорогое жилье, медицинское и социальное обслуживание, образование и т.д. – традиционные для корейских семей проблемы. Во-вторых, РК имеет самую продолжительную рабочую неделю среди всех развитых и активно развивающихся стран: до июля 2018 г. она составляла 68 часов, сейчас – 52. Это накладывает чисто физические ограничения на возможность завести семью и уделять ей должное внимание, особенно для женщин, на которых падает почти вся нагрузка семейных забот. Следует отметить, что одной из целей законопроекта о снижении продолжительности рабочей недели в 2018 г. явилось стремление повысить рождаемость и улучшить качество жизни⁶.

В-третьих, в РК действует специфичная система образования, характеризующаяся продолжительностью образования (примерно такая же, как в европейских странах – 11–12 лет), большой трудоемкостью и высокой стоимостью. Давление со стороны семьи и общества, оказываемое на учащегося, и ответственность, которую он несет, порождает целый ряд социально-личностных проблем, обобщенно называемых «образовательной лихорадкой» и «экзаменационным адом», проявляемых обычно через психологические нагрузки, хронический стресс, отсутствие свободного времени, трудности в коммуникациях, суицидальные мысли и т.д. [13]. Всё это, в свою очередь, хоть и косвенно, но негативно влияет на отношение к деторождению и на саму рождаемость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демографическое положение Республики Корея характеризуется устойчивыми негативными тенденциями – падением рождаемости, старением населения и с 2020 г. – депопуляцией. Некоторые показатели, такие как брачность и рождаемость, имеют одни из самых низких уровней в мире. Интенсивность падения показателей рождаемости дает основание говорить о демографическом кризисе в стране.

Источником данного кризиса явилась «избыточная эффективность» национальной программы планирования семьи, проводившейся в РК с 1960-х гг. На фоне экономических реформ, урбанизации, ориентации на повышение качества жизни, продолжительного рабочего дня, высоких расходов на образование южнокорейское общество благосклонно отозвалось на ограничение количества детей в семье.

Ряд ученых говорят о провале корейской пронаталистской политики 2005–2020 гг.: работа велась главным образом над устранением последствий демографического кризиса, а не над его причинами. Расширение материальной поддержки семей с детьми и развитие социальной инфраструктуры – важные и необходимые меры, однако более значимые факторы, препятствующие созданию семей, в частности, высокая стоимость жилья и образования, остаются без внимания [11, р. 10]. Противоречивость ситуации в том, что экономическое и демографическое развитие страны лежит на плечах простых корейцев: они должны много и эффективно работать, рожать, воспитывать и обучать детей, формируя собственное благополучие, благополучие своих детей и благополучие своей страны. Совмещать это становится все тяжелее, что вынуждает корейцев и сегодня отказываться от наиболее ресурсоемких и неопределенных альтернатив, которыми большей частью оказываются дети.

⁵ Поколение, отказавшееся от свиданий, брака и рождения детей (*прим. ред.*).

⁶ <https://tass.ru/plus-one/5385257> (accessed 07.06.2023)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. KOSIS. Statistical Databases. Population. [https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId= M_01_01 &vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01#content-group](https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01#content-group) (accessed 07.06.2023)
2. Kim D.-S. Theoretical explanations of rapid fertility decline in Korea. *The Japanese Journal of Population*. 2005, vol. 3, № 1. Pp. 2–23.
3. Самсонова В.Г. Демографическая ситуация в Республике Корея: вызовы и пути оптимизации. *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2022, № 3. С. 84–92.
Samsonova V.G. 2022. Demographic situation in the Republic of Korea: challenges and ways of optimization. *East Asia: Facts and Analytics*. № 3. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-84-92
4. Ким Г.Н. Демографические процессы в Республике Корея и предпосылки эмиграции. *Вестник КазНУ. Серия: Востоковедение*. 2006, № 3 (32). С. 1–17.
Kim G.N. 2006. Demographic processes in the Republic of Korea and prerequisites for emigration. *Bulletin of KazNU. Series: Eastology*. № 3 (32). Almaty. (In Russ.).
5. Lee H.-Y. Demographic Transition in Korea. Fertility Transition of the East Asian Populations. Ed. by Cho L.-J., Kobayashi K. Kyoto: Center for Southeast Asian Studies, 1977. P. 81–96.
6. Cho N. Achievements and Challenges of the Population Policy Development in Korea. Seoul: Korea Institute for Health and Social Affairs, 1996. 106 p.
7. Lee S.-S. Low fertility and policy responses in Korea. *The Japanese Journal of Population*. 2007. Vol. 7, № 1. P. 57–70.
8. Haub C. Did South Korean's population policy work too well? *PRB*. 27.03.2010. <https://www.prb.org/resources/did-south-koreas-population-policy-work-too-well/> (accessed 03.06.2023)
9. Seung H.S. Low fertility trend in the Republic of Korea and the problems of its family and demographic policy implementation. *Population and Economics*. 2019. Vol. 3, № 2. Pp. 29–35.
10. Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. При каком демографическом сценарии/сценариях развитие страны запада смогут избежать сокращения населения к концу века? *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 1, № 6. С. 178–190. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.06.01.021
Shulgin S.G., Zinkina Yu.V. 2020. Under what demographic scenario/scenarios can developed western countries avoid population decline by the end of the century? *Economy and Management: Problems, Solutions*. Vol. 1, № 6. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.06.01.021
11. Byrne T., Corrado J. South Korea's demographic advantage is over: The regional context and the economic and security implications. *Pacific Forum Working Paper*. 2021. Vol. 21, № 10. Pp. 1–16.
12. Эм П. Республика Корея. Второй демографический переход: особенности и результаты. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 1. С. 38–45. DOI: 10.31857/S032150750003342-8
Em P. 2019. The Republic of Korea. The second demographic transition: features and results. *Asia and Africa today*. № 1. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750003342-8
13. Федотова А.Д. Влияние системы образования на социальные и демографические проблемы Республики Корея в XXI веке. *Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе*. 2022, № 39. С. 79–96.
Fedotova A.D. 2022. The impact of the education system on the social and demographic problems of the Republic of Korea in the 21st century. *Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language at the university and school*. № 39. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Красова Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Институт международного бизнеса, экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия.

Elena V. Krasova, PhD (Economics), Associate Professor, Institute of International Business, Economics and Management, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

Москальонова Анастасия Александровна, магистрант, Институт права, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия.

Anastasia A. Moskalyonova, Master's student, Institute of Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 08.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.10.2023